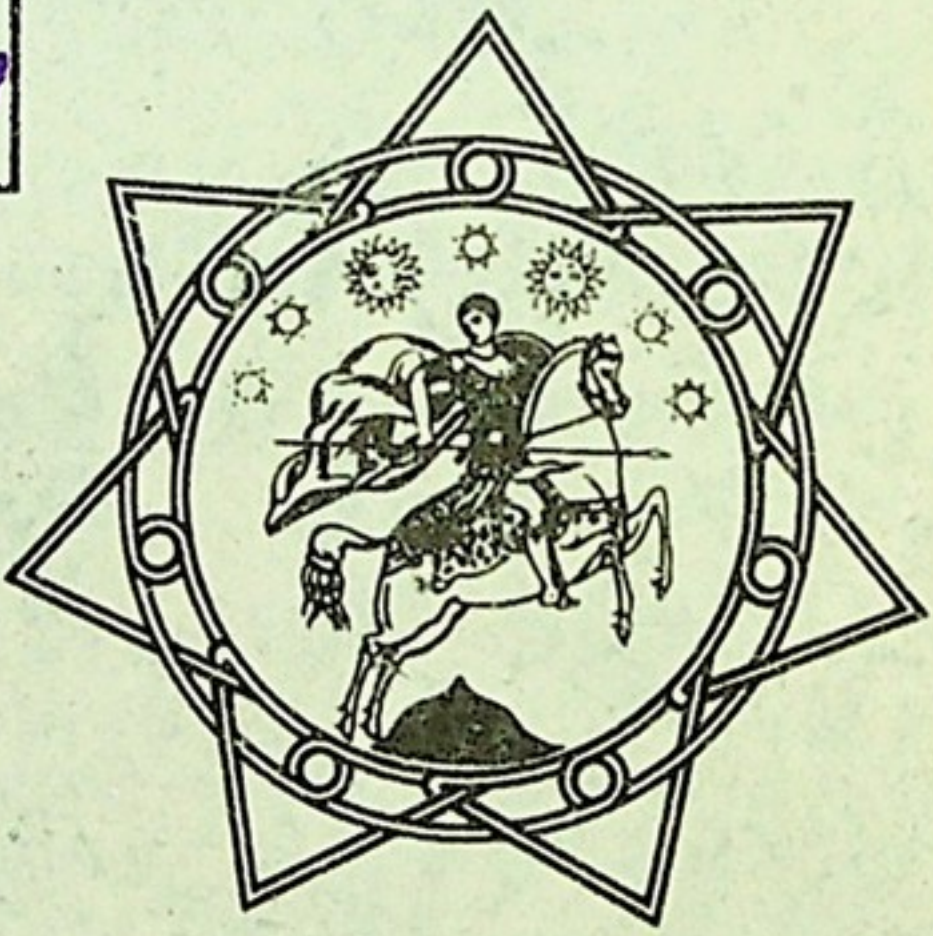

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1991

10.335/
1991/4

3

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

**Подписка
на**

«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГРУЗИЮ»

*принимается без ограничений во
всех отделениях «Союзпечати».*

Цена подписки на 6 месяцев—7 р. 80 к.

Цена отдельного номера —1 р. 30 к.

Индекс 76117.

საქართველოს
წიგნების კავშირი

1991

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ШОТА НИШНИАНИДЗЕ.** Стихи. Перевод Людмилы Букиной 3
- ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ.** Змеиная рубашка. Роман. Продолжение. Перевод Камиллы Коринтэли 8
- ГУРАМ РЧЕУЛИШВИЛИ.** Стихи. Перевод Виктории Зининой 78
- ДЖЕМАЛ КАРЧХАДЗЕ.** Соломоннада. Повесть. Перевод Александра Златкина 82

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АКАКИЙ БАКРАДЗЕ.** «Укрощение литературы». Продолжение. Перевод Лианы Татишвили. 145
- НОННА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ.** Живые отзвуки 164

3

Издательство «Самшобло», Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

საქართველოს
ლიტერატურის

ПУБЛИЦИСТИКА

ТЭМО МИРИАНАШВИЛИ. Мы, абхазы и дру-
гие 170

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

«РАДИ ЛЮБВИ К ОТЧИЗНЕ...» Письма
С. Додашвили. Вводное слово И. Бахта-
дзе и Н. Димитриади 215

СПАРТАК РЕХВИАШВИЛИ. «Не забуду его
доброе сердце» 223

—
Некролог 224

* * *

О, Боже, мира сущего творец!
Когда явить на свет меня захочешь вновь,
пусть будет тот же у меня отец
и та же самая течет по жилам кровь.

Подолу Богоматери подобна
земля, где я родился и живу.
Господь, не изгоняй меня из лона
земли, которую отчизною зову.

Опять даруй мне то, что пережил,
и снова ниспошли мне дар поэта,
чтоб по-грузински песню я сложил
и плакал, и благодарил за это.

Покинутая деревня

Пылают чащи солнца и гранатов,
растущие вдоль берегов реки.
Как силуэт борзой, бежит куда-то,
петляя, улочка, — прыжки ее легки.
Ни леса больше нет, ни рощ прибрежных,
которые я видел в детских снах.
Земля, возделанная предками прилежно,
от пота горяча и солона.

Вот это небо, тишина, похоже,
лишь старикам теперь принадлежит.
Здесь даже куст пустить корней не может —
земля заброшенная, голая лежит.
Бегу я в город — вестник поражения.
Смеются люди в фесках и чалмах...
И приглушенный смех покинутой деревни
преследует меня, как кровный враг.

საქართველოს
მემორიალი
განგაშის მუზეუმი

143.073

Это время пестрых сновидений,
к зрелости тревожный переход,
В шуме пролетающих мгновений,
приближаясь, шум реки растет.
Время, суть твоя необъяснима.
Ты — причина беспричинных дел.
Ты идешь навстречу нам незримо
и сдвигаешь прошлого предел...
Лягу навзничь, по лесу блуждая...
Солнце брезжит, и туман густой,
к небу диким скакуном взлетая,
падает клочками меж листвою —
расползлись они в траве, как зайцы...
Длинные, прозрачные хвосты,
как веревки, в воздухе клубятся
и лежат в оврагах, как бинты.
Солнце пробивается сквозь тучи...
Взгляд от неба трудно отвести:
облака плывут рекой могучей
над землей, по древнему пути.
Явь и сон, легенды и преданья,
день грядущий и минувший день —
все смешалось в небесах. Молчанье —
слова неродившегося тень.
Ты сказать не можешь это слово,
никому не в силах объяснить —
так оно значительно и ново.
Брезжит в нем таинственная нить.
Это слово не дает покоя
и волнует, словно шорох крыл.
Что-то незнакомое, иное
ты внезапно сам в себе открыл.
Господом дарованная милость
столь чудесна и светла была,
что душа, хотя и изумилась,
изумиться все же не могла.
Ты теплом охвачен непривычным,
ощущаешь нежности прилив...
Страсть к полету обретаешь птичью
ты, великодушие открыв.
Ни обид, ни жалоб, ни сомнений —
вверх тебя иная страсть влечет.

Ты растешь так быстро, что мгновенье
для тебя вмещает целый год.
Доброту — высокий дар бесценный
ты у неба щедрого снискал.
Ты — тот самый мальчик, что в смущенье
губы пересохшие кусал.
Был ребенком ты, и символ круга
в высшей воле не умел прочесть:
ты не знал, что влюблены друг в друга
день и ночь, рождение и смерть.
Листьев гвалт веселый, щебет солнца
молодым вином в тебе кипит,
лишь природа вечная проснется
и олень призывно затрубит.
Ожиданье это, ожиданье...
Будущего, будущего зов...
Кроткая стыдливость и дерзанье,
и сомнений чуть заметный шов...
Это и надежда, и богатство,
нищета и мудрости покой,
солнца с небом вековое братство.
Это — возраст переходный твой.
Сновиденье или явь — не знаю.
Может быть, я просто опьянен...
Равновесье жизни ощущаю:
побеждает тот, кто побежден.

* * *

Весенний дождь опять пройдет однажды,
и почки вновь раскроются отважно.
С дождем листва шептаться будет так же —
тревожит душу шелест этот влажный.
И девочка придет украдкой вновь,
хоть дорого заплатит за любовь.
Придет та девочка — такая же, как ты;
глаза — фиалковые нежные цветы.
Такой же, как и я, тот мальчик со свирелью,
окутанный плащом серебряной сирены.

Похожие на нас, но все-таки — другие.
Лишь в памяти живут мгновенья дорогие.

* * *

Нетронутый морской песок лежит.
Вон девочка по берегу бежит!..
А вслед за ней следы бегут, порхая, —
словно птенцов неугомонных стая.

* * *

Я с детства колыбельного впитал
мистерию травы и запах молока.

В протяжном слове «диидо...» слышу я
и голос Господа, и голос бытия.

Несчастный человек по-волчьи вечно рыщет:
плетет ограду, строит, чинит, ищет...

Отдать хранительницу очага — корову
на бойню люди жалкие готовы.

От бремени долгов, забот и принужденья
нам не избавиться до смерти, к сожаленью.

Смеркается... Молочным ароматом
деревья и строения объяты.
Слова языческой молитвы и обиды
мне слышатся в протяжном крике «диидо...»

* * *

Когда враги друг друга целовали,
когда с трибун друг друга восхваляли
и некрологи загодя писали...
Когда священники в церквах
в очко играли...
Когда поэты
строки воровали...
Когда родильные дома
младенцев продавали...
Когда жрецы вина
лозу
бездумно корчевали
и, вырвав с корнем виноград,

Национальная библиотека
Республики Крым

арбузы там сажали...
Когда посты секретарей
за взятки продавали...
и членство в партии бесстыдно покупали...
Когда под Симферополем могилы
расстрелянных в войну разрыты были, —
выдергивали зубы золотые
у мертвецов потомки молодые...
Тогда увидел я: летает черепаха,
ворону белую приветствуя без страха.
Народ молчит, не говорит ни слова,
наивно ждет пришествия второго...
В те годы я писал о рыцарстве прекрасном,
об истине, не омраченной ложью...
Ответьте мне, потомки, беспристрастно,
кем был я в эти дни: глупцом опасным,
безумцем или человеком божьим?

Перевод Людмилы БУКИНОЙ

Змеиная рубашка

РОМАН

КОРМИЛИЦА

В дороге — молчание.

Вамех нарушает это молчание.

— Бедный князь...

— ???

— Где он сейчас?

— ???

— Или его маленький сын?

— ?! ?! ?!

— Бедная кормилица — Саломе...

— !? !? !?

— Давайте проведем ее: возможно, она нуждается в чем-нибудь?

— Проведаем! Проведаем!

Это не Арчибальд говорит — это кто-то кричит в нем.

— Вернемся... А вы будто бы врач...

... ..

Маленькая хижина. Перед нею — открытая терраска. На терраске, у стены — постель. На постели часто стонет больная. Рядом — женщина, за больной ухаживающая.

— Пожалуйте...

Они соскакивают с лошадей. Привязывают лошадей к столбам терраски.

— Давно она болеет?

— Давно.

Продолжение. Начало см. в №№ 1 и 2.

— Мой друг доктор.
— Благослови вас Господь!

Больная чуть приподнимается:
Потухшие глаза. Где-то вдали — в глуби — свер-

канис.

Грудь высохшая и впалая. Руки — кости.
Женщина, за ней ухаживающая, обращается к

врачу:

— Осмотрите ее, пожалуйста!..

Незнакомец смотрит на больную. Смотрит издали
— как бы не смея приблизиться.

Вамех словно бы старается вывести друга из по-
ложения. Он спрашивает больную:

— Это вы были кормилицей княжеского сына?

— Макашвили?! Да, я.

— Да-а... сколько времени прошло с той поры!..

— Вы помните его?

— Маленький Арчил... мой мальчик... как же мне
не помнить...

— Его звали Арчилом?

— Арчил... Маленький Ачико... Увидать бы мне его...
перед смертью...

— Увидите... увидите...

Это не Арчил говорит — это опять в нем кто-то
кричит.

Вамех изумлен.

Женщина смотрит в упор на Арчибальда.

— Вы...

Арчибальд не знает, что она скажет. Он срывается
с места и с рыданиями бросается ей на грудь.

— Я это... я... Арчил...

Это говорит уже сам Арчибальд.

Он целует иссохшие груди. Эти груди питали его
молоком. Теперь они высохли. И нет уже в них молока.

Но глаза! Глаза больной!..

В глазах есть все. Слезы. Любовь. Корни. Радость.
Воскрешение. Снова слезы. Еще слезы. В слезах —
все.

— Арчил! Арчил!

Иссохшие руки обнимают его шею — (какие уста
поцелуют так?!).

Слышны только его рыдания.

Вамех поехал вперед. Он пустил коня вскачь.

Арчибальд отстал. Его лошадь идет шагом.

Отчего Вамех уединился? Может, обиделся, что Арчибальд скрывал от него тайну? Вамех ревнив. Арчибальд огорчен. Он едет не спеша.

Та же часовенка. Тот же дворец.

Орех опечален. Корень — еще более.

Он соскакивает с коня. Привязывает его к воротам.

Входит во двор.

Заклятое место?! Нет: это его родина. Родину нельзя заклясть.

Здесь он родился. В этом доме. Здесь бабка-повитуха перерезала ему пуповину. И пуповина его соединилась с этой землей. Где ее части теперь? Пропали? Исчезли? Нет: здесь они, в этой самой земле.

Он озирается по сторонам: никого вокруг — (европеец боится сторонних глаз). Смотрит на выбившийся из земли могучий корень ореха. Падает на этот корень. Целует землю. Просовывает голову под высокий изгиб корня и пролезает.

Поднимается с земли — уже другой: окрепший, сильный.

Еще раз глядит на землю и на корень.

Поворачивается. Идет к коню, садится в седло. Пукает коня вскачь.

Никогда еще не ощущал он в себе такой силы. Тело подчинено неведомому мощному ритму. Никаких преград. Никаких препятствий. А если они встретятся — он разрушит и преодолет их.

Сила юноши передается и коню: ноги его уж и не помнят, спотыкались ли они когда-нибудь.

Но в этом стремлении — одна зазоринка: уехавший вперед Вамех.

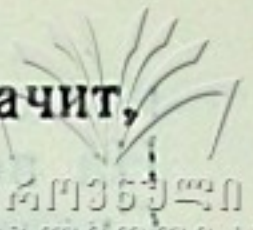
Почему он уединился, почему оставил Арчибальда одного? Может, обиделся, что Арчибальд до сих пор не открыл ему тайну?! Вамех ревнив.

Арчибальд просветлен. Лишь эта мысль омрачает просветленность.

Но — навстречу скачет Вамех.

В одной руке у него хелада, полная вина (у соседа попросил?).

3141359-20
308-11110333

Он приближается. Лоб открытый, ясный. Значит, напрасны были подозрения. «Славный Вамех!»

- Арчи...
- Да, Арчил, Арчил!
- Земля обрела своего сына... В знак этого: зедашэ!¹

Арчибальд пьет вино. Возвращает Вамеху. И Вамех пьет.

- Благослови Бог его создателя!
- Воистину!

Они подгоняют лошадей друг к другу. Протягивают друг другу руки.

Лошади отворачивают головы в разные стороны.

Арчибальд пьет снова. Снова передает сосуд Вамеху.

Вамех осушает сосуд. Бросает в сторону. Глина: вдребезги разбивается о камень.

- Зачем ты его разбил?
- Чтоб не коснулись его другие губы.
- ???
- И чтоб не возжаждал он другого вина.

Вамех поднимает коня на дыбы. Пускает вскачь.

Выхватывает из ножен саблю. Проносится мимо купы деревьев. В стороне — яшень.

Взмах сабли — и ветка в руку толщиной летит на землю. Вамех поворачивает коня. Мчит к Арчибальду.

- Вот это сталь!..
- С восторгом смотрит на саблю.
- Плохую сталь Тамаз Макашвили не взял бы в руки...

- Так значит эта сабля...
- Моего отца...
- Вамех теперь — сам как сабля.
- Конь грызет уздечку.

МАЙЯ

Кукуруза потоком обрушилась на плетенный из рододендроновых ветвей налиа². Столбы налиа — из

¹ Зедашэ — здесь: наилучшее вино.
² Налиа — в Западной Грузии амбар на высоких столбах для хранения кукурузы.

негной-дерева — почти не видны, кукурузой завалены. На вершине кукурузной горы сидят юноши и девушки. Среди них и Матаси. На горе кукурузной — точно сирена в морской пене.

Внизу, возле столба — трехногий стульчик.

На стульчике сидит Саридан, курит чубук.

Подле него дремлет, растянувшись на земле, Аллан.

Кукурузная гора — в сетях луны.

Очищают кукурузу. По одну сторону бросают початки, по другую — шелуху. Желтые зерна кукурузы — точно зубы драконовы на квакше древесной.

Аромат... Аромат!

Початков — листьев — кукурузного волоса.

Вамех среди ребят — тоже перебирает.

Арчибальд пробует ногтем початок. Нюхает (впервые?!)

Запах кукурузного початка не вытравить из памяти.

Всколыхнулось далекое. Видятся там, вдалеке, детские ручонки. (Руки — не с початком ли играют?)

Вамех настойчиво спрашивает Саридана:

— Так что же случилось с каменным юношей?

— С каким каменным юношей?

— Который высечен в скале там, за рекой...

— А-а-а...

— Это правда? Говорят, если зверь на этот камень глянет — лишается силы.

— Правда, правда.

— Правда?! У птицы крылья опускаются — если близко пролетает...

— И это правда...

— Расскажешь нам, дедушка Саридан?

Это голос Матаси.

Голос сверкнул, как аметист в брызгах воды.

Арчибальд взглядывает на нее.

— Расскажи! Расскажи, дедушка! — это ребятня — юноши и девчонки.

Старик затягивается чубуком, выпускает клуб дыма. Сплевывает. И тихим голосом, неторопливо, заводит сказ:

— На той реке, оказывается, мельница стояла... давным-давно... в незапамятные времена... А на той

мельнице жил старый мельник. И был у него единственный внук...

Девчонки краснеют. Жмутся друг к дружке.

Листва кукурузная шелохнется разок — и стихает шорох.

— Да, внук... юноша сильный и статный... Однажды и говорит ему старик... юноше, значит: не думай, внучек, что река всегда течет—движется: есть в ночи такой миг, когда и река засыпает...

— И река засыпает?!

В сверкании аметиста звучит удивление.

— Да, детка... ночью все на свете хотя бы на миг уснуть должно... ну и вот... сказал ему еще старик... внуку, значит... тот, кто этот миг улучит, тот диво дивное увидит...

— А что увидит? Что увидит?

Девчонки ерзают, глаза сверкают.

— А увидит, как из реки женщина выходит — краса несказанная...

— Женщина?! Краса несказанная?!

Загораются мальчишки.

— То-то...

— Потом, потом?

— А вот что потом: юноше чудно было это слышать...

— Река засыпает... что-то не пойму я...

Аметиста сверкание тонет в лунном сиянии.

— Надо все забыть, тогда и увидишь, как спит река, — сказал еще старик. Так-то...

— А юноша захотел увидеть ту женщину, верно? — улыбается Вамех.

И старик улыбается.

— Захотел, да как захотел! Совсем разум потерял... все дни обалдевший ходил... Ночей не спал. Однажды ночью, когда старик крепко уснул, юноша встал тихонько, взял сеть, вышел из мельницы... и пошел вдоль реки, по-над водою... А ночь лунная стояла... Подошел к одному месту, забросил сеть. Не вытащил рыбу. Опечалился юноша. Не стал больше рыбачить. Взошел на вершину скалы и на луну уставился. Стоит, любуется...

Слух Арчибальда зацепился за слово «луна». Глянул вверх: луна уж бледнеть начинала. Он обернулся на Матаси. В лунных лучах ее лицо отсвечивало голубизной снега. Матаси слушает, замороженная.

— А чего он на луну уставился? — не терпится девчонкам.

Старик затягивается трубкой, сплевывает.

— Чего уставился? А кто ж его знает... Задумался, значит, юноша... словно бы унесла его река... так-то... забыл обо всем на свете, все забыл — одно только помнил...

— Девицу-красавицу помнил, да? — шутит Вамех.

— Ага, одну ее и помнил... как во сне был... будто спал с открытыми глазами...

— А что это такое — сон с открытыми глазами? — спрашивают парни.

— Сон с открытыми глазами? Когда у человека глаза открыты, а сам-то спит, сны видит...

— Это что ж такое?..

Не понимают парни. И девушки не понимают этого.

— Вот как Матаси; на луну глядит и сны видит...

Брат ласково кладет руку на плечо сестры. Матаси смущается.

— Дальше, дедушка, дальше?

— Потом, видишь ты, соснул маленько парень... одолела, значит, его дрема. А луна прильнула к реке, тает, серебром над ней растекается.

Опять Арчибальда царапнуло слово «луна». И еще — «река». Взглядывает на Матаси. Матаси — точно рукав реки, луной потревоженный.

— Луна к реке прильнула?!

— Ага-а... прильнула... река потянулась... луна светит... река течет лениво...

— Ну, дальше, дальше?..

— Дальше-то? Уснула река...

Девушки и парни — вместе: а-аа-а-а??!

Кукурузные листья шуршат и стихают.

Початки застывают в замерших руках.

Луна льет косые лучи.

— Потом, потом?

— Потом... потом, оказывается, испугался парень, вздрогнул...

— А река?

— Река шевельнулась... вспенилась вода...

— Вспенилась?..

— Пена женщиной обернулась...

— Ну, ну, дальше!..

— А женщина — краса несказанная — обратно в пену обратилась...

— А парень?

— Парень обалдел вконец... и только сердце запыло, зашло сладко от приятности какой-то непонятной...

— Потом?

— Потом снова сон его забрал... когда проснулся...

— Ну что, что он увидел?

— Проснулся и чувствует — глаза его чьи-то руки прикрывают...

— Чьи руки, чьи? — сгорают от нетерпения девочки.

— Руки женщины.

— Руки женщины? — вспыхивают мальчишки.

— То-то и оно, руки женщины...

Старик затягивается трубкой, сплевывает.

В сознание Арчибальда врезается слово «река». Он взглядывает на Матаси. Замершие руки успели наполовину очистить початок. Точеные пальцы ласково сжимают желтые зерна.

— Потом, дедушка, потом?

— Поднял парень руку... свою руку, правую... коснулся женской руки... со страхом коснулся...

(Матаси поеживается).

— И что же?

— Рука женщины горячая была... юноша руки той не видал... только коснулся своей рукой... его глазами тогда его рука была... рукой ее руку целовал...

(Руки Матаси вздрагивают).

— Вот это д-дааа!... — задыхаются мальчишки.

— Ага-а...

Старик затягивается. Сплевывает.

В сознание Арчибальда врезается слово «рука». Он взглядывает на Матаси. Рука обнажена. Трепет и желание в обнаженной руке.

— Потом, потом! Дальше. дальше!

— Юноша и спрашивает: кто ты? А женщина отвечает: у меня имени нет, я — безымянная...

— Ты смотри!

— А голос у нее такой сладостный был, сладко-

звучный... Юноша возьми и поклонись ей: отныне, говорит, я твой... И она ему отвечает: я, говорит, приходить к тебе буду... Только она это сказала, и вдруг — бултых в воду вниз головой и исчезла...

(Пауза).

Внезапно край кукурузной горы, на котором Матаси сидела, с шумом обрушился. Матаси с визгом полетела вниз. Туда, где листва кукурузная в кучу свалена была.

Обнаженное колено на миг коснулось Арчибальда.

Вамех поймал сестру. Удержал. И шутит:

— Матаси наша — речная девочка!..

— Ха-ха-ха!

— Думала, верно, что внизу река, а не листья кукурузные!

— Кукуруза рассыпалась и меня с собой утащила..

Матаси пристыженная — (почувствовало ли что-нибудь обнаженное колено?).

— Дальше, дедушка?

— Дальше... Закручинился, загрустил юноша... Из дому сбежал... дни в тенечке лежал, ночами на реку ходил, на то самое место... Сам не свой стал... И чудеса разные слышал... слышал, как трава растет... вот оно как... и те руки помнил, ох, и крепко их помнил...

(Руки Матаси шевельнулись).

Ребята не унимаются:

— Руки женщины, поди-ка ты!..

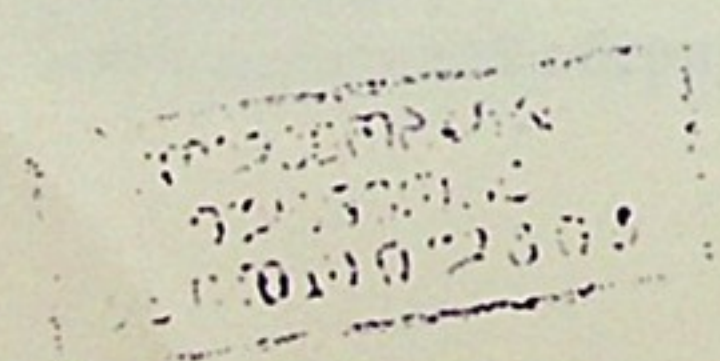
— А потом?

— А потом было: пошел он однажды к скале той... и опять полная луна по небу плыла — как и тогда... присел он... вздремнул маленько... дрема его одолела. То ли миг прошел, то ли век: не понял он. Да и что он понять мог?! И как проснулся, чувствует — та женщина рядышком с ним сидит... Только теперь глаз его не трогает... Хотя сам-то глазами ничего и не видел: в глазах туман, марево какое-то... и тащит его женщина во тьму... а он хмелеет и сил никаких... была та женщина белая-белая и твердая, как камень... камень он лобызал, камень пил, не радость...

— Камень пил?!

— Вот-вот...

(Пауза).

— Что с тобой, Матаси?

Вамех глядит — Матаси набок клонится, вот-вот упадет, глаза затуманены...

Вздвогнув, она выпрямляется.

(Обнаженную руку ощутила рука Арчибальда: остановила).

— Ничего... мне под орехами кто-то померещился...

— Я ведь сказал: она сны видит с открытыми глазами...

— Ха-ха-ха!..

Заливаются, хохочут девушки и ребята.

— Дальше, деда!..

— Дальше парень стал ее просить-молить: покажи мне лицо свое.

А та в ответ; я, говорит, невидимая... коли смертный меня увидит, дорого ему это станет... Так, оказывается, она ему сказала...

— Русалка, значит, была, что ли?..

— А то!..

— И больше он ее не видал?

— Как же нет!

— И что с ним случилось?

— Онемел парень. Дара речи лишился... слова не произносил и не глядел ни на кого... и не слушал никого... одно желание им владело, одна страсть...

— Увидеть колдунью, да?

— Да, ее увидеть... вот оно как... Пошел он еще раз на берег речной... снова сон его сморил...

— Сколько он спал!

Ребята и девушки смеются, тихий смех бисером рассыпается.

— Да, уснул, значит...

— Потом, потом!

— Ну, что ж потом: река замерла, остановилась... проснулся парень и видит: речная гладь разверзлась, точно разрезали ее, и выплыла на поверхность женщина... медленно так всплыла... волны вспенены были... а она — в пене да в чем мама родила...

— Увидел ее парень?

— Она ему крикнула: не гляди на меня, не гляди!

— А он посмотрел?

— Да как же он не посмотрел бы! Она ведь его околдовала!

— Потом?

— Потом, значит, так было: глядит на нее, значит, парень... а она черные волосы по плечам разметала — точно темный туман густой... и смотрит на него в упор, раскосыми глазами своими сверлит-посверкивает: точно синий-синий камень в ручье...

— Не удержал ее парень-то?

— Куда там! Она еще разок крикнула ему, оказывается — «не гляди, мол, на меня!» Только разве ж его глаза что-нибудь лучшее увидали бы! И тогда она крикнула ему: «во веки веков тебе только меня и видеть!»

— Потом?

— Нырнула она в воду — и исчезла...

— А парень?

— А парень в камень обратился...

Молчание. Тишина.

— Значит, каменный юноша он и есть?

— Он и есть, мельников внук.

(Пауза).

Видит Арчибальд:

Луна: обнаженная женщина...

Гора початков: зубастые квакши древесные.

Листья: вспененные жемчужины.

Местность — в лунных сетях.

В ней — видение прекрасного.

Сеть тускнеет: красота исчезает, тает.

Куча початков — и Матаси.

На кого она смотрит? Кого слушает? (Не себя ли?)

«Майя», — мысль Арчибальда.

Аллан рычит на луну.

МАТАСИ

Груша «чичква» оплетена плющом.

Возле груши — быки. Все — черные: ни пятнышка. Щиплют клевер с эпическим спокойствием. Отгоняют хвостами мух.

На широком пне сидит Арчибальд. Смотрит на виноградник.

Виноградник пока еще — синее озеро. Медный купорос расцветивает листья.

Собирают виноград. Множество женщин, множество детей.

Солнце на склоне. Цикада звенит — не смолкает. Порой доносится пение мойщика квеври — как из-под земли.

Виноградник колышется — будто в нем дикий зверь бродит и мягкими влажными губами обрывает спелые гроздья.

Лошадиный череп на колу: чтобы не сглазили лозу.

Смех. Вскрики. Шепот. Зов.

— Матаси! — голос матери.

Из листвы высовывается девичья головка.

— Да, мама!

— Позаботься о госте...

Арчибальд слышит голос — слов не разбирает.

Он снова созерцает виноградник.

Багряное благо солнца. Неистощимое лоно земли.

Он смотрит в сторону. Идет Матаси, идет застенчиво. В руках — корзина, плетенная из пшеничных стеблей. Корзина полна винограда.

Стан стройный. Голова опущена. Волосы заплетены в косу — толщиной в руку. Цвет волос — темный туман Саирме. Или — плотный лист дуба: темный до черноты. И сама она — листва, молодая листва, зазеленевшая на молодых побегах дуба: благоуханная, свежая...

— Угощайтесь, прошу вас!

Она протягивает ему корзину.

Все тот же голос: сверкающий аметист. Сейчас — дрогнувший.

— Благодарю.

Арчибальд берет у нее корзину. Глаза меряют девушку.

Матаси смущается. Вскинувшись, поднимает голову. Взглядывает на него.

Глаза черные. В глубине — синий камень поблескивает.

«Майя!» — вспоминает Арчибальд. Он смотрит на нее, чересчур уж смотрит.

Матаси внезапно поворачивается и уходит. Идет к

марани. Арчибальд провожает ее глазами. На кого она похожа? У нее ресницы великой Тамар — (такие ресницы — только в Грузии), но взор Тамар медленный, величавый, а у нее — пылает странно. Кого она ему напоминает? Ах, да — Ирахшанду!

Только: в глазах Ирахшанды — печаль далекая. Здесь — лучезарность.

В Ирахшанде луна расплавилась. На теле Матаси солнце горит.

Она возвращается. Несет тарелку.

— Вот, пожалуйста... выложите на тарелку...

— Благодарю вас...

Арчибальд кладет гроздь на тарелку.

— Как называется этот виноград?

— Ркацитэли...

— А этот?

— Цицка...

— А этот?

— Крахуна...

Арчибальд смотрит попеременно то на Матаси, то на виноград.

— Какие великолепные гроздья!..

— Нынешний год не так уж хороши...

Матаси уже не смущается.

— А что, бывают лучше?

— Конечно, бывают лучше...

Голос Матаси звучит смелее.

Она оборачивается — видит идущего брата и стремительно направляется к винограднику (застыдилась?).

— О, Вамех!..

— Это Матаси вас угощает?

— Да... Какая красивая у вас сестра, Вамех...

— Моя сестра и для вас — сестра.

Вамех улыбается. Арчибальда охватывает необыкновенно приятное чувство. Вдруг он что-то вспоминает. Явно смущается. Вспоминает еще что-то. И торопливо говорит Вамеху:

— Вамех, вот здесь сто рублей... Отправьте, пожалуйста, Саломе в санаторий...

— С радостью... О-о, как обрадуется старушка...

— Пока пусть будет это...

Пауза.

Экспонаты
Музея

— Вамех, Вамех!

Это зовет Саридан.

— Я здесь, дедушка! Сейчас приду...

Вамех уходит. Арчибальд снова обращает взор на виноградник. Там — в листве — затаилась Матаси. «...И для вас сестра...» Вправду ли? Сестра ли?! Нет. А может, женщина: которая в сердце вторгнется? Нет. Может, друг?! Нет. Не сестра — не возлюбленная — и не друг. И в то же время: и сестра — и возлюбленная — и друг. Должно быть найдено другое слово и другое имя. Может, Ифигения?!

Вновь появляется Матаси. Несет к марани полную корзину винограда.

Арчибальд следует за ней. Нагоняет.

— Позвольте, я понесу корзину.

— Нет, я сама...

— Вы мне отказываете?

Арчибальд улыбается. Суровость Матаси оттаивает. Смягчившись, она говорит:

— Хорошо, несите...

И убегает вперед. Арчибальд несет корзину.

Вот и давиляня. Он высыпает виноград.

Матаси держит в руке черпак из выдолбленной тыквы — хапи, полный сладкого виноградного сока.

— Отведайте...

В голосе — чуждый звук...

— Благодарю...

— Только что отжатый... сладкий сок.

— Благодарю...

Он принимает сосуд и пьет. Затем сам наполняет хапи.

— Выпейте и вы...

— Я уж столько пила!..

— Но ведь я вас прошу...

Матаси принимает у него из рук хапи. Пьет. Глаза застилает туман. Синий камень расширяется и влажнеет. Матаси вдруг срывается с места и убегает в виноградник.

Арчибальд идет в другую сторону.

Да-а: теперь ему вспоминается: Большой Карлу — и Святая Нино. Матаси больше похожа на Нино. Синюю дева, преисполненная женственности. Влюбленная

в Иверию. В ее землю и ее виноградники. Из обрезков лозы дева складывает крест. Лоза исходит слезами (радости?!). Дева осушает эти слезы своими волосами. И лозе сладостно их прикосновение. Она отрезает прядь волос и скрепляет ею крест. Матаси — Нино. Если он нарисует Матаси — это будет Нино. Он оборачивается — снова Матаси. Теперь рядом с матерью. Обе одного роста. Она ласково смотрит на мать. Отчего не смеется мать?! Почему хоть улыбка не пробегает по ее лицу?! Почему молчит она постоянно? Грузинская икона Святой Марии такова.

Арчибальдом овладевают далекие думы:

может быть, и Матаси с любовью вспоминает потерянного где-то отца?

Арчибальд отгоняет эту мысль.

Он направляется к дзелквам. Там старик Саридан. И там — Вамех.

— Значит, завтра уезжаете?

В голосе старика боль.

— Да, завтра мы должны ехать, — отвечает Вамех.

— Сердце говорит мне что-то...

— Что оно говорит?

— Сердце чует недоброе...

— Но что?

— То, что не увижу более тебя.

— Дедушка! Дедушка Саридан?!

— Да, сыночек...

— Нет, нет, что ты! Дни твои долги, дедушка!..

— И долгим дням положен предел...

Арчибальд, стоя под дзелквами, любуется окрестностью. Кто только не бывал здесь?! И кто еще побывает... Отец! Где ты есть? Отец!..

— Нет, дедушка Саридан! Ты еще увидишь меня...

— Постарел я, сын мой... Согнулся...

— Нет, ты еще молодцом!.. А ну, давай померяемся ростом, вставай-ка!

Саридан колеблется. Смеется. Вамех не унимается. Саридан встает.

Вамех становится рядом с ним.

— Вот видишь, дедушка, и вовсе ты не согнулся!

— Ты славный, мой мальчик... Будь здоров и благополучен...

И Саридан тоже веселеет.

Арчибальд ощущает боль. Завтра он должен покинуть эти места... Вернется ли? Какое медленное здесь солнце! Когда оно заходит, багряное око его остается в Саирме. Саирме синий, и багряный зрачок заходящего солнца превращается в лиловый самоцвет. Этот самоцвет — синий свет — соколиный глаз. Соколиный глаз глядит с Персатских гор: на Рионскую долину — пойменные рощи Квирилы — ущелье Ханисцкали. Может, вся эта сторона и есть соколиный глаз?!

Арчибальду боязно: не в последний ли раз созерцает соколиный глаз?

Как хорошо, что Вамех едет с ним!

... ..

Под орехами вечер.

— Как это было, дедушка Саридан?

— Так оно случилось, сынок, так получилось...

И медленно старик заводит сказ.

Закончит — и опять спрашивает Вамеха:

— Значит, не передумал уезжать-то?

— Нам непременно нужно ехать, дедушка...

Откуда-то вдруг появляется Матаси.

— Матаси, детка... завтра они уезжают... — говорит ей старик.

Матаси заливается румянцем.

— Оставайтесь еще на денек... —

она смотрит на Арчибальда.

— Увы, это невозможно...

— Но ведь я вас прошу?..

Матаси — как всходы солнечных зерен.

— Да... тогда... раз так, отказать трудно...

Арчибальд не в силах скрыть радость.

И Саридан также. И Вамех. Радость Матаси скрывается за смущением.

Вамех вдруг хватает сестру и поднимает на руки.

Матаси одергивает платье на коленях.

Глаза ее устремлены на Арчибальда.

... ..

Послезавтра в этих глазах Арчибальд увидит две слезинки.

В уголках.

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

А. Блок

Сердце всегда одиноко.

А если оно согрето любовью? Тогда сердце — один лишь страх: чтобы не разбилось другое сердце. А если разлучено оно с этим сердцем?! Тогда сердце — одна лишь печаль (может, предчувствует: что когда-то разлучится навсегда).

Сердце — барометр смерти.

(Вечная грань вечной меланхолии): лирика.

Арчибальд Мекеш — среди лавок казвинского базара. Но сердце его — далеко.

В лавках десять тысяч сердец — с десятью тысячами желаний.

Это сердце им непричастно.

В сердце Арчибальд читает письмо Ольги. Брат поправляется. Сама она вскоре возвратится. Такое расстояние тяжело вынести и ее сердцу. Оно бьется брошенным птенчиком. Сердце разорвется. Петербург корежится — там что-то происходит. Но если и Петербург рухнет? Тогда меж двумя сердцами разверзнется пропасть.

Черт с ним, с Петербургом, — пропади он пропадом! Только бы сердце нашло сердце — (это мысли Мекеша?!).

Как мало нужно человеку!

Арчибальд Мекеш расхаживает между лавками — прилавками — ларьками.

А сердце его далеко отсюда.

Нет. Удивительный город Петербург. Гигант, сифилитической одержимостью Петра Великого исторгнутый из топей финских болот. Гигант, закованный в гранит. Чугунный всадник сидит на мчащемся коне. Всадник бешено натянул поводья: конь взвился на дыбы. И окаменел — как гранит. А если оборвет узду? И понесется вскачь? А если и всадник последует за ним? Финские болота фосфоресцируют в ночи. Фосфорический свет

раздваивает очертания предметов. На петербургский гранит обрушиваются призраки: химеры всевозможных рас. Испытывают прочность гранита. Выдержит ли?.. Среди фосфорических видений мерцают глаза Достоевского. Нахлынет эпилепсия и пеной изойдет. И уста с непросохшей пеной прокричат «конец света» и Иоанновой трубой огласят мир. Эпилепсия разверзнет глотку с яростью Апокалипсиса. Конь изгрызет узду: оборвет ее и понесется вскачь. Чугунный всадник — с ним. А гранитный город? И он исчезнет — или откроется, подобно Патмосу?

Петербург — черт с ним, пусть пропадает пропадом, только — (сердце Арчибальда не многого просит)...

— Арчибальд!

— Табай-хан!

На пороге лавки — Таба Табай. Курит гашиш.

— Вам кофе или гашиш?

— Закажите кофе.

В голове Арчибальда — и так гашиш.

— Когда приехали?

— Пять дней уж... а вы?

— Я приехал сегодня... Какие вести?

— Из Петербурга?

— Да...

— Собираются выступать...

— Выступят...

Персиянин — то ли индус — то ли египтянин — улыбается.

Мальчик-слуга приносит кофе.

Между прилавками ходят русские солдаты. Зачастили они что-то в последнее время. Что покупают они? Таба и Арчибальд замечают одного солдата, у того в руках шинель. Но почему шинель — не скатка, и не перекинута за спину? В шинели — палка, что ли? Солдат вроде бы украдкой передает шинель персу-торговцу. Перс тоже украдкой ощупывает ее. Ружье. Торговец прячет шинель назад, за прилавок.

Русский солдат пересчитывает персидские «туманы»¹.

— Видите?

¹ Туман — десять рублей (в перс. и в груз.)

УДК 82(07)
ББК 84.001.01

— Вижу.

— Они не хотят больше воевать...

— Да и зачем должны хотеть?

Таба и Арчибальд поднимаются.

Перед ними возникает вдруг огромная химера: верблюд. Нескладное животное на этой тесной дороге — как видение ночного кошмара. Но глаза: глаза, которые созерцают пустыню. «Бехан?!» Нет. Бехана больше нет. Но ведь и участь этого тоже такова?! В его глазах залегла печаль: может, предвидят они падение и одинокую смерть.

Арчибальду в этих глазах мерещится некая тень.

Может, эта тень сам он и есть?

Опять солдаты. Железо. Кожа. Одежда. Несут все: автомобильные части и конскую сбрую. Продают все: тот же шепот, и то же пересчитывание денег.

Арчибальд фиксирует:

— Вот еще...

— Завтра их будет еще больше...

— Фронт падет?

— Непременно...

Верблюда не видать. В лавках продают парчу и шелка. Звучит персидская речь.

Персидская речь змею выманит из норы: так она сладка. А когда разговаривает персиянка? Тогда-то, наверное, змея становится ручной.

Персиянка покупает парчу. У нее фигура Ирахшанды. Бедная Ирахшанда.

И голос будто бы ее! Арчибальд всматривается.

— Ирахшанда! — произвольно произносит он громко.

Женщина оборачивается. Вздвогнув, отворачивает голову. Скрывается в толпе.

— Это была Ирахшанда... наверняка!

— Возможно...

Арчибальд прибавляет шаг. Но видение исчезло.

— Ирахшанда... Луна Ирана...

— И печаль иранской луны...

(Отчего так горько — «не сможешь увидеть более»?!)

Арчибальд снова чувствует «сердце».

Они продолжают путь. Выход близко. У последне-

го прилавка стоит женщина. Голова закутана белым покрывалом. И у нее зеленоватые глаза. Ах, Ольга!.. Ольга... Где ты в это мгновенье?..

Слова Ольги — (из письма) — исполосовывают сердце. Сердце трепещет, как грудной младенец: которого купают в корыте. В Петербурге что-то «происходит». Или уже произошло? Но ведь это значит — разверзлась пропасть меж двух сердец! Да, теперь ему понятно, почему отвернулась Ирахшанда.

Но пропасть разверзается для него: чтобы разъять два сердца (вечная черта вечной меланхолии).

И снова солдаты. Бродят. Балагурят. Курят табак. Потягиваются.

Грызут семечки. О, эти семечки! Типично российская метафизика. В этом раскрывается раса: дикая и крепковейшая. Говорят им: «это пропасть». «Пускай!» — отвечают и отплевывают шелуху. «Закон таков», — говорят им. «Не для меня писан», — беззаботно бросают губы с налипшей шелухой, и в глазах мелькает чуждый огонь. «Так нельзя!» — урезонивают. — «А мне наплевать», — и зубы опять разгрызают семечки. Чуждый огонь в глазах принимает багровый цвет, цвет бурака. Свирепость солнца в этом лузгании или беззаботность солнца — того не ведают солдат. Он знает одно: что семечки — зерна подсолнуха. А к чему знание, когда смотришь на солнце!

— Видите, сколько их здесь?

— Вижу.

— За одну неделю они все здесь заполонят.

— Я уверен...

Арчибальд снова устремляет взор на губы с налипшей шелухой. Чего не изругают эти губы, чего не осмеют...

Таба Табай приближается к одному из них.

— За что воюете?

— Не знаю...

— Как не знаешь?

— Забрили нас, вот и воюем.

— С кем воюете?

— С басурманами и с германцами.

— Видел ты их?

— Раненых видел и мертвых.

— Домой хочешь вернуться?

— Земля там... вестимо хочу...

Губы снова плюются шелухой. В стороне сыплется забористый мат. Арчибальд подходит к солдату. Глаза у солдата — не поймешь: смеются или насмежаются. Приближаешься. Он вроде и ласков. Но глаза вдруг полыхнут таким огнем — и страшно: не залепил бы затрещину. Череп скифа и глаза монгола. Что преградит путь этой расе и что остановит ее? Сметет на своем пути все и преодолет все. Потопит.

Арчибальд оборачивается к Таба Табай:

— Теперь я верю...

— Чему?

— Что они обрушатся лавиной...

— Кто?

— Вот эти... Эти губы... эти глаза... эти головы...

— А-аа...

Персиянин — то ли индус — то ли египтянин — улыбается.

... ..

«Известия». «Известия!» «Исполнительный комитет». «Рабочие — солдаты — крестьяне — матросы». «Керенский» — «Львов». «Чхендзе». «Церетели». «Плеханов». «Ленин». «Троцкий».

Слова обволакивают весь земной шар.

Имена ложатся и на Иранское плоскогорье.

И в Казвине есть исполнительный комитет. И здесь: эсеры — меньшевики — большевики — кадеты (два-три человека) — максималисты — интернационалисты.

Там — где персияне музыкой встречают восход солнца,

там — где персияне музыкой провожают солнце,
там — эстрада сейчас. С эстрады орет кто-то сильным басом.

Впереди просторная улица. Вдоль по улице: огромные платаны. По платанам часто — стаи воронов. Никогда не слышали вороны такого голоса. Слушают удивленно и с карканьем летят прочь. Персияне опасаются: как бы вороны и вовсе не покинули эти места.

С эстрады доносится: «Долой капитализм!», «Долой

войну!», «Война — выдумка капиталистов». «Землю —
трудящимся!» «Земля — всем!»

«Фабрики — рабочим».

По улице — группы солдат. Лениво, медленно бродят они. Зевают. Семечек и здесь полно. На губах — «хम्म» и «ооо». Когда с эстрады падает слово «земля», лузганье семечек прекращается: глаза расширяются. С губ вместе с шелухой срывается: «земля — земля — да-а, земля».

Изредка пройдет персиянин.

Какой-нибудь земгусар останавливает его:

— Хуссейн, ты знаешь, что такое Петербург?

— Питэбюрк?

Персиянин сосредоточенно прикрывает глаза.

— А революция?

— Ривалисия...

Персиянин расплывается в улыбке.

— О пролетариате-то ты слышал?

— Пролитайри...

Персиянин мягко, по-кошачьи ускользает. Бодро вскидывает корзину. Он торопится. Ему необходимо продать свой виноград. Потом он будет курить гашиш и отдастся созерцанию «вечных субстанций».

А земгусар опять глядит на эстраду (с иронией?)

С эстрады опять гремит тот бас.

Кто-то проезжает на автомобиле. Автомобиль рассекает толпу. Шофер нажимает на клаксон. И думает про себя: это контрреволюционер — (в автомобиле сидит земгусар). Клаксон и бас с эстрады состязаются друг с другом. Автомобиль оставляет массы позади. Бас с эстрады чуть-чуть стихает.

Бас сменяет другой голос. Этот голос потоньше. Он тоже выкрикивает те же слова. Но план его иной: он больше юлит. «Фабрики — рабочим: конечно же». «Земля — крестьянам: и это конечно же». «Но — сейчас же?!» «Эт-то преждевременно». «Потому что...» «Оттого что». «Объективные условия». «В настоящий момент». «Пока что», «Потом... потом» — и запутывается бесконечный ряд словес. Голос становится все тоньше и тоньше. Зевота нарастает. Лузганье семечек — еще больше. Но внезапно в бесконечный ряд словес

врывается слово «земля». Толпы вскидываются — словно хотят проглотить «землю». Глаза загораются.

На углу боковой улицы сифилитик жарится на солнце. Он уверен: губы солнца высушат его язвы, выжгут недуг. Он слышит голос с эстрады, но слов не понимает. Да и не хочет понимать. В толпе стоит оборванец. Тухлые мозги порой посещает божественное видение — этому верит Восток — вероятно, для поддержания всемирного равновесия. Глаза бессмысленны: не видение ли созерцают? Или ищут свой утраченный взор? Рот разинут — словно ловит слова, с эстрады доносящиеся. Бас выкрикивает одно и то же (тонкий голос снова сменил бас). Дервиш пугается: бросается наземь — пена выступает на губах. Потом вскакивает. Разевает рот — (бас неистовствует): словно проглотил уголек пророка Исаяи. Он тоже начинает вопить. Но его крик не слышит даже персиянин. Толпа колышется, корчится, как изрубленные члены Левиафана. Голос с эстрады нарастает. Толпы ждут «землю». В конце улицы лежит и дремлет персиянин. Голова обрита наголо, лицо — зевающая мумия. Глаза, устремленные в сторону и вдаль. Земгусар пристаёт и к нему:

— Ты знаешь, что такое Петербург?

Персиянин дремлет.

— Ты знаешь, что такое революция?

Персиянин зевает.

— Да что его разбудит! — раздаётся голос прохожего.

... ..

Движение между Хамаданом и Казвином учащается. Ещё интенсивней — между Казвином и Энзели. Носятся автомобили: «Союза городов» — «Красного Креста» — «Международного союза» — военных частей.

По углам — группы и потаенный шепот.

Персиянин проходит мимо и думает: что-то происходит.

В больницах суета. Слух больных обострен.

В стенах общежития: чтение газет и споры.

На Иранском плоскогорье — сполохи нового огня.

По телеграфным проводам скользят шифры. Если шифр упадет, загремит, как гром. Сколько намерений и

сколько желаний обрушится — и повалит тогда телеграфные столбы!

— Что-то происходит... —
говорит Мекеш как бы про себя.

— Происходит нечто великое... —
подтверждает Таба Табай.

— Вы думаете?

— Когда вдали что-то происходит, первой узнает земля.

— Каким образом?

— Путник прикладывает ухо к земле — чтобы узнать, не доносится ли издали стук конских копыт...

— Почему?

— Чтобы учуять стихию, необходим стихийный орган...

— Я верю...

— Лошадь задирает голову и странно дергается, когда предчувствует землетрясение.

— Я слышал это...

— Лошадь предчувствует: ее инстинкт безошибочен.

— Безусловно...

— Приглядитесь к этим солдатам: они и сами не знают, какие инстинкты ими владеют. Но каждое их движение — инстинкт...

— Да, понимаю...

— Более того: каждый их взгляд...

— Да, да, верно...

— Вы не замечаете: меняется вся окрестность и вся атмосфера.

— М-мм...

— Носится какой-то запах... Грядущее сперва лишь обоняют...

— Это верно...

Пауза. Таба Табай к чему-то прислушивается.

— Что это за шум?

Арчибальд выглядывает с террасы.

В соседнем дворе шум усиливается. Служащие «Союза городов» спорят о политике.

Кто-то поднимает голос. Это, безусловно, оратор.

— Долой! Долой! Долой!

— Дайте ему сказать!

Высокий голос кричит:

— Английская монархия лучше всего!

— Не хотим монархию! Долой!

— Английская монархия — другое дело...

— Все равно — долой! Долой!

Оратор — крепкий мужчина с бритым лицом. Комплекцией похож на борца — (или на Карузо?). Выражение лица факира.

— Английская монархи...

— Долой, Качкачов! Долой!

— Замолчи, Магазионер, не то...

Но разве Магазионер замолчит?! Вернее — разве руки и глаза его замолчат?

С носа то и дело сваливается пенсне. Правая рука возвращает упрямое пенсне на свое место. Что упрямее: рука, или пенсне, или нос? Тыква, надетая на заборный кол — (это череп). У тыквы перебит нос. Взгляд озлобленных глаз — как у висельника. Трещина на тыквы — (это играющий нерв) капризничает, играет — беспокойство навязчивой мысли.

— Я не могу молчать...

— Подумайте, Лев Толстой нашелся — он не может молчать! — подтрунивает какой-то грузин.

Магазионер еще более раздражается.

— Долой Качкачова! Долой! Долой!

Кто-то канючит:

— Вместо английской конституции лучше штаты Америки...

— И это не хочу.

— Кто тебя спрашивает, хочешь ты или не хочешь!.. — опять тот же грузин.

Оратор не уступает:

— Английская монар...

— Долой! Долой! Долой! —

юродствует Магазионер.

— Чего он привязался к этой Англии! — улыбается второй грузин.

Магазионер видит: собрание на его стороне, и орет.

— Этот сломанный нос нуждается в починке! — сердится бас с эстрады.

Внизу тыква: — А ну попробуйте!.. Только попробуйте! — разъяряется тыква.

Толпа молчит. Чего-то ждет. Словно бы и хочется ей, чтобы произошло что-то.

— Я тебе покажу!

И с эстрады летит тело борца (или Карузо?)

В воздухе мелькает вздетая кверху рука — видимо, для сокрушительного удара — и Магазионер лижет землю. Масса дрогнула, смешалась.

Внезапно — чей-то голос:

— Бей его!..

И возбужденная толпа бросается на Качкачова.

Раздавят наверняка. Но в это время — громовой голос:

— Именем исполнительного комитета...

Кто это?.. Ах, да: это тот самый голос, что гремит обычно на митингах.

— Именем исполнительного комитета я арестовываю гражданина Качкачова!

Толпа обескуражена. Качкачов спасен.

Арчибальд вглядывается в спасителя. Полнотелый, коренастый, крепкий человек. Череп от чуба к затылку слегка покатый — (признак горячности или несдержанности?) Лицо? Короткая борода. Мягкие усы, чуть волнистые. Мягкая линия носа. Еще мягче — глаза (черновато-карие). Лоб открытый.

Арчибальд вглядывается в него. Это тот самый, что мечет громы и молнии на митингах? Это его ли глаза горят огнем? Его ли голос там — как трубы второго пришествия? Рука там, на митинге, словно кувалда, бьет по кафедре. Слова вылетают изо рта — как огонь на страшном суде. Вся фигура там грозит крушением миру — (и любит он слово «р-раз-здавим!»).

А тут — мягок! Арчибальд удивлен.

Шепот:

— Кто это? Кто такой?!

— Председатель исполнительного комитета Б. М.

— Он грузин?

— Грузин...

Арчибальд Мекеш улыбается. Ему уже не удивительно. Качкачову теперь нечего бояться.

Арчибальд оборачивается к Таба Табай. Последний стоит не шелохнувшись.

Шум утих. Толпа расходится.

Арчибальд — шепотом:
— Надо прикинуть ухом к сердцу земли ~~и~~ ~~что~~
бы услышать далекий гул...

— Это незыблемо, как сама земля...

По улице проходит группа солдат. Нет, не проходит: ползет. Слышатся звуки «гармони». Веселье и песни. В веселье — непристойность, и в песне — преодоление.

— Не отзвук ли это северного гула?..

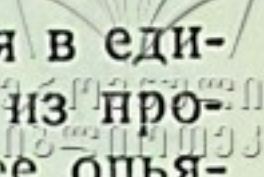
— Возможно... —

соглашается рябой профиль.

Звуки гармони расплываются в разноголосье улицы.

Но гармонь оставляет за собой нечто... Равнина. Равнина. Равнина. Начало повсюду, и нигде — конец. Никаких пределов: чтобы отдохнул глаз. Никакого порога: чтобы преклонить голову. Ничего над головой: чтобы укрыться. Земля округлая и свод небесный. И больше ничего. Печаль в самом пространстве. Тоска — в просторе. Здесь не то что ближнего — самого себя потеряешь. И не найдешь! Каждая встреча изначально же — смерть. Каждая остановка — разжигание беспокойства. Всюду раздол и нигде — очаг. Стремление — безумный бег — преодоление. По выцветшим полям мчатся горячие кобылицы степей. Глаза их — безумие, и копыта их — гнев. Их ржание несет с собой чуждый ветер, вдыхая который, земля меняет свой лик и потягивается, как проснувшаяся львица. Со ржанием диких жеребцов Атиллы и Чингис-хан ворвались в мир. Подковы их коней иероглифами впечатались в тело Европы. Иероглифы поржавели: но не утратили красок безумия. Несутся всадники. Чего хотят они? Земли? Нет. Покорить кого-то? Нет. Они просто опьянены: им лишь бы мчаться без удержу, без предела с диким гиканьем и криком. Чем шире простор — тем лучше: опьянение будет сильнее. Они хотят преодолевать с боевым кличем. Чем глубже пропасть — тем прекрасней: преодоление будет яростней и прыжок дальше. Победят они кого-то? Вероятно, такова будет участь тех, кого они победят. Из черепов побежденных они вырежут чаши. Наполнят кровью и осушат эти чаши: чтобы обезуметь еще пуще. Рухнут сами в пропасть? Они и это-

го жаждут. Топот коней и крики воинов сольются в еди-
ный ураган, и ураган обрушится в пропасти и из про-
пастей ринется во все пределы. И будет большее опья-
нение и большая ярость. Новоявленный сфинкс?! Скиф-
ский череп и узкие монгольские глаза. Что жаждут
зреть эти глаза, глядящие с этого черепа?

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой!
Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

...   .

Движение нарастает.
Автомобили мчатся взад и вперед.
Печать беспокойства лежит на автомобилях (нич-
то не скроет их ритм).

Что-то происходит там, далеко. На севере.
По углам: кучи людей, кучки. Шепот. Шепот.
В больницах — суета.
У больных обостряется слух.
Газеты. Депеши. На телеграфных лентах — шифры.
Вопросы и споры — друг другу — друг с другом.
На Иранском плоскогорье что-то происходит —
(или прислушивается оно к происходящему вдалеке,
либо — к тому, что должно произойти вдалеке?).

Опять депеши. Опять шифры.
Сорвись они с телеграфных лент — обрушат стол-
бы.

Имена. Имена. Имена.
Среди имен — одно имя.
Все повторяют его. Всех мучит оно. Всех притяги-
вает: сторонников и противников.

Имя — точно тотем боевого отряда.
Имя, в котором сосредоточился фатум.
Появляется группа солдат. На той же улице. Крик:
Ленин! Ленин! Ленин!

Арчибальд встрепенулся.
Таба Табай настораживается.

— Ленин!..

— Ленин...

В памяти обоих вырастает одна и та же фигура.

1908 год. Париж. Май. На кафедре малорослый человек. Коренастый. Крепкая голова. Голый гранит: высокий лоб и выпуклые шишки на лбу. Череп с легким уклоном ко лбу (признак вспыльчивости?!), но затылок выдающийся (признак сдержанности?!). Глаза монгола — узкие. Один глаз — чуть сощуренный: недоверчивый и пронзительный. Второй — словно убегающий в сторону. Глаза его впиваются в глаза слушателя и глядят сквозь них — в глубину. Вся фигура — жестокость. Кажется, он все угадывает наперед — как борец. Говорит. Голос монотонный: ни паузы, ни интонации. Фраза: корежистая, топорная. Никакой пластики. Никакого красноречия. Фраза больше — «действие». Слово больше — «воля». Большим пальцем левой руки подхватывает кармашек жилета (может, «подсмеивается» над слушателем?). Иногда левая рука касается кармана брюк (может, смеется над спорящим?). Правая рука чертит графические линии сопутно логическому течению мысли. Время от времени левая помогает правой. Ладонь широкая — пальцы кажутся короткими. Такая рука бывает у крестьянина, который высоко в горах валит громадные деревья, и с вершины спускают их вниз по реке. Он говорит: нет, топором срубает суквату ветвь. Топором бревно рубит. Ирония не сходит с губ. Иронию смягчают усы и бородка. Но — метко бросил лассо и заарканил дикого коня — (верно, предмет спора), — и ирония исчезает. Во всей фигуре, в осанке — мощь и победа. Все тело напряжено; каждой мышцей. Если поставит в казино на «зеро» — выиграет непременно. Несокрушимый. Непреклонный. Мужественный? Никакого сомнения. Никакого раздвоения. Один курс — главный. Один хребет — крепкий. Остальное — лишь измерение этим курсом. Вокруг все — лишь для этого пути. Нет — он не говорит: выковыивает волю для действия. Словно призывает к разжиганию пожара и потом — погашению. Вся личность: словно силлогизм страны с железными кольцами, который вот-

вот раскроется и выстрелит со страшным грохотом. Ни-
какой влажности, никакой мягкости. Но сухой и горя-
чий дух лучше всего — (по словам Гераклита). Возмо-
жно, «иногда» заметите смягчение — (для этого необ-
ходим детский взор). В памяти обоих вырастает одна и
та же фигура.

— Вы помните?!

— Помню...

— Знаете, Арчибальд, что я тогда вспомнил?

— ? ? ?

— То, что он говорил, я не понимал. Не только по-
тому, что я слабо знаю русский. Мою личность прико-
вала сама его личность — вне того, что он говорил или
делал. Личность непосредственно: взятая в ее сути.

— Что же вы вспомнили?

— Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа
в винограднике св. Петра угощают кардиналов, кото-
рых должны отравить. Знает лишь придворный, в каком
из сосудов содержится яд. Но придворный уходит, что-
бы принести персики. Виночерпий наполняет кубки хи-
осским вином. Пьет Александр. И тут же умирает, точ-
но спаленный огнем. Пьет Борджиа. Чувствует яд. Но у
Цезаря страусиный желудок: он переваривает железо.
Однако и «кантарелла» сильна: она одолевает крепко-
го мужа. Тогда Борджиа велит заколоть самого боль-
шого быка. Быка закалывают, и в его распоротое чре-
во забирается Борджиа. Живот быка зашивают. Не-
сколько часов Борджиа находится в утробе быка. И вы-
ходит оттуда полностью исцелившимся: обновленным и
постройневшим.

— Это вы вспомнили?..

— Да, это.

— Какая воля!.. Какая энергия!.. Какая выносли-
вость!..

— Точно жизнь всего поколения сосредоточилась в
одном человеке...

— И человек этот — словно ступица всего поколе-
ния...

— Ступица фатума...

— Вы думаете...

— Я увидел в этом человеке тогда ступицу фату-
ма...

— Что-то произойдет...

— Он сдвинет лавину...

... ..

Издали все еще доносится:

Ленин! Ленин! Ленин!

В воздухе носится пароль:

«Долой смертоубийственную войну!»

«Фабрики — рабочим!»

«Земля — крестьянам!»

... ..

Снова гармонь и снова семечки. Бродят, шатаются по улицам толпы — группы — кучки людей. Среди солдат и сестры милосердия — (это когда?). Шутки. Смех. Хихиканье. Двусмысленности.

Кто пялится на женские бедра...

Кто — на ляжки.

Кто — на колени.

Кто — на грудь.

На лицо не смотрит никто.

«И-их!» — ржут, — «са-астри-и-ица»...

... ..

Мекеш один.

Вбегает Вамех.

— Я уезжаю завтра!

— Куда уезжаете?!

— В Грузию.

— Так сразу?

— Что-то происходит... вы же видите...

— Подождите немного...

— Потом будет поздно...

— Почему вы знаете?!

— Знаю... сердце подсказывает...

Вамех подходит к столу. На столе фотография. Он берет ее. Смотрит. Напрягается. Взглядывает на Мекеша.

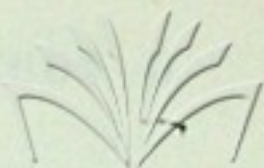
— Это фотография вашего отца...

— Друга моего отца.

Арчибальд надломлен.

— Друг... отца...

Шепчет про себя Вамех с сомнением.

Арчибальд ищет выхода.

— Итак, вы не меняете решения ехать?

Вамех кладет фотографию на стол.

— Сейчас я должен быть в Грузии.

— Должны быть?..

— Да, всенепременно!

— Я провожу вас до Энзели!

— Невозможно это.

— Почему?!

— В Гилиани уже начал выступление Мирза-Кучук-хан.

— Ну и что же?

— Если они нападут на нас?

— Но вы ведь едете?

— Я — ничего... но если вас узнают...

— Как англичанина?

— Да...

Не скажи этого Вамех — кто знает, может статья, Арчибальд отказался бы от мысли провожать его. Но теперь перед ним препятствие.

— Я все равно поеду!

— Не советую...

— Ничто не остановит меня!

— Воля ваша...

Вамех смягчается.

— Так значит, завтра выезжаем.

— Вы возьмете с собой Аллана?

— Разумеется!

Аллан будто бы понимает их речь. Встает и энергично отряхивается.

Вамех вновь возвращается к фотографии. Всматривается. И — как бы про себя:

— Кто же этот «друг»?..

— Того и я не знаю.

Арчибальд выходит на террасу.

Мир — караван-сарай,
и мы в нем — каразан.

Шах-Аббас.

Степко расторопный малый.

«Оппель» пересекает Иранское плоскогорье.

Рядом с шофером сидит Вамех. В автомобиле: Арчибальд и сван Циох, муж кряжистый и крепкий. Эти — на заднем сидении. На переднем: одесский еврей Мереров и Джимшут. Последний — армянин из Карабаха. Это тоже крепкий и сильный мужчина. Лицо не улыбочиво. На первый взгляд может показаться разбойником. Но если выразиться по-грузински — да еще перевести на русский — это добрый молодец.

Между ними устроился Аллан.

«Оппель» мчится. По дороге, почти на каждой миле — труп: то лошади или осла, то верблюда. Попадают и скелеты: чаще — хребет. Кое-где и голова. Или нога. Копыто всегда в прекрасной сохранности. А иной раз встречается и человек — присев подле, отдирает от копыта подкову.

Местами — солдаты идут строем. Все под ружьем. За спиной скатка шинели и вылинявший мешок. На шум автомобиля останавливаются. В глазах: зависть и злоба. На севере их ждет: земля — дом — жена — сын — родственники.

Они кричат: газету! газету!

Вамех берет «Известия» и бросает им через окно. Газеты уносит ветер. Солдаты бегут за ними.

Встречаются и трупы людей, сброшенные в кювет. Большею частью — солдаты. Усохшие, как вяленое мясо, и пожелтевшие от иранской малярии — или от паратифа. Верно, не вынесли дальней дороги. Так умирает от простуды курица — с растопыренными крыльями и закатившимися глазами, где-нибудь в уголке возле на-лиа. На лице мертвого солдата — тоска по родной земле. Губы смерть тронула крылом иронии. На груди — маленький узелок. В узелке денег уже, конечно, нет — (прохожему нужны деньги, ничего больше). Остались лишь обрывки писем. В них часто повторяется слово

«мать», иногда и «жена». Но чаще всего — «жагва» и «Сивка».

Арчибальд устремляется к выступу скалы.

Оглядывает ущелье. Здесь умер Бехан. Старый верблюд Бехан. Арчибальд видит надвое разломившийся хребет. Там же валяется череп. Где же глаза: которые так жалобно, так страдальчески глядели в последние секунды?

У него спирает дыхание. Внезапно засветились эти беспомощные глаза. Вот они — вспыхивают и угасают. Автомобиль уносится вдаль.

Слух содрогает «тот» стон — вой — крик: покинутого и брошенного.

Неужели такова участь каждого?

Еще какое-то расстояние — и снова мертвый солдат. Брошенный. Ни утешения, ни поминовения. Одиночество и пустота.

— Позавчера они разбойничали в этом ущелье? — спрашивает Вамех Джимшута.

— Да, в этом...

С лица карабахца соскальзывает флегма.

Мееров озирается по сторонам: прижимается к Цноху.

— Не бойся, Мееров! — шутливо говорит Вамех.

Глаза Меерова устремлены вперед. Появляется группа солдат.

Взгляд Меерова приковывается к ружьям. Он шепчет:

— И здесь...

— Черт побери! В этой пустыне и птицы не летают... — замечает Вамех. Достает из кармана яблоко. Автомобиль приближается к солдатам.

Вамех левой рукой подбрасывает кверху яблоко, правой стреляет из нагана. Яблоко разлетается на две половинки.

— Ух ты! Стреляет, как черт! — одобрительно бурчат солдаты. Хмурые лица проясняются — (на миг?).

— Что за выстрел? Все стрельба, стрельба!

Это Мееров.

— Ничего страшного. Просто упражнение для рук.

А позади опять раздается: «газету! газету!»
Вамех вытаскивает «Известия» — (где он набрал их столько!) и бросает им.

Экранизация
1988 г.

... ..

Виднеется Менджил. Станция высоко на горе Раздолье для северного ветра. Сейчас осень, и на раздолье спокойствие и тишина (на один день?).

— Машине нужна вода...

Степко останавливает «оппель». Поит его водой. Затем бежит на пункт питания. Остальные созерцают голые горы.

— Степко! Степко! —

кричит Вамех.

Из пункта питания выскакивает шофер.

— Сейчас... сейчас!..

Его рот жует остервенело.

«Оппель» срывается с места и скользит по спуску.

Спуск мили на полторы. В конце его: большой мост менджилский через реку Сэфидруд. Мост — из камня и железа строенный. Перейдешь мост и утыкаешься в угол стен (наподобие латинского «Т»).

Дорога идет левее реки: огибает расщелины и поднимается к северу. У менджилского моста ущелье очень узко. Здесь — врата меж Гилианом и Менджилом. Шоссе местами прорублено в скалах. Слева — расщелины, пропасти. Справа: крутояры Сэфидруда. Кто владеет этим проходом — тот владеет стратегическим ключом местности.

Пропасти — все менее глубокие — провожают автомобиль. Там и сям — холмы. Местами деревья.

При виде деревьев глаза Вамеха вспыхивают — словно ласточка прочерчивает лазурь.

Проезжают село Рудбар. Оно в низине. Посреди села — горный ручей.

Автомобиль с шумом пересекает ручей и бежит веселее (может, приятно ему было освежить горячий живот прохладными струями).

Открывается долина — будто палестинская.

Долина одета масличными рощами. Они негусты. Деревья стоят купами. Меж купами — просторные

лужайки. На лужайках — коровы — быки — лошади — ослы.

Масличные рощи создают странное настроение: мнится, край этот — обломок той страны, в которой, по представлениям древних, находился рай. В воздухе: тишина и легкость. В тишине: будто папоротник благоухает. Местность — волшебный камень. Но сердце все же не успокаивается: здесь все словно оторвано, отринуто, покинуто.

Мееров в хорошем настроении:

— Вот она, подлинная красота!

— Не потому ли, что это обломок твоей древней родины? — шутит Вамех.

Джимшут улыбается.

Опять солдаты. И опять крики: «газету! газету!»

У Вамеха и для них находятся номера «Известий».

Солдаты где-то раздобыли фургон. Ружья лишь у двоих-троих: вероятно, продали по дороге.

Станция Рустамабад. Здесь тоже — маленький ручей.

— Передохнем?

— Не надо...

Темнеет. Еще несколько миль. Долина расширяется.

На дороге валяется огромный камень. Кто сволок его сюда? Кто притащил?! Неужели Сэфидруд настолько поднялась когда-то, что из такой дали приволокла сюда эту громадину? Окаменевшая тень сказочного путника. Уста его немы, но мнится — он хочет что-то сказать. Словно молит проезжающих и проходящих мимо заговорить с ним. А проходящий нем.

Нигде ни рытвины, ни ухаба. Но автомобиль капризничает именно там, где меньше всего следует этого ждать. Дрр-р-р...шрр...шш...

И останавливается.

Аллан с лаем выпрыгивает.

Вамех шутит:

— Один еврей, один грек. один армянин... с этой троицей только беды и жди — чего же еще?

— Ха-хах-а!..

Мееров стоит как вкопанный.

— На что ты так уставился? — спрашивает его Вамех.

— На эту каменную глыбу. Может, она ~~хочет~~ ^{хочет} ~~на-~~ ^{на-} ~~ходиться~~ ^{на-} в другом месте?

— Вероятно, она дожидалась твоего появления!

— А кто знает? Вполне возможно...

Мееров нагибается к камню, поднимает его и тащит в сторону.

— Спасибо он тебе не сказал?

— Скажет...

— Когда?

— Когда ты от меня отстанешь!..

В юморе Меерова проскальзывает обида.

Степко осматривает машину.

Вамех приближается к нему.

— Все цело, ничего не сломалось?

— Ничего особенного... быстро починю...

— Сколько часов потребуется?

— Три или четыре...

Мееров заметно обеспокоен:

— Значит, мы должны четыре часа торчать на этом поле?

— В одной версте отсюда трактор с номерами... Отправимся туда... — утешает его Вамех.

— Пошли, пошли!

Все идут. Несут с собой свои саквояжи.

— Степко! Ты тут не бойся! Как справишься — сразу к нам гони!..

— А чего мне бояться!

... ..

На изгибе крутого поворота — маленький духан: как птичья клетка на балконном столбе.

Аллан видит свет свечи и лает.

Вамех зовет:

— Нугзар! Нугзар!

Вверху лестницы появляется парнишка лет двенадцати.

— А-аа, Ваймех!

— Вай на твою голову, Нугзар! Не «Вайме», а Вамех!¹

---

¹ Непереводаемая игра слов: возглас «вай ме!» — обозначает по-груз. «горе мне!», перс Нугзар произносит имя «Вамех» мягко, на персидский лад.

— Ваймех! Ваймех... —

смущаясь, повторяет парнишка опять по-своему и улыбается. Смотрит на Аллана с недоверием. Аллан рычит. Арчибальд берет дога за ошейник. Нугзар все-таки поеживается. Рассматривает дога. Глаза его влажнеют.

— Ух, какая собака!

— Не собака — тигр! —

возражает Вамех.

Нугзар на всякий случай отодвигается в сторону.

Вносят вещи в «номер».

Входит перс средних лет. Одергивает на себе платье — нечто подобное ахалухи.

— Юзбаш¹, как поживаешь?

— Спасибо! Спасибо!

(Персы за время войны и по-русски научились).

— Будь здоров...

— Если будет на то воля Аллаха...

— Ну-ка, хороший шашлык и хороший люля-кебаб!

(Вамех тут свой человек).

Мееров удивляется:

— Поразительно, тебя все знают!..

И Джимшут улыбается:

— Бога ради, сколько друзей у него в Персии?

— Кто сосчитает! —

радуется Вамех. Ему подворачивается Нугзар — подхватывает на руки и подбрасывает высоко.

— Вот и Нугзар мой друг!

— Ой, Ваймех!.. — у парнишки расширяются глазенки.

Арчибальд глядит на Вамеха: он такой же — как-ким увидел его впервые:

сколько жизни и сколько открытости!

Приносят заказанное.

— Шашлык отличный!..

— Люля-кебаб и того лучше!

— Такой в самом Казвине не готовят!.. —

«Юзбаш» расплывается в довольной улыбке.

---

¹ Юзбаш — приятель, товарищ; с оттенком уважительности (так как собственное значение слова — сотник, начальник) (турецк.).

— Все превосходно, но вино?.. —
произносит молчавший до сих пор Цнох.

— Будет и вино. —

отзывается Вамех. Раскрывает сумку, в ней —
бутылок.

— Вот вам вино! Кахетинское!

Вамех откупоривает бутылку. Наполняет стаканчик.

— Попробуй, юзбаш!

Перс жмется, точно девица на обручении.

— Отпей! Не бойся! Магомету нынче не до тебя!

Юзбаш отпивает чуточку. Смакует: будто дегустирует.

— Вино гюрджи хорошее...

(Знает юзбаш два-три слова и по-грузински).

Ужин в разгаре. Нугзар носится взад-вперед. Высокий и тонкий. Брови: две пиявки черные — (не целуют ли друг друга?). Ресницы — персидские (иного определения не сыщешь!). Глаза — два камня: черные, как печаль (также камни находят на отмели). Руки — чистые, и цветом — пергамент. Пальцы: газыри — (и пальцы — тоже «персидские»).

— Нугзар! А ну, стихи!..

Нугзар читает. Он знает наизусть весь «Гюлистан».

Стихи сладостны, как шербет. Нугзар будто поет.

— Нугзар, что ты любишь больше всего?

— Луну... полную.

— А еще?

— Соловья!

— Еще?

— Розу!

— Какую?

— Розу Шираза...

— Еще? —

Вамех не унимается. Нугзар смущается.

— Что еще? Миндалевидные глаза — правда?

Нугзар опускает голову и улыбается.

Слышен шум автомобиля. Вамех выбегает.

— Степко?

— Я!

Степко входит. Подсаживается к столу.

— Ешь! Пей!

И Степко ест — (о, как аппетитно есть шофер!)

ՀԱՐՍԵՅԱՆ
ՅՈՅՆՈՒԹՅՈՒՆ

Юзбаш стоит в отдалении.

— Юзбаш, как поживает Кучук-хан? — спрашивает его Вамех.

— Кто?! —

Будто впервые слышит он это имя.

— Ладно уж! Сколько раз был он у тебя?

— ?! ?! ?!

— Надо нам прогнать англичан, юзбаш... да и русских...

Юзбаш недоверчиво щурится.

— Не веришь? Здесь один из нас — еврей. Второй — армянин, третий — грек. И сван, мой соотечественник. Я — гюрджи. Этот мой друг — швед.

— ?!. ?!. ?!.

Вамех взглядывает на Арчибальда. Арчибальд улыбается. Остальные тоже улыбаются. Маленькие узкие глазки юзбаша прощупывают улыбку Арчибальда.

Вамех продолжает:

— Что нам за дело до России или Англии?

— Иахши! Иахши!¹

— Да здравствует Персия!

— Да здравствует! Ла илах илла аллах!

Глаза перса засверкали. Хотя в глубине их все же затаилось недоверие.

Ужин продолжается. Кахетинское крепкое.

Юзбаш то и дело выходит и входит.

«А это пусть Господь пошлет здравия тому, кто...»

... ..

— Степко, который час?

— Да третий начался...

— Далеко отсюда до Имам Задэ Хашима?

— За два часа доедем.

Шофер чуть-чуть под хмельком.

Меерову не нравится диалог:

— Заночуем здесь...

— Ты что, боишься? —

поддразнивает его Вамех.

— Чего я боюсь?! —

---

¹ Иахши — хорошо, здесь в значении «верно», «правильно» (перс.).

ЭРФИЗБЭЭЭЭЭ
ЭНЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ

Мееров расправляет плечи.

— Так что же?

— Сейчас опасно...

— Что за опасность? О чем ты говоришь?

— За Наглобером орудует отряд Кучук-хана.

— Ну и что?

— Они нападают на путешественников...

— Пускай нападут! Мы их достойно встретим...

И Вамех чуть-чуть под хмельком.

— Уж мы их встретим!

Джимшут озирается, как дикий зверь. На талии у него — широкий патронташ с частоколом патронов. Он оглядывает свой смит-вессон.

— Кто посмеет нас тронуть! —

орет сван Цнох. И потрясает берданкой.

— Встретим! —

повторяет Вамех. Он проверяет большой наган (футляр деревянный).

— А чего нам бояться! —

смелеет Степко — (оружие, оказывается, и у него есть).

Юзбаш ошарашен. Он боится оружия. Поглядывает то на одного, то на другого. Сейчас взор его останавливается на Арчибальде: тот извлекает из кобур два кольта. Юзбаш отскакивает назад.

Вамех пугает юзбаша:

— Вот нападут на тебя разбойники!..

Юзбаш трясется от страха.

— Не бойся, юзбаш! Это всего лишь подготовка в путь-дорогу.

Юзбаш переводит дух. Вамех оглядывается — разражается хохотом.

— А это что такое, а? Ха-ха-ха!..

Это Мееров раскрыл свой чемодан и достает оттуда крошечный револьверчик.

— Вы только посмотрите на него! Юзбаш! Вот какой богатырь, а?! Глядите на эту игрушку!

Он берет из рук Меерова револьвер и поигрывает им.

Мееров пристыжен:

— Да чего ты все высмеиваешь!

— Машина готова! —

раздается голос Степко.

Все выходят на балкон. Вамех поднимает нагаи дулом кверху и стреляет в воздух. Аллан лает. Юзбаш повисает на перилах — (от страха?). Лай Аллана раскатывается в чреве ущелья. Все напряжены — (после винопития прохладный ночной воздух особенно приятен). Опасность пьянит — (руки борцов сильны).

— Прощай, юзбаш!

— Прощай, Нугзар!

— Кардаш!.. Кардаш!..¹

— Иахши! Иахши! В путь...

... ..

«Оппель» как взбесился. Будто и он под хмельком. Но глаз у Степко зорек и рука крепка.

Миновали поворот. Въезжают в лес. Пробежит по лесной опушке рыжая дикая кошка, сверкнет красным огнем хищных глаз — и вмиг исчезнет во тьме. Далеко впереди на дороге волк замаячит. Взревет автомобиль. Волк умчится к глубокому логоу. Залает Аллан — закинув кверху голову, — и лай его понесется, поскачет волку вослед.

Станция Наглобер. Одна верста. Вторая.

Аллан лает. Они оглядываются: никого.

Аллан лает яростно. Оглядываются — ничего.

Аллан вскакивает. Удерживают с трудом. Лай — и все подаются вперед. Глаза автомобиля засекают человеческую тень.

— Кто-то прячется... —

говорит Степко приглушенным голосом.

Вамех вскакивает:

— Останови!

И вдруг у поворота — ружейный выстрел.

— Это они!..

— Кто?!

(Трясется Мееров).

— Люди Кучук-хана!..

Арчибальд только сейчас учуял опасность. Он спрыгивает вслед за Вамехом. Мееров тоже выходит и прячется за машиной. Циох вылезает, как медведь. Степко за рулем: ждет приказа Вамеха.

¹ Кардаш — товарищ (перс.)

— Останови у кювета!

Машина движется раненым зверем.

Мееров за ней. Аллан не успокаивается. Арчибальд обращается к Меерову:

— Держите его покрепче за ошейник.

Мееров с опаской берется за ошейник. И одновременно слегка пятится назад. Трудно понять: он и дога боится так же, как грозящей опасности?

Джимшут укрывается за выступом огромного камня. Цнох поблизости от него.

Один вскидывает смит-вессон, другой — берданку. Вамех и Арчибальд укрываются за деревом, что растет на краю обрыва. Один с наганом, другой с кольцом.

Пауза. Оттуда грянули выстрелы: один — второй — третий—четвертый... Здесь ответили. Ущелье грохочет.

— Они не шутят... —

говорит Вамех. Степко вскакивает:

— Я хорошо знаю эти места... поднимусь в лес... обойду кругом... разведу...

— Будь осторожен, Степко, чтоб они не заметили...

— Не беспокойся!

Степко ползет. Углубляется в лес.

Еще выстрел. Следом — ответный. Арчибальд ждет: будто вымеряет, высчитывает что-то. Мееров еле удерживает Аллана.

Еще выстрел. Пуля попала в автомобиль.

Выстрелили и отсюда. (Там тоже во что-нибудь попало?) Что это за звуки?

Вамех невозмутимо расхаживает взад-вперед. Он не боится пули. За него боится Арчибальд.

— Вамех! Иди сюда! Осторожней!

— Будь покоен!

Еще грохнуло: два раза подряд. Мееров кричит — он уже не может удержать Аллана. Аллан вырвался и скачками — вперед. Вамех — за ним (его мысль: вдруг ранят дога!). Арчибальд цепенеет (что с ним происходит?!).

Вамех догоняет дога и удерживает. Дог лает остервенело. Еще выстрел — Вамех падает.

Только слышно тихое: «Мама...»

Миг — и за этот миг: Нино, ее глаза с поволокой

— Матаси, стройная, как серна — дедушка Саридан. Это — в мыслях Вамеха. В тот же миг все они — в мыслях Арчибальда. Но в его мыслях еще и другое. Ирахшанда — Саргис — Бехан — отец. В отце — кровь. Отца — или крик.

Мысль — лишь миг.

Арчибальд срывается с места, бежит. Одной рукой хватается Аллана. Другой тащит Вамеха. Дотаскивает до автомобиля. Грохочет выстрел — (почему не попадают там?). Укладывает Вамеха наземь позади автомобиля.

Еще выстрел — (не попало ли в кого?). Циох и Джимшут хлопочут над Вамехом. Арчибальд разрывает свою рубаху. «Перевяжите его», — велит он Меерову. «Займите свои места», — Циоху и Джимшуту. Мееров сейчас держится бодро: перевязывает рану.

Арчибальд — сплошная ярость: огня или металла. Он стреляет из кольта: очередью.

Грохот падает в ущелье раненым драконом.

(Удивительно: Аллан от Арчибальда — ни на шаг!)

В лагере врага смятение, шум — (там тоже ранило?).

Сверху спрыгивает Степко:

— Их около пятнадцати... лошадей нет... вооружены хорошо... но они уже сломлены — страх их сломил... а это что?! Вамеха ранили?!

Степко вскакивает в автомобиль. Полулежа, кошкой прикивает к рулю. Слышен его приглушенный голос:

— Я прорву их кольцо... знаю место. За ними поворот... до поворота лежать править могу: вниз по спуску... пуля меня не заденет... А потом пусть они меня догонят! За двадцать секунд домчусь до Имам Задэ... ждите меня... там солдаты...

— А машину как завести? —

спрашивает Джимшут. А-аа, вот про это Степко забыл! Заводить можно только спереди. А выйти вперед опасно.

Степко сникает — на мгновение.

— Толкайте сзади!.. Здесь спуск... Машина заведется сама...

— Да, но она наполовину в кювете... Ее надо вытащить.

Степко совсем сникает.

— Погодите!.. — говорит Циох.

И огромный детина лезет под машину. Упирается руками в землю. Упирается ногами в землю. И спиной, плечами пытается поднять автомобиль.

— Джимшут! Поддержи машину сзади!..

Джимшут поддерживает.

Выстрелы один за другим. Арчибальд не оставляет их без ответа.

Аллан ощеривает клыки.

«Хха-а-аа!» — это Циох из-под автомобиля. Передок автомобиля приподымается над кюветом. Еще усилие — и автомобиль на дороге. Впереди — спуск.

— Поддай сзади! — тихо командует из автомобиля Степко.

Джимшут толкает автомобиль. Автомобиль разогревается. Циох отходит в сторону. Автомобиль двигается и катится вниз. Циох держит оружие наготове.

Прислушиваются. Тишина. Остановили? Нет. Стреляют?! Да. А автомобиль? Его шум слышен... Значит, Степко не ранен! Опять выстрелы. Шум автомобиля вроде бы стих. Попали?! Прислушиваются. Нет: наверное, проехал поворот. Ага, вот и гудок! Снова стрельба!.. Но Степко, наверное, успел скрыться.

Глубокий вздох облегчения. Аллан лает.

Теперь прислушиваются к звукам из лагеря врага. Там какая-то сумятица. В автомобиле никто не сидел. Шофер, верно, лежал. Почему он уехал? Раненых оставил или убитых? Потому и лает собака? Значит, шофер сбежал, спасаясь. Или поспешил за помощью? Это думают здесь (мысли врагов). Переполох в лагере врагов.

Они прислушиваются, затаив дыхание.

Это что за тени? Одна. Другая. Третья. Четвертая. Пятая.

Наверное, идут поглядеть на «побежденных».

— Не шевелитесь! — шепчет Арчибальд.

Аллан лает. Ни просьба, ни приказ — ничто его не останавливает. Тени приближаются. Пять саженей. Три. Две. Кто-то стреляет из кювета. Неужто Вамех?! Один из «тех» падает. Но остальные устремляются вперед. Арчибальд прыгает к кювету — прикрывает Вамеха. Кто-то замахивается кинжалом. Арчибальд ловко увертывается. Аллан прыжком набрасывается на за-

махнувшегося и сбивает его с ног. Другой целится в дога.

Но Джимшут наготове — выпад, и он рукой поддевает ружье. Выстрел. Пуля летит мимо, никого не задев. Цнох вступил в рукопашную. Джимшут помогает ему. Мееров молодец: стреляет из кювета. Промархивается. Арчибальд видит: четверо против двоих. Цнох богатырь. Джимшут ему не уступает. Но и враги не простаки. Борьба рукопашная. Арчибальд бросается в бой, теперь уже совсем обезумев (безумие удесятеряет силы). Борец должен быть артистом: Арчибальд боксер (один удар. Второй. Третий. Четвертый.) Аллан — еще страшнее.

Враг отброшен. Иные валяются на земле бездыханные, иные обратились в бегство. Однако им на подмогу спешат новые силы. Их больше, чем было в первый раз. Их нельзя подпускать. Стреляют. Стреляет Джимшут. Стреляет Цнох. Следом раздается страшный грохот кольта — (успел перезарядить!) — пять пуль зараз! Враги отступают. Еще пять выстрелов разом. Врагов не видать — (спрятались? затаились?).

Или разбежались?

Мееров шепчет Вамеху:

— Рана не должна быть глубокой...

— В голень...

Арчибальд слышит шепот Меерова. Он будто сейчас очнулся — спохватывается: подбегает к Вамеху и опускается к его изголовью.

— Вамех!

— Арчи... не бойся... Я жив...

— Ничего!.. — это голос Джимшута.

— Если бы он не бросился за Алланом... — вслух размышляет Мееров.

— Но как я мог, чтобы Аллана убили!

Голос Вамеха для Арчибальда звучит, как кровь.

Он весь сейчас — кровь.

Аллан лает. В его лае звучит победа.

Вамеха поднимают из кювета. На краю обрыва лужайка. Здесь укладывают его. Арчибальд сожалеет — есть мазь, но она в чемодане. А чемодан... и тут только он вспоминает про Степко. Что он сумел?

Аллан лает сильнее. Не стреляют ли снова? Нет.

Кто-то свистит. Ага, это Степко! В ущелье натужно дышит автомобиль.

Радостное ожидание: всего несколько секунд.

Степко привел машину. Следом — грузовик. В грузовике солдаты.

— О-о, Степко! Степко!..

— Убежали?

— Разбежались!

— Ловко же я от них ускользнул!

— Молодчина ты, Степко! Молодчина!

... ..

Через полчаса — станция Имам Задэ Хашим.

Старое здание каменное. Почти разрушенное. Стена — в два алаби шириной. Строение — времен Шах-Аббаса. Таких строений во всей Персии — 999. Это вам скажет персиянин. И добавит: что эти 999 зданий — (магическое число?!) — построил Шах-Аббас. Персиянин покажет и надпись на стене: «Мир — караван-сарай, и мы в нем — караван». Персиянин и то добавит к сказанному, что слова эти — Шах-Аббаса.

На станции врач: он осмотрит ногу. Пуля попала в голень: меж двух костей. А если повреждена кость?! «Не может быть!» — (надежда ищет слов).

В стороне Джимшут рассматривает свою руку. Рука в крови. Он только сейчас понимает, что тоже ранен. Рана маленькая.

В углу Циох обнажает бедро. И он ранен. Перевязывает рану обрывками брюк. Рана — в мышцу. Он не чувствует боли. «Поцар-рапали», — бормочет Циох.

Арчибальда беспокоит нога Вамеха. Что, если он охромеет? Хромой Вамех?! Все равно как Аллан с отрезанной ногой! Нет. Ни в коем случае!

А вдруг кость задета? Арчибальд не может успокоиться.

— Степко! Сейчас же в Энзели!

... ..

Уже рассвело.

В Энзели тоже пункт питания. Начальник там Морозов. Мужчина полный, бритый. Пухлые щеки и маленькие серые глазки. Пенсне не скрывает лукавой улыбки. Но кто не простит ему «лукавства». Всегда

приветлив. Всегда улыбчив. Его смех слышен за пятнадцать сажень. Анекдотами сыплет — (хотя и не еврей). Бравый парень. Любит венские оперетты. Поет куплеты (хотя голосом не блещет). Вспоминает венских кокоток. Заканчивая рассказывать воспоминания, похрустывает костяшками пальцев и глотает слюны. А гурман! Его повар известен на всю персидскую линию — второго такого нет. Каких только напитков нет у Морозова! (Энзели — портовый город).

Степко лихо въезжает во двор.

Выбегает Морозов. Пенсне осталось где-то на столе.

— Вова! Меня ранили!

— О-о, Вамех?!

Он по голосу узнает Вамеха и, презрев ступени, прыгает с балкона.

— Ранили меня, Вова! Я ж тебе говорил: в Персии со мной приключится беда...

— Беде с тобой не по пути!

Выходят из машины. Вова убегает.

Через двадцать секунд возвращается в сопровождении врача: строгого и холодного.

Осмотр. Арчибальд ждет приговора.

— Пуля прошла между двух костей...

— Кость не повреждена?

— Не думаю.

(Это «не думаю» портит надежду. Но врач холоден).

... ..

Кутеж.

Грек Степко (сам говорит, что — грек). Сван Циох. Карабахский армянин Джимшут. Грузин Вамех (полулежит на боку). Ростовский русский Морозов. Одесский еврей Мееров. Арчибальд Мекеш. Аллан.

Тост. Речь. Ирония. Меч.

Кутеж пенится голубыми волнами.

Кутеж — у горловины Персии.

... ..

— Вамех! Я провожу тебя до Тбилиси!

— Арчибальд!.. Арчи...

ТБИЛИСИ

Качается Тбилиси—

город проклятый и сладчайший.

«Хребет Тбилиси»

Во Мцхета ястреб взлетел с царской руки. Ястреб за фазаном погнался. Царь ждет: но ни ястреба не видать, ни фазана. Идет царь на поиски. Доходит до ущелья. В ущелье поток бежит цвета серы. В потоке фазан утонувший. И ястреб с ним же. Царь закладывает здесь основание городу.

Такова мифология столицы.

Тбилиси начинается с серных бань, серными банями кончается — (метафизик в этом вычитает метафизику).

Маленькие дома и узкие улицы. В переулке с одного балкона можно перепрыгнуть на другой балкон. Там и сям — кофейни. Бороды, хной крашенные. Ногти подточенные — (тоже хной крашенные). В руках — четки: янтарные либо гишеровые. Беседа: медленная и тихая. Глаза никого не ищут — (может, себя лишь ищут — в далекой дали).

У входа в баню терщик стоит. Тело высушенное, вываренное: точно курица вяленая, что на чердаке висит (еще и подкопченная слегка). Кожа — тонкая и истертая, как на старых каламани. Лицо: сычуг. Глаза: погруженные в нирвану. В иранских видениях ныряющие.

Три столетия назад армия Шах-Аббаса взяла Тбилиси. Упился кровью победитель и отяжелел. Принял серную ванну. Терщик размассировал отяжелевшее тело... Не это ли вспоминает Машади — потомок мифологического терщика?!

Может, и другие истории вспоминает Машади:

серные бани и Пушкин изведаль. Александр. Африканская кровь порой распаляется. Африканскую кровь (Пушкина объявили своим поэтом негры в Нью-Йорке) не утолила славянская стихия. Пушкин в Тбилиси познал утоление. На его смуглом теле феерическими пу-

зырями взбил мыльную пену терщик. Провел кисой¹ — дунул: тело поэта почувствовало ласку красавицы-жены, роком оказавшейся для него. Может, это вспоминает Машади...

Ничего не вспоминает Машади.

Он слился с горячими потоками серной воды. Лишь иногда принимает он позу Зороастра — (ведь Зороастр — сын его родины!) — и говорит: «харош баня и харош люля-кябаб — харашо!..»

... ..

И вправду хороша серная баня!

Всегда там пируют. И сейчас тоже:

ноги — короткие. Штаны — широкие: словно раздутый мех. На поясе — широкий серебряный ремень. Через ремень пестрый платок-багдади продернут. Голова — или как круглая тыква, из которой выдвигают черпаки винные, или — как пест каменный для ступы. На затылке шапка: как черный гриб. Вся фигура: перец острый. Пафос — дутый. Имя — Пичхул.

В стороне: доли и зурна. Щеки зурначей надуваются, вот-вот лопнут — (словно сказочный Бакбак-дэв, пищу уплетающий). Пичхул пляшет «давлури» и идет сейчас вприсядку — (в эти мгновенья штаны — пафос).

На зеленой траве расстелен платок. На платке: зелень разная и сыр «мотали». Пируют кинто: стаканы так и играют.

Пичхул заканчивает пляс вприсядку. Выпяченные пухлые губы — куриной — гузкой кричат: «А это пусть Бог пошлет здоровья тому ангелу, который...» срывающийся фальцет делает длинейший период. Теперь слова «который и который» сами пляшут вприсядку.

Но перепляс слов перекрывает кто-то другой. Рябой. Запавшие, высохшие глаза — (он почти слеп) мерцают, как уголья, которые вот-вот погаснут. Он поднес дайру к самому уху («свинка» у него, что ли). Огромная башка орет благим матом: «Ох, проклятый ты, месяц март...» «Встань, поднимись, Тамар-царица, по тебе плачет вся Грузия!..»

---

¹ Киса — особая мочалка обычно из ковровой ткани, которой растирают влажное тело.

Потом — опять широкие штаны пляшут ~~вирисядку~~.
 Потом — опять это нескончаемое «который» ~~или «ко-~~
 торый».

«Который» — «который»: может, они ищут друг друга? Сами себя потеряли, может. Слова грузинские. Баяти персидское. Голос — карачохели... Смещение рас? Может, в этом мучение.

...   .

В Тбилиси домой не возвращается никто... Здесь повсюду — «твой» дом. Бродить по Тбилиси — что может быть лучше?! Винные лавки, духаны повисли, как шарманки на карусели. Духаны полны всегда — (любой, какой угодно). За стойкой стоит духанщик и считает «нисиэби»¹ по собственной бухгалтерской системе. Лакеи снуют, бегают взад-вперед. Кого только тут не увидишь! Но наиболее живописен стол, за которым сидят «чохосани» — то есть носящие чоху. Некоторые тонкостанные. Иные тощие. Иные костлявые.

Один из них — средних лет плотный, коренастый крепыш — как низкорослая кукуруза, что стоит, подбочась початками, обросшая усами. Степенность и достоинство — фараоновы. Ноготь на мизинце предлинный и заботливо ухоженный — как петушинная шпора. Стакан поднимает правой рукой. Длинный полированный ноготь отсвечивает янтарем. Манерный голос начинает:

— Английский ученый Сиэйс говорит...

— Да ладно, Бога ради!..

— Надоел ты нам с этим самым Сиэйсом, ей-Богу...

— Это его крестный отец: Господь ему поможет...—
 последний тихо смеется.

«Крепыш» не обращает внимания:

— От тебя мне это слышать не удивительно, мой Манавел...

— Так что же такое говорит этот твой Суес Самозл? —

спрашивает другой иронически.

— Сиэйс говорит, что Грузия...

— Ладно, ладно уж...

---

¹ Нисиа (груз.). — буквально — в долг: у кого не было денег — в долг пировали, в долг кутили. И долги платили.

- Знаем, что он говорит...
- Один смеется. Другой злится.
- Если вы не дадите мне сказать...
- Отложи на другой раз...

«Мра-а-ваал жамнэр»... и высокий тон бьет в темя. Для сглаживания неприятности «Мравалжамиэр» — великолепное средство. «Крепыш» прячет в карман цитату Сиэйса и с фараоновым достоинством садится, отягченный мыслью: «Мир испортился, господа!».

- А это пусть Бог пошлет здоровья...
- погоди ты!.. Дай сказать тамаде...
- Не могу я, сударь, столько ждать...
- Если не можешь...
- То что, что?!
- А то, что бейся головой об стенку, знаешь...
- Ха-ха-ха-хи-хи-хи...
- Повтори еще раз, повтори!
- Повторю или не повторю, я...
- Пустите меня к этому мерзавцу!
- Да брось ты, Бога ради!..
- Силибистро, и не стыдно тебе?!
- Да что с тобой, в самом деле!..
- «Мра-авал жамиэ-эр»: да брось, давай-ка «цедури»...

«Мра-а-ава-ал жамиэ-э-эр...»

Темя сейчас готово разорваться, лопнуть. Но фальцет перекрывает чей-то низкий, густой голос, орущий.

Шум и перебранка стихают. Хотя настроение за столом все-таки взвинченное. Плохое настроение за грузинским столом означает, что вот-вот все взорвется. Это лучше всех чувствует тамада.

— Сперва выпей этот тост, а потом ругайся сколько душе угодно...

- За чье здоровье это?
- За Квитати...
- Квитати... будь здоров...
- Это надо пить до дна!..

Кто-то вырастает вдруг в дверях.

- Силован!.. Силован!..
- Пожалуй к нам, Силован!
- Один стакан!

Силован подходит. За грузинским столом, — взвинченным, — новый гость — спасение.

Тамада уже не боится взрыва.
— А ну, за вновь прибывшего!
— Пусть Бог пошлет ему победу!

«Мра-авал-жамнэр».

Настроение поднимается — (слава Богу!).

В дверях теперь кто-то другой.

Снизу вверх, наострив уши, глядит на него мальчишка-слуга.

Стоящий в дверях оглядывает столики.

Стоящий за стойкой буфетчик окликает мальчишку:

— Впусти его, мальчик!

Мальчик с готовностью:

— Пожалуйста, батоно! Сию минуту найду вам стол! («стол» — по-русски).

Посетитель продолжает обшаривать глазами столы.

Теперь уже и сидящие за столами уставились на него. Посетитель, стараясь скрыть неловкость, обращается к мальчику-слуге:

— Цоцориа сюда не заглядывал?

— Нет, батоно.

— А Буиглишвили?..

— Который, Бесарион?

— Нет... Кимотэ...

— Нет, батоно.

— А Цвимитадзе?

— И он не приходил...

— Сикинчиладзе?

— Который? Котиа?

— Да, Котиа...

— И этот тоже не был, батоно...

«Мрааавал-жаа...»

Но в этот момент произносится чужестранное имя:

— А Ллойд Джордж?

(Мальчик-слуга устыдился, должно быть, столько нетей):

— Да был он давеча здесь...

— Ох, чтоб тебе!..

Хихиканье, смех, хохот за столами.

— Слушай, парень! Что потерял Ллойд Джордж в духане Сикойя? Ха-ха-ха!

Покрасневший слуга пытается поправить положение:

— Так ему и надо... когда пристанут в одну душу: этот был? а тот не приходил?.. Да черт его дернул по чем я знаю, кто приходил, кто не приходил?

«Мраавал...» — в этом тонет скороговорка слуги. От всего и всех можно убежать. От врага. От зверя. От чумы. От всякой беды. Не убежишь лишь от «Мравалжамнэр». Грузин и за поминальным столом, случается, затянет «Мравалжамнэр», а уж в пиру — кто ему помешает, кто его удержит?! Поет грузин «Мравалжамнэр» с какой-то мукой. Затылок у певца лопаётся, уши — у слушателя. Мучит его что-то? Или Фрейд тут таится? Боятся краткости жизни и потому взывает к многим летам — или многие лета прошли и он зовет их назад? Возможно, верно первое. Возможно — второе. Возможно, и первое и второе. Но бесспорно одно: что от «Мравалжамнэр» никуда не сбежать. Побегит за тобой и повиснет на полах одежды — «вернись! послушай!». Лучше уйти украдкой. Оглянется туда-сюда, поищет тебя. Не увидит. Засуетится. Потом снова — «Мраавал...» — и напрочь забудет о тебе.

... ..

Как хорош Тбилиси с порога духана — (когда выходишь оттуда).

Воздух бодрящий и дыхание — вольное. Но это кто такие?

Попонами дерутся друг с другом: курды.

Кряжистые тела: обожженные. Цвета коричневатого-красноватого. Бугристые мускулы. Запах пота такой, что кажется — проходишь мимо еврейской «миквы». Неужели в Тбилиси все утрачивает свою породу? Это вот они — осколки тех курдов, что слыли тиграми Курдистана?! Однако и у этих бедняг есть свой задор.

Это их парни и их девушки.

Некоторые продают спички. Некоторые табак. Некоторые — ирисы. Иные просят подаяния. Но у всех доброе сердце. Они умеют дружить. Узнают тебя из тысячи других. Бросятся к тебе и припадут к твоим ногам. И что такое пятак, брошенный тобой этим рукам?!

Маленькие курдянки и гаданьем занимаются. Черными глазами — черными, как змееныши черной кур-

дистанской змеи — читают будущее по твоей руке. Лгут?! А что же делают поэты?! Разве где-нибудь увидишь еще ласку этих глаз?

Иной подонок¹ заманит куда-нибудь двенадцатилетнюю девчонку и совратит. И тогда начинается трагедия — и часто — безумие. По тбилиским улицам пройдет женщина в лохмотьях с беременным животом. Как ужасны ее слова, утопающие в безумном хихиканьи! По тбилиским улицам пройдет мать с прижатым к груди ребеночком. Как ядовит внезапный вопль ее, диким хохотом обрывающийся!..

... ..

Лучше уйти отсюда. Отравленный взор исцелит Кашвети. Каждая плита рубашки храма — девственница: тихая — мягкая — нежная — покорная. И сам храм — тоже дева: дева-язычница, в жертву на закланье обреченная. Нет: здесь глаза зрят печаль.

Минуешь Кашвети. И внезапно глаза тебя озарят: из тысячи — эти. Из тысячи женщин, из тысячи глаз — их узнаешь. Глаза иверской девы. Раса чистая и нетронутая. Гордость и застенчивость — одновременно. Пройдет она мимо тебя. И скроется в толпе. Но какие глаза забудут ее! Может, это и были Кашвети глаза...

... ..

Привидение или действительность? Да не все ли равно, если — хорошо! У подъезда театра старик стоит. Это он: тот, который в течение сорока лет развешивал афиши — как покрывала дочери короля. Сейчас он слеп. Он не видит. А прежде феерические зрелища видел. Кого он не помнит? Артистов — и женщин и мужчин! Чего не знал он, хранитель кулисных тайн! Какого каприза не помнит и какого темперамента? Участником скольких актерских побед он был! Сколько огня и сколько горения и сколько веселых пиров! Теперь же он — пепел и пустыня.

Но нет: старик не жалок! И не робок.

— Возьми, пожалуйста... —

протягивает ему кто-то милостыню.

---

¹ В ориг. — пададь.

Он спрашивает надтреснутым голосом:

— Ты артист?

— Нет...

— Режиссер?

— Нет...

— Может, сценарист?..

— Нет...

— Или просто служащий театра?!

— Нет...

— От посторонних денег не беру.

Прохожий удаляется пристыженный.

Старик таращит невидящие глаза: что там за шум?!

... ..

Громыкает трамвай.

Проспект Руставели плавится на солнце.

По проспекту идет человек — (посреди улицы: избегает тротуара).

Он одет в русский «сюртук» с гербовыми пуговицами: уже поистертый, поношенный. На ногах — гетры: и они поношенные. На шее — широкий шарф на выпуск. Человек высок ростом. На голове — фуражка с кокардой. Но идет он — как Оскар Уайльд. Смотрит поверх людей. Взглянет — (нет, скользнет по тебе взглядом) — и внезапно залется краской: тело извивается и удлиняется. Человек едва заметно улыбнется. И вновь устремляет взор вдаль. Поправляет глаз одной рукой — словно глаз вставной (или рука привыкла к моноклю?!) Солнце ярится. Трамвай громыкает. Человека словно бы мучает солнце. Побежит по залитой солнцем улице. Тело будто увечное было — а сейчас его солнце исцелило. Тело бежит: руки — ноги — шея — голова: словно машина задвигалась. Тело, как на шарнирах. Мчится трамвай. Тело останавливается. Судороги — будто тысяча радикулитов сразу. Затем останавливается на одной ноге. Покраснеет и повернется. Тело достигает высоты в сажень. Ватман останавливает трамвай. Станный человек отскакивает в сторону. Ему кажется — за ним бегут. Он боится. Выпрямляет ноги. Выпрямляет тело. Будто боится, что машина рассыплется. Исчезает в толпе. Что это — видение Апокалипсиса?

Трамвай со скрежетом и визгом продолжает путь.

Стоит дворник Измайлова (а кто такой Измайлов?!) — айсор¹. Сплин одолел его, и он стоит, считает звезды. Считает и напевает. В песне больше рыдание. В голосе — тоска: не любовная. Тоска по утерянному?! Возможно. На Измайловском подъеме стоит дворник-айсор и поет, опечаленный: Шаул Зана Курдаи — из племени «Бирвер».

Одолеваемый сплином дворник считает звезды.
— Который час? — спрашивает он прохожего.
— Скоро двенадцать...

Прохожий думает: для чего это «который час» тому, чье Время ушло?

Дворник-айсор продолжает петь и смотрит на небо (вопрос «который час» представляется ему выполнением одной из своих обязанностей). Считает звезды. Может, ищет Млечный путь — Прыжок оленя². А ведь отдаленный предок его даивал оленях. Или: возможно, он звездочет? Ассирийцы знали толк в звездах. Дворник ведь тоже ассириец.

Что надо ему здесь, в Тбилиси?

У него один сын: чистильщик сапог. Может, его далеким предком был Ашурбанипал—или Салманасар? Кто знает.

У дворника есть свой закуток под лестницей дома. Там живет его семья — (жена и дочери). Черные, как смоль, волосы отяжеляют серебряные монеты и перламутровые пуговицы. На мускулистых ногах — грубой вязки пестрые шерстяные носки. Женщины укутаны в одежды: будто зараз одели все, что имеют — (одежда большей частью — лоскуты). Столкнутся нечаянно с тобой — в нос ударит крепкий запах пота. Это они-то потомки Аштарот?! Эти корявые бедра — неужто они и есть сладострастное племя великой Аштарот? Неужели так пала древняя языческая богиня?! Где фигура ее, где порода? Но глаза — два крупных угля горящих— черные змеи в глазах купаются. Нет: жива, жива покамест Аштарот! По тбилисским улицам ходит она!

¹ Айсор — так в Грузии в обиходе называют ассирийцев.

² По-груз. Млечный путь называется «Прыжок оленя».

Дворник-айсор рыдает — (поет) — и считает звезды. Может, читает печальную участь Ассирии. Страны могущественной меж Тигром и Евфратом. Вавилон город развратный до кошмара. Цари — Ассаргадон — Салманасар — Ашурбанипал. Имена — как раскаленные клейма и раскаленные пращи. На одном из барельефов Ниневии изображен царь Немрод. Плотный, кряжистый. Мясистыми руками душит льва. Ассирия душит иранского льва.

Его потомок — дворник в Тбилиси.

Его последыши — чистильщики сапог.

Может, об этом рыдает песня дворника-айсора?

Тбилиси слушает, замерев. Не свою ли судьбу зрит город?! Ведь и он — Вавилон?! Тысяча народов. Тысяча племен. Тысяча наций. Смещение. Прелюбодеяние. Утоление.

Тбилиси слушает рыдающее пение ассирийца.

...Город качается. Тбилиси пьян.

С вершины одной горы поэты читают стихи: кричат стихи в чей-то дом. Обломок их стиха повторяет кто-то в том доме. Эхо или двойник?! В том доме редко-редко кто видел человека. Определенно двойник. Ведь и сам Тбилиси — двойник?!

Поэт стихами следует за двойником. Поэт боится, как бы не обернулся двойник и не зарезал бы его ножом. Второй поэт лает на луну, как Лафорг. Вытаскивает жабу из речной ставицы и слушает ее кваканье — (тяжела жизнь в Тбилиси). Луна малярной кислотой проливается на Тбилиси: изжелта-зеленой — как лягушка. Поэт все витийствует, рифмоплетствует, читает стихи. Это другой. Он швыряет Тбилиси на «Пьяный корабль» Рэмбо — Тбилиси тоже корабль: Тбилиси тоже пьяный. Кто-то стоит в стороне. На лице его гнев и свет — одно и то же. Он швыряет стих, полный Дионисом, гремящим голосом. Стих — как сабля Саакадзе: разит Тбилиси в позвоночник и город корчится, как лошадь с перебитым хребтом. Хребет кровотоцит. Поэт закрывает глаза рукой и падает, как падает ребенок, — (гнева не хватило или мягкосердечие ододело?) Чатается город, колышется. Певец Рэмбо боится, что город погибнет, и издали кличет мать: просит грудь, молоко.

Затем — пятый — шестой — седьмой.

Дом прячется, как летучая мышь. Он ловит стихи поэтов.

Кто-то из дома повторяет стихи. Двойник?! Или сам Тбилиси?!

Ведь и Тбилиси — двойник.

Поэты прислушиваются к слову, донесенному эхом: бледнеют. Прохожий останавливается и недовольно ворчит:

— Покоя от них нет...

— Сумасшедшие... —

отзывается второй прохожий.

Но поэты все же продолжают — (опьянели, что ли, от страха).

Кто-то в соседнем доме распахивает окно. Выходит на балкон — (окно служит и дверью): в нижнем белье. Видно, помешали паре.

— Спать не дают!.. Ни сна, ни отдыха. ей-Богу, от этих ненормальных...

— Отправляйся в Базель: там отоспишься...

— Какой еще Базель? Что за Базель?!

— Говорят, там много зобатых кретинов... Tête saignée...

— Я вам покажу кару!...

— Ха-ха-ха. Чишмаритова знаете?

— Какой еще Чишмаритов?!

— В Базеле заодно узнаешь...

— Убирайтесь вон!.. сво...

Появляются милиционеры. Мирные жители при виде их чувствуют удовлетворение — (на что была бы похожа земля, не будь милиционеров!).

— Пройдемте в участок... составим протокол...

Поэты враз отрезвляются: протокол — лучшее отрезвляющее средство. Уходят.

А город все же качается.

... ..

Западный ли ветер отбросил его к востоку, или восточный ветер — к западу — не знает того Тбилиси. Он знает одно: остановился он на одном месте. Потянется вперед — что-то тащит его назад, не пускает. Повернет назад — что-то увлекает вперед, останавливает. Нет у него разбега. Кто бросил якорь?! Тысяча ветров об-

рушивается на него, словно он и есть перекресток мира. Оторвался от востока — и не достиг запада: застрял на середине.

Колышется, качается город-корабль.

Королева желанная?! Женихов множество было. Византийцы. Римляне. Турки. Персы. Хорезмийцы. Сарацины. Арабы. Половцы. Монголы. Русские. Всех отвергла. Вековухой осталась?! Нет: повели под венец, да ласки ее не познали. Было все только силой — но кто узнает любовь женщины, если грудь ее закрыта?! Осталась женственность нераскрывшейся: цвет пергамента скрывает неуголенную страсть... Не было распаления, не познала и утоления.

Кого же, кого она ждет?!

Лже-женихов помнит множество.

Непобедимый Джелал-эд-Дин побежден был разъяренным единорогом Монголии. Имя единорогу — Чингис-каэн: воронка самума. Беглец-хорезмиец подступил к Тбилиси. Тбилисские персы выдали тайну крепости. Джелал-эд-Дин с огнем и мечом вторгся в столицу. Взял ее, и на куполе Сиони воздвигнул свой трон. И ныне помнит Сиони мертвенную слизь его объятий. Память Сиони больнее жжет плач лозы — крест из которой покоится в его стенах.

Лже-женихов и других помнит столица:

Чагатар: сын Чингис-каэна. Иосэр и Бичуи: воины каэна же. Мангу-каэн и Уллу-каэн. Тэмур-ленг: который знал тайну грузинского темперамента — («ведал пылкость грузин в бою и быструю усталость»). Семижды обрушивался грозный полководец на Тбилиси и всю Восточную Грузию-Амери. Свирепый Шах-Аббас: ярость которого была яростью раненого иранского льва. Шах-Исмаил. Шах-Тамаз. Евнух Ага-Мохаммед-хан, который за волосы таскал непокорную невесту. Вспомнил тогда в последний раз свою песнь великий ашуг, в монахи постригшийся Саят-Нова — но кровью изрыгнула песню-стих отрубленная голова.

Который еще жених?! Все — фальшивые?! Все — ложные?! А не сама ль невеста ложная?! Кого ждет она так долго? Почему среди своих юношей не нашла жениха?!

... ..

Колышется город-корабль. Тбилиси бредит.

На корабле появляются тени. Самоубийцы, что ли. Выбросившиеся с корабля и утонувшие любят порой возвращаться назад. Может, и самому кораблю сулят самоубийство.

Тени разговаривают на языке немых:

первая: участь сущего в самом сущем.

Вторая: нет истины превыше этой.

Третья: сам себя обрек.

(Кто? Корабль? Тбилиси?!)

Первая: сколько было зависти?

Вторая: сколько было отмщения?

Третья: сколько было опьянения мщением?

(Кто, кто не испытывал зависти?!)

Первая: прибавь недоверие друг к другу.

Третья: подытожь измены друг другу.

(Много было «но» — «все-таки»).

Первая: я сама отвергла материнское лоно.

Вторая: я сама отравила семя.

Третья: я сама сожгла посев.

(Это сделали вы... При чем «он»?)

Первая: мы — его тело.

Вторая: мы — его стремление...

(А другие? Другие?! Другие?!)

Первая: нет «другого».

Вторая: все едины.

Третья: одинаковы.

(Но: я — ты — «он»?!)

Первая: это поверхность.

Вторая: это кажущееся, морок...

Третья: лучезарная Майя...

(Вы тоже -- морок!).

Первая: участь сущего в самом сущем.

Вторая: нет истины превыше этой.

Третья: сам себя обрек.

(Кто?! Корабль?! Тбилиси?!)

Тени исчезают.

На палубе появляются новые тени.

И они шепчутся на немом языке.

Первая: не иди в ту сторону.

Вторая: рядом Марабда!

Третья: Марабда заклятое место.

(Как?! Кем?!).

Первая: там грузинское войско преградило ^{путь}

монголам.

Вторая: восемьдесят тысяч — двенадцати тысячам.

Третья: восемьдесят тысяч обратились в бегство.

(Не может быть!).

Первая: грузины там не побеждали.

Вторая: опытные люди предупреждали.

Третья: Саакадзе только это и твердили.

(И Саакадзе был побежден?)

Тени исчезают.

Теперь другие сменяют их у поручней.

(Так Саакадзе был побежден?)

Первая: кто знает?!

Вторая: ты видел его лицо?

Третья: орлиный взор непреклонный.

(?! ?! ?!)

Первая: сокол замечает стаю птиц. Они улетают со страху. Он подлетает снизу под стаю. Описывает круги.

Вторая: сокол все сужает и сужает круги. Стая группируется над центром кругов. Птицы жмутся друг к другу. Стая превращается в мяч.

Третья: сокол стрелой взмывает вверх. Мяч оставляет внизу. Падет сверху. Крылами рассекает мяч.

(?! ?! ?!)

Первая: вот что такое круг Саакадзе!

Вторая: вот его удар!

Третья: вот его печать!

(И Саакадзе был побежден?)

Тени исчезают.

Теперь другие тени натываются на борта, на палубу.

(Так Саакадзе потерпел поражение?)

Первая: он продал Грузию,

Вторая: не продавал, нет!

Первая: но ведь покинул ее?

Вторая: Грузию и Иованэ-бери покинул.

Первая: и что же?

Вторая: покинул и бежал в Испанию.

Первая: зачем?

Вторая: там он думал найти грузин.

Первая: бежал от грузин — к грузинам направился.

Вторая: именно.

Первая: не понимаю.

Вторая: любил очень... Грузию...

Первая: и Саакадзе любил?!

Вторая: до сумасшествия... страстно!

Первая: но ведь он переметнулся к персам?!

Вторая: чтобы войти к ним в доверие.

Первая: цель?!

Вторая: чтобы затем разбить их.

Первая: но ведь он пришел в Грузию с персидским войском?!

Вторая: залучил его, только и всего... А потом уничтожил...

Первая: это он решил тогда, когда поймал гонца.

Вторая: какого гонца?!

Первая: Шах-Аббас не доверял Моурави.

Вторая: ну и потом?

Первая: заподозрил его.

Вторая: ну и потом?!

Первая: отправил послание военачальнику.

Вторая: что за послание?

Первая: велел убить Саакадзе.

Вторая: Саакадзе прочел это послание?

Первая: тогда-то и решился на измену.

Вторая: но ведь сына заложником оставил?!

Первая: ну и что ж?!

Вторая: Шах-Аббас прислал ему хурджин!

Первая: что было в нем?

Вторая: отрубленная голова сына Моурави.

Первая: и все же он предатель!

Вторая: настоящий герой.

Первая: не понимаю.

Вторая: и не поймешь.

(Так побежден был Саакадзе?)

Тени растворяются — исчезают.

(Побежден был все-таки Саакадзе?)

На поручень палубы опирается тень.

(Побежден был Саакадзе?)

Тень: видишь тот холм?

Корабль: вижу.

Тень: там Моурави вонзил свою саблю в землю.

Корабль: и что же?!

Тень: и в глубине земли преломил ее.

Корабль: зачем?!

Тень: сердце ее почел неверным.

Корабль: смог отторгнуть ее?!

Тень: любя.

Корабль: а сам?

Тень: сам сгинул.

Корабль: побежден был Саакадзе?

Тень: кто знает!

Корабль: побеждена была Иверия?

Тень: победит Иверия, если сабля Саакадзе станет целой.

Корабль: станет она целой?

Тень не отвечает.

Корабль: станет ли она целой?!

Тени больше не видно.

Качается корабль. Колышется Тбилиси. Колыхается.

К поручням палубы приникает первая тень:

— Участь сущего в самом сущем...

Внезапно появляется маленькая голова. Голова — желтая круглая тыква. Маленькие серые глазки по-сверкивают на тыкве. Лицо ее безволосо, безбородо. Тела не видать — (вероятно, бесенок, что ли). Тыква лыбится, зубы скалит:

— Хи-хи-хи...

Тень повторяет:

— Участь сущего в самом сущем...

Тыква не может сдержать смех:

— Ха-ха-ха... что посеешь, то и пожнешь, что посеешь, то и пожнешь... не так ли?! Хи-хи-хи...

Тень исчезает.

Тыква потирает ручки: хи-хи-хи... И тоже исчезает.

Качание прекращается: видение рассеивается.

Город-корабль рассержен и недоволен. Останавливается: потягиваясь, отрезвляется от видений гашиша. Слюна горька. Во рту — солоно. Глаза выцветшие: и видят одни лишь лянальные, выцветшие краски. В ушах застряло отвратительное «хи-хи-хи»... Солнца не видать. Тела распадаются и разлагаются. В мыслях «небытие». Бытие безвкусно. Корабль возле подводной скалы. Сейчас разобьется. И зовет кто-то. Слышится: «хи-хи-хи»....

— Повезли их в страну Аниси... которую Ширакаваном¹ называют... привели к какому-то Кармахану.

— Наказали их?

— Да... всех их раздели догола... и на солнцепек посадили... чтобы они замучились...

— Всех наказали?

— Не... Цотнэ с ними не было...

— Значит, он спасся?

— Не-е... Он тоже пошел...

— Куда пошел?

— Он пошел туда же, к своим братьям.

— А потом что случилось? Его тоже пытали?

— А я это еще не читал... с мамой не читал...

— А ну, читай...

Малыш читает.

Арчибальд весь — внимание.

«...и яко увидел Цотнэ вельмож, в таком унижении сидевших и на смерть обреченных, спрыгнул с коня и сбросил одежды свои, оголился и связал плечи свои, и сел с вельможами рядом, опечаленный. И яко увидели татары это, удивились и тотчас сообщили нойонам, что пришел Цотнэ Даднани, с два товарищи, и снял одежды, и, связанный, сел с грузинами...»

Маленький чтец умолкает.

— Что значит «яко увидели»?

— Не знаю...

— Что значит «с два товарищи»?

— Не знаю...

Маленький чтец озабочен и огорчен.

(Это и Арчибальду непонятно).

Маленький мальчик с грустью произносит:

— Я не понимаю...

Другой объясняет:

— Цотнэ пришел со своими двумя товарищами... Разделся, одежду с себя снял. Татары удивились... по моему, так... А потом что написано?

Маленький чтец продолжает.

Арчибальд прислушивается.

«Удивились татары, и призвали к себе и вопрошали, для чего пришел он туда, и зачем сделал это. И

---

¹ Современный Шираки, Ширакская степь (на юго-восток Грузии).

он говорил, все мы для того собрались, дабы определить харадж ваш и приказание ваше исполнить, ради того было собрание наше. Теперь вы обвинили нас, будто мы дурное замыслили, и потому я пришел перед лице ваше. дабы вы спрашивали, и ежели без вины будут, и я с ними без вины буду и прав перед лицем вашим, ибо кроме того, что было сделано нами, ничего другого не совершали...»

Маленький чтец переводит дух.

Спрашивает старшего:

— Что значит «определить харадж»?

— Не знаю...

— А «перед лицом вашим»?

— Это тоже я не совсем понимаю...

Маленький мальчик опечален.

(Арчибальд проклиная незнание грузинского).

Маленький чтец спрашивает товарища:

— Ты что-нибудь понял?

— Так... кое-что... не совсем...

Маленький мальчик удручен. В дверях — голос матери.

— Мамочка!.. Объясни вот это...

Мать читает.

— Здесь написано так... Цотнэ сказал татарам: мы собрались для того, чтобы хорошо выполнить ваше приказание дань собрать... а вы подумали, что мы замыслили дурное против вас...

— А-аа...

— Я сейчас пришел сюда для того, чтобы вы обсудили — заслуживаем мы смерти или нет. Если заслуживаем, то и я умру вместе с моими братьями...

— А-аа... вот какой он был человек!

(Корни Арчибальда шевелятся облегченно).

Мать выходит. Старший обращается к малышу:

— А ну читай дальше...

Тот читает.

Арчибальд слушает:

«И как услышали эти слова от Цотнэ нойоны, удивились зело его добродетели и сказали: поелику грузины такие добрые и не лгут друг на друга, и се из Абхазии пришел человек этот знатный, чтобы положить душу свою за ближних своих, и обрек душу свою смерти и нет лжи между ними, и ради этого невинными их

считаем, посему отпустим их всех и не накажем бо-
лее...»

Останавливается маленький чтец.

Спрашивает товарища:

— Ты понимаешь?!

— Не совсем...

— А все же, что получается?

— Кажется, освободили... всех...

— Что за человек был Цотнэ?

— Да-аа... великий человек...

В дверях слышится голос отца — (вернулся, вероятно):

— Какой Цотнэ?

— А Дадиани...

— Где ты взял эту книгу?

— В лавке купил...

— Как ты о ней узнал?

— Мужчины говорили, хорошая книга... я запомнил... собирал карманные деньги и вот... купил...

Отец смотрит на книгу: «Картлис цховрэба».

Гладит сына по голове. Потом со смехом говорит ему:

— Малыш! Мир переворачивается, а ты летописи читаешь?

— Как переворачивается?!

Ребенок удивлен.

... ..

Арчибальда душат слезы. Он уходит на цыпочках, оглядывается. Дом, что ли, запоминает. Сейчас он будто слушает кого-то, кто хоронится. Корни шевелятся радостно.

Входит в гостиницу.

Портье вручает ему письмо.

— Это письмо вам оставил седьмой номер... я забыл вам передать... простите, пожалуйста...

Портье кланяется, пристыженный.

Арчибальд читает — (Вамех пишет?)

«Еду в Петербург»... «у меня дело»... «ничего опасного... повидаяю Ольгу... без меня вы не уедете из Тбилиси... надеюсь...»

Слова будто готовы соскочить с бумаги.

Среди слов — два слова: «повидаяю Ольгу».

Арчибальду вспоминается:
Он сидит в кресле. В руках у него портрет Ольги. Он смотрит на портрет, печальный. Со спины подходит Вамех.

— Что вы так рассматриваете?

Арчибальд оглядывается на него.

Вамех улыбается. Арчибальд молчит.

— Очень соскучились?

Арчибальд опускает голову. Вамех не отстаёт.

— А если она вдруг окажется в Тбилиси?

— Кто?!

— Ольга...

Арчибальд озадачен.

— Это невозможно...

— Ничего невозможного нет.

Вамех улыбается. Ласкает Аллана.

Арчибальду видится его улыбка. «Неужто же?!»

Что-то проносится в мозгу: «Нет». Он взглядывает на Аллана. Дог печален и угрюм — (верно, не хватает ласки Вамеха).

Арчибальд читает приписку: «Вчера я мельком увидел Таба Табай. По-моему, это был он». Эти слова задерживают его внимание и он прислушивается к биению своего сердца.

Окончание следует

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Эти стихи — из архива поэта. Они были написаны в 1960 году, опубликованы — лишь в июне 1989, в газете «Литэратурули Сакартвелო». В переводе сохранена авторская пунктуация.

* * *

Мама!
 Не езд к морю
 Море волнуется
 А ты не умеешь плавать
 Море волнуется, мама,
 Так же как ты
 Не надо не приезжай.
 Море беспечно
 Без всякой причины волнуется море —
 Ветер тревожит его.
 Ты ж непременно утонешь.
 Я чайка, с ветром заодно
 Играю с солеными волнами

Ветру все нипочем
 И море не трогает судьба чайки
 Ты же утонешь, мама.
 Чайка не знает заботы
 Нет у нее приюта
 Ни у ветра
 Ни в море
 Ни на суше
 Мама, молю —
 Не приезжай...
 Море¹ так тревожно
 Ты непременно утонешь.

* * *

Сгораю от желания написать свою
 биографию,
 Обещаю не оригинальничать
 Быть предельно скромным.
 Вот в двух словах лучшие мои свойства—

¹ В оригинале приписка: «само оно — без матери, без земли, без дома».

04135300
80800101033

Я не был репортером,
Линотипистом не был,
Не знал, как пахнет газетная полоса.
Не был чистильщиком
На шумных улицах города,
Представьте, даже в Африке не был
И льва не убивал,
А потому не удивит вас, наверное,
Что не было среди друзей моих
Ни кондуктора, ни шофера,
Ни пьянчуги, ни смутьяна,
Ни вора, ни проститутки...
Коммуниста не было,
Уитмена, Данте, Толстого,
Я верил лишь в судьбу —
Как единение человека и законов природы—
Любил Эдипа с его страстями,
Гамлета с его слабостями,
Печального Чайльда Гарольда.
Любил позерство Наполеона,
И даже Гитлера за бесноватость,
А Ленина — неизвестно за что...
Люблю покой травы
И голос человека,
В прорицателе люблю человеческую боль,
Но не способность предвидеть.
Скромников не люблю
И собак, не умеющих лаять.
Знаю:
Два голоса есть у мира —
Человека и зверя.
О, Руставели,
Первый поэт мирозданья
О, Сакартвело,
Жизнью Вселенной живущая,
Ответь, почему изгнала того,
Кто более других радел за тебя
Кто воспел тебя и любовь
Кто Верность воспел и Отвагу.
Как воспеть их могли
Шекспир и Софокл.

О, Рок! Неотвратимый, благословенный,
Почему оставляешь в тени
Отчизну мою и Руставели?!
Почему? Почему? Почему?
Может, боишься себя?!
Здесь столько кривляк,
Бездельников столько,
Есть трусы, натуры¹,
Есть в жизни — артисты
И неудачники — на сцене,
Певцы безголосые,
Спрячьте, укройте, сохраните
Эту страну!

* * *

Вперед безумный моряк
Вперед безумный как ветер
Как ветер бездомный
И безоглядный
Вперед безумный моряк
Только безумцам
Дано стремиться вперед
Только безумец не видит
Ни моря
Ни волн
И ни шквала
Вперед безумный моряк
Вперед
    Вперед
        Вперед!
Только безумный пристанет
К неведомому причалу
Не тоскует
Не мучит сердца
Не ищет
Ослепленный безумством
И все же находит
Дорогу к причалу
Вперед безумный моряк
Вперед

---

¹ Натура — подлинный (жаргон).

Вперед
    Вперед!
Куда ни придешь ты
Там твоя пристань
Ведь у тебя
Кроме слепой дороги вперед
Нет другой цели
Вперед безумный моряк
Вперед

    Вперед
        Вперед!
А море — море одно
Только одно в мире
И нет у него причала
Нет у него приюта
Где бы оно однажды
Могло преклонить колени
Пусть веет ветер поет
Чтоб не грустило море
Огромное море
Не ведающее приюта
У моря единственный друг
Ветер безумный
Вперед безумный моряк
Вперед

    Вперед
        Вперед!
И днем
    И ночью
        И утром
Вперед забыв про сон
К далекому порту
Только безумцам дано
Так безоглядно плыть
Вперед безумный моряк
Вперед

    Вперед
        Вперед!
Когда же безумец придет в неведомый порт
Найдет ту самую гавань
Тогда и скажут что он мудрец
Что все революции этим кончатся!

Перевод Викторни ЗИНИНОЙ

СОЛОМОНИАДА

ПОВЕСТЬ

Тот день (это был четверг, совершенно нейтральный день) пришел на смену ночи, ничем особенным не выделяясь: в прозрачном воздухе носился запах приближающихся холодов, на оголившихся, словно ограбленных деревьях пели птички, а на востоке всходило прохладное осеннее солнце. Соломону не приснился дурной сон, и недоброго предчувствия у него тоже не было. Если же дням и вправду свойственно с помощью неких знаков возвещать о своих тайных замыслах, то для разгадки этих знаков надо, должно быть, обладать более тонкой и возвышенной душой.

Он встал, умылся, закипятил чайник, позавтракал и, выходя из дому, тихонько закрыл за собой дверь, чтобы не разбудить остальных членов семьи, которые еще спали.

Соломон, которому в тот год исполнилось шестьдесят три и пошел шестьдесят четвертый, был довольно рослый мужчина, широкий в кости и сложения весьма плотного. В свое время его, вероятно, можно было назвать представительным и даже видным, однако с годами он оброс жирком и утратил форму. Нет, брюшком, которое обычно бывает у людей, налегающих на вино, он не обзавелся. Просто он раздался в талии, равномерно и со всех сторон, а так как плечи у него всегда были, прямо скажем, неширокими и слегка покатыми, фигура Соломона в конце концов приняла такие очертания, которые особенно бросаются в глаза, когда человек носит плотно облегающий плащ, застегнутый, вдобавок, на все пуговицы. Между тем Соломон с ранней осени до поздней весны ходил именно в таком пла-

ще — плотно облегающем, застегнутом на все пуговицы кремовом плаще неопределенной длины, который временами казался непомерно длинным, а временами слишком коротким, в зависимости от того, чего требовала в данный момент мода, однако не было случая, чтобы длина плаща и требования моды совпадали. На голове (волосы с проседью он зачесывал назад) Соломон круглый год носил неизменную серую шляпу. Когда у нас начали носить шляпы, этот головной убор, несомненно, привнес в нашу жизнь определенный смысл, но свой смысл шляпа исчерпала очень скоро и вступила на путь деградации: сперва она устарела, затем вышла из моды, на некоторое время превратилась в чудачество, потом — в анахронизм, после чего окончательно и бесповоротно утвердилась в ряду прочих устойчивых символов провинциальности. Весь этот сложный путь шляпа проделала на голове Соломона. Впрочем, следует заметить, что сам Соломон на одиссею своей шляпы не обратил ни малейшего внимания. Мода была для него какой-то чуждой областью знания, вроде китайской грамоты или общей теории поля, которая сама по себе, разумеется, существует, но к нему, Соломону, никакого отношения не имеет. Даже в день собственной свадьбы, когда человек обычно старается выглядеть самым красивым на свете, Соломон напялил на себя первое, что попало под руку, и понятия не имел, хорошо он одет или плохо. Если же добавить ко всему сказанному багровое, мясистое лицо, неопределенно-доброжелательный взгляд серых глаз и густые пшеничные брови с длинными волосками, мы получим вполне типичную внешность, в которой с излишней, быть может, очевидностью отражается брэнность подлунного мира и ограниченность человеческого разума, и потому нетрудно представить себе, как при виде такой внешности в автобусе взгляд молодого интеллектуала, тщедушного, но верящего в свои возможности и с оптимизмом погружившегося в сложнейшие лабиринты мышления, внезапно становится бессмысленным, на сердце наваливается космическая меланхолия, а нить анализа безнадежно обрывается. Впрочем, лично Соломон представлял собой подобную угрозу крайне редко, поскольку любил ходить пешком и в автобус, как правило, не садился. Тем более, что день его всегда,

насколько это было возможно, бывал продуман и распланирован заранее, и поэтому Соломону почти никогда не приходилось спешить. Шел он обычно, заложив руки за спину, слегка откинув корпус назад, с достоинством, не торопясь, что придавало вес каждому его шагу, и, обладая хорошо развитой способностью приспособляться к обстоятельствам, принадлежал к породе тех людей, которые не обращают внимания на свист пуль и, пока в них самих не попадут, вообще не верят, что стрельба влечет за собой жертвы, — полагал жизнь лучшей, нежели она есть на самом деле.

Именно за эту вальяжную, тяжелую поступь его еще в молодости прозвали Соломоном Мудрым, и хотя Соломон отлично знал, что слово это вовсе не следует понимать буквально, случались минуты, когда под влиянием присущей человеку слабости и таких неясных, неявных причин, как, например, вдруг выглянувшее из-за туч солнышко, вкусный обед, внезапная возможность побыть одному, собственный благородный поступок и тому подобное, все на свете так запутывалось, смещалось и пересекалось, что ему начинало казаться, будто в этом прозвище таится глубоко сокрытая, невидимая другим, неосознанная даже теми, кто его так прозвал — и в том-то, быть может, проявившаяся — истина. К счастью, эта минутная слабость, от которой не застрахован ни один из нас, почему Господь Бог и прощает нам ее с такой легкостью, проходила быстро, уступая место повседневному и привычному чувству прочной реальности. В ту пору, когда Соломона прозвали Мудрым, его тяжелая, неторопливая походка (а также тяжелая, неторопливая речь) носила, вероятно, налет некоторой искусственности, желания изобразить нечто такое, чего в действительности не существовало, однако с течением времени все это было воспринято его природой, превратилось в неотъемлемую привычку, которая заняла такое место на цветастом ковре прочих свойств, что если бы походка Соломона сделалась вдруг торопливой и легкой, то именно это показалось бы теперь искусственным и даже противоестественным.

На вид ему нельзя было дать шестьдесят с хвостиком. Не потому, что он хорошо сохранился, а по той причине, что принадлежал к тому физическому типу, у представителей которого процесс старения протекает

подспудно и обнаруживает себя поздно, — поздно и как-то сразу, словно внезапный вывод из привычных посылок. Впрочем, тот, кто хорошо разбирается в физических типах, все-таки мог бы по некоторым косвенным признакам без труда определить возраст Соломона. Вот угадать его профессию было куда сложнее, поскольку подобная внешняя конструкция обладает широким диапазоном, который включает в себя множество различных характеров, множество типологических отвлечений и множество профессий. К примеру, такой человек — крепкий, багроволицый, отяжелевший с годами, плотно обтянутый кремовым плащом и с серой шляпой на голове, запросто может оказаться профессором античной филологии, ветеринаром, музыкантом-неудачником, ревизором-бухгалтером финансового отдела, футболистом-ветераном (скорее всего — центральным защитником) и кем угодно еще. Соломон был учителем грузинского языка и литературы. Так писалось во всех официальных документах, и это полностью соответствовало действительности. Если же исходить из его собственных душевных склонностей и эмоционального отношения к делу, то он, вероятно, был учителем только литературы, ибо грамматику он все-таки не любил. Хотя это субъективное отношение вовсе не мешало ему преподавать грамматику с той же профессиональной добросовестностью, с какой он преподавал литературу.

* * *

Заложив руки за спину и слегка откинув корпус назад, Соломон вышел из дому, миновал узкую улочку, словно зажатую в тиски высотных домов, пересек небольшую круглую площадь, в которой столь равномерно отражалось утреннее солнце, что ее можно было принять за чистое, прозрачное озеро, застывшее в неподвижном воздухе, прошел еще одну, сравнительно более широкую улицу и очутился перед маленьким садиком. Тут он свернул с дороги и вошел в садик. Не для того, чтобы сократить себе путь, а потому, что любил этот садик. Впрочем, кто знает, возможно, он любил не столько сам садик, сколько свою привычку. Мы ведь неважно разбираемся в собственных чувствах и то, что порою принимаем за любовь, часто оказывается врож-

денной ленью, которая и заставляет нас всегда ходить по протоптанной, привычной дороге, всегда заниматься несложным, привычным делом, всегда мыслить шаблонными, привычными фразами, а для того, чтобы избавиться себя от ожидаемых саморазоблачений, влекущих за собою угрызения совести, мы помещаем свою лень в обложку с надписью «Любовь» и этим легко обманываем себя, ибо все та же лень позволяет нам не утруждать собственные мозги и не докапываться до истины.

Так или иначе, по дороге в школу и обратно Соломон неизменно пересекал этот садик своей неспешной, вальяжной походкой.

Садик был очень старый (о чем свидетельствовали огромные, вековые деревья), однако совершенно запущенный и брошенный на произвол судьбы; по-видимому, присматривать за ним было некому, а если и было кому, то этот кто-то плохо исполнял свои обязанности. Хотя старые деревья, должно быть, не только не огорчались, но даже радовались тому, что за садом никто не следит. Ведь растения, так же, как и животные, не получают ни пользы, ни удовольствия от заботы и спасительной узды; они любят свободу и предпочитают самостоятельно добывать себе воздух и пропитание. Поэтому большие деревья вольно стояли в заброшенном саду, гордо раскинув свои широкие ветви, выросшие из земли, они устремлялись к небу. Зато там, где требовалась рука человека, все пребывало в прямо-таки плачевном состоянии. С незапамятных времен здесь никто не подметал, вследствие чего по всему садику вперемешку и в большом количестве были набросаны гнилые огрызки, пустые консервные банки, скомканные газеты, пачки из-под сигарет, окурки и прочий мусор. Кое-где под деревьями еще стояли шаткие, полусгнившие скамейки, садиться на которые, не убедившись предварительно в их надежности, было довольно рискованно и которые местами еще хранили следы облупившейся краски, подобные приставшим к очищенной рыбешке чешуйкам, и по этим чешуйкам краски можно было предположить, что скамейки под деревьями когда-то были зелеными и не исключено, что даже красивыми. Посреди сада некогда был фонтан. Ныне о существовании этого фонтана говорили лишь обвалившиеся-

ся стенки и там и сям торчащие из этих обвалившихся стенок ржавые трубы, из которых, без сомнения, в свое время весело били водяные струи, хотя в городе немно-го нашлось бы людей, которые это помнили. Фонтан был полон мусора. Неподалеку от фонтана стояла гипсовая скульптура, с помощью которой скульптор намеревался увековечить какого-то деятеля, а заодно обеспечить бессмертие и самому себе, однако обе эти цели остались недостигнутыми, ибо сегодня никто уже не помнил имени человека, которого изображала скульптура, равно как и имени того, кто его изобразил. В свое время скульптура была белой, но впоследствии так пожелтела от сырости и глубоко въевшейся грязи, что теперь, кроме желтизны и грязи, никакого иного впечатления не оставляла. Такая скульптура, вероятно, могла бы изуродовать какой-нибудь чистый, ухоженный, ровно подстриженный в соответствии с современными требованиями сквер, однако здесь она ничего не портила, поскольку сад превратил ее в часть собственной одичалой природы, и даже птички относились к ней не иначе, чем к любому росшему здесь дереву. В глубине сада некогда находилась открытая эстрада, и воспоминания о ней вызывали низкие каменные столбики (с которых осыпавшийся цемент сорвал завесу тайны, состоявшей в том, что это были не цельные столбики, а сложенные друг на друга плоские камни разной величины), металлический каркас (который прежде служил опорой для пола и продолжал бы честно служить своему назначению по сей день, если бы сам пол не прогнул и не развалился) и поднимавшаяся на эстраду лесенка в четыре ступеньки (которая каким-то чудом все еще стояла, и в этой стойкости уже проглядывал комизм бессмыслицы, так как дощатого настила больше не существовало, и возникало впечатление, будто лесенка ведет в никуда).

Фонтан, скульптура и эстрада были расположены таким образом, что составляли равносторонний треугольник.

Какая-то сила влекла Соломона к этому садику. Иной раз он нарочно выходил из дому пораньше, приходил сюда и усаживался на свою излюбленную, относительно прочную скамейку. Когда он глядел на эти деревья, стоявшие здесь еще тогда, когда никого из ны-

нешних жителей города не было и в помине, ему казалось, что он ощущает старый, далекий, печальный аромат, какого не встретишь больше нигде, хоть весь белый свет. Что касается скамеек, то их молодость и зелень Соломон помнил хорошо и теперь, наблюдая за их жалкой, обшарпанной, находящейся на грани распада старостью, вспоминал иногда собственную юность, а именно (до причины этого он так и не докопался, хотя несколько раз специально углублялся в данную проблему) ту пору, когда у соседских девочек набухли первые почки и, заметив это, мальчики стали слать, натянув на голову носок, чтобы совладать с непокорными вихрами и придать им направление, которое, как казалось мальчикам, должно было сделать их внешность более солидной, а по утрам, едва проснувшись, подбегали к стене, на которой черточкой был отмечен их вчерашний рост, и с замиранием сердца вытягивались в надежде, что сегодняшняя отметка окажется на сантиметр-другой выше вчерашней. Иногда Соломона увлекали проблемы совершенно иного свойства, главным образом, проблемы общечеловеческого характера, и он принимался размышлять о своем предназначении, то есть, не о своем собственном, просто как Соломона, а о предназначении Соломона как составной частицы единого и неделимого человечества. В такие минуты он запутывался в непроходимых лабиринтах, терял нить, которая прерывалась, сбивался с пути, и в сердце у него возникала боль от ощущения ничтожества и мертвой пустоты, и боль эта проходила лишь после того, как, придя в школу, Соломон с головой погружался в неотложные повседневные дела. А иной раз он сидел просто так и вовсе ни о чем не думал. То есть, наверное, все-таки думал о чем-то, однако стоило ему подняться со скамейки, как он уже ничего не помнил, словно все это время на скамейке сидел кто-то другой — вот этот-то другой и думал.

Приход в школу для Соломона всегда был радостью. Когда склонности и деятельность человека совпадают, обычно говорят, что работа для него — вторая семья. В отличие от подобных людей, школа для Соломона была первой и, в известном смысле, единственной семьей. Такое явление может натолкнуть на мысль, будто в школе у Соломона имелись близкие

друзья и вращение в их кругу духовно обогащало нашего учителя, однако мысль эта была бы неверна. Отношения между учителями, за редкими и временными исключениями, были довольно прохладными и не переходили границ формальной вежливости. И если Соломон предпочитал все-таки общество своих коллег и ужасно не любил выходные дни, это объяснялось тем, что к семье и службе мы обычно предъявляем совершенно разные требования, и некоторые мелочи, на которые легко закрываем глаза в служебной обстановке, в семье досаждают нам и портят настроение; впрочем, если бы дома Соломону приходилось жить в атмосфере постоянной напряженности и вечных ссор с возней и криком, как живут довольно многие, у него хватило бы решимости (ее, во всяком случае, хватало на то, чтобы так думать) совсем оставить семью и куда-нибудь перебраться. К счастью, до этого дело не доходило. Просто дома его давно уже никто ни о чем не спрашивал, из-за чего он чувствовал себя просто мебелью и притом ненужной. Вероятно, он несколько преувеличивал. Например, если бы он громогласно заявил своим домашним, что они его и в грош не ставят, ему без труда доказали бы, что он ошибается. Порою ему и самому казалось, что он преувеличивает. Особенно, когда по каким-нибудь делам Соломону приходилось уезжать из города. Достаточно было провести два дня вдали от дома, как на сердце наваливалась тяжелая тоска, на глаза наворачивались слезы, и он вдруг чувствовал, как горько заблуждался, считая себя в семье чужим. Находясь вдали от дома, оставшись в действительном, а не мнимом одиночестве, на расстоянии он явственно видел, что за этим его кажущимся одиночеством стоит сильный, надежный, мощный магнит, который самоотверженно притягивает его и в печальном зове которого слышится тоска, способная заставить плакать кого угодно, и только возвратясь назад, войдя в свой дом, оглядев стены, оглядев мебель, оглядев домочадцев, Соломон осознавал, что этот «сильный, надежный, мощный магнит» был плодом его фантазии, иллюзией, миражом, который влечет к себе, хотя на самом деле не существует, и тогда им вновь овладевало знакомое чувство отчужденности. От этого раздвоенного отношения к семье на душе у Соломона часто скребли кош-

ки, но, в общем, оно не могло нарушить и замутить течение его жизни; чувство собственной отчужденности и ненужности плавало где-то на поверхности, снаружи, слегка касаясь кожи и время от времени, по правде говоря, вызывая острые ожоги, однако глубинных слоев души, в которых помещается основное ядро нашего существа, эти ожоги не достигали и повредить их не могли. Так получалось, во-первых, потому, что Соломон любил спокойную жизнь (а тем, кто любит спокойную жизнь, обычно удается жить спокойно), а во-вторых, потому, что он не сразу выпустил из рук бразды правления в семье, а лишился их постепенно, плавно, незаметно, что позволило ему сохранить оптимизм. Ведь раскат грома поражает нас именно своей неожиданностью — если бы гром нарастал постепенно, то в момент его апогея мы бы его просто не слышали или слышали бы, но, успев уже привыкнуть, не обращали бы на него внимания. Так что, хотя Соломон и не мог назвать свою жизнь счастливой, он, однако, не мог назвать ее и несчастной, а для реалиста, трезво смотревшего на мир и не обуреваемого честолюбием, этого вполне достаточно.

Соломон женился в двадцать пять лет. Невесту ему подыскали родственники, которые и познакомили будущих супругов на каком-то званом вечере. На вид девушка ничего особенного из себя не представляла. Зато Соломону очень понравилось, что она весь вечер просидела, стыдливо потупив глаза и не решаясь поднять их на будущего жениха. Кроме того, ему понравилось ее имя — Асмат, которое он еще в отрочестве, после того, как впервые прочитал «Витязя в тигровой шкуре», поместил в самое начало списка избранных имен. В ту пору Соломон был начинающим учителем, а Асмат работала технологом в химчистке. За все, что произошло впоследствии, с уст Соломона не сорвалось ни единого словечка упрека в адрес его родственников-сватов, ибо предугадать те психологические метаморфозы, свидетелем которых ему позднее пришлось оказаться и которые, возможно, с самого начала были написаны у Асмат на роду, невежественные родители, конечно же, не могли. Поначалу все шло как по маслу. Асмат была домовитая, нежная и верная жена и все супружеские обязанности выполняла тщательно и доб-

росовестно. Когда вечерами Соломон делился с нею своими школьными радостями и горестями, Асмат его внимательно выслушивала. Правда, собственные соображения она высказывала редко, однако ничего дурного в этом не было. Человеку нужен слушатель, а не его соображения. Особенно сладко вспоминались Соломону их ночные разговоры в постели, которые велись негромко, полупшепотом, уже перед сном, когда супружеское ложе превращалось в крепкое, устойчивое, надежное русло всей жизни, где дух и плоть мужа и жены были едины и нераздельны, как само это ложе, и где несколько избыточная откровенность, несколько избыточный пыл, несколько избыточный романтизм и несколько избыточный идеализм так просто, так естественно, так хорошо сидели на своих местах, словно жизнь состояла именно и только из них, а то, что представлялось жизнью днем, теперь казалось искаженным отображением этой, настоящей жизни.

Два года спустя Асмат перешла на работу в объединение «Золотое руно» и вскоре начала играть с огнем. «Золотое руно» было одним из самых важных и нужных предприятий в нашем городе, которое снабжало граждан изготовленными в собственных цехах (правда, никуда не годными), а также привозными (правда, трудно достающимися) товарами первой необходимости, каковыми, несомненно, являются кафельная плитка, ванны, унитазы, краны, раковины и тому подобные предметы. Еще на прежней работе Асмат отличалась деловитостью и энергией, однако в «Золотом руно» она проявила такую прыть, что не только сделала блистательную карьеру, но попутно на собственном примере еще раз продемонстрировала, сколь сложное это явление — человек, и как опасно по нынешнему его дню судить о его дне завтрашнем. Вначале она была браковщицей, потом экономистом, затем старшим экономистом, затем начальником отдела и наконец, стала заместителем директора. Всего несколько лет понадобилось для того, чтобы застенчивая, робкая, бессловесная женщина превратилась в почтенного, занятого, строгого заместителя директора, которого к тому же обслуживала персональная машина. Правда, это был всего-навсего «Москвич» с четырехугольным закрытым кузовом, напоминающим сундук, и все-таки это был авто-

мобиль, с шофером, с колесами, который прекрасно справлялся со всем, что требовалось от автомобиля. И если на вид он был не слишком привлекателен, то для своего специфического назначения, о котором речь у нас пойдет ниже, этот непроницаемый сундук подходил гораздо больше, нежели любая другая, сверкающая стеклами машина, чьи внутренности доступны всем любопытным взорам.

Аснат была еще только старшим экономистом и перед нею лежал долгий путь до конечного пункта ее карьеры, когда она впервые принесла домой несколько упаковок импортного кафеля и один импортный же унитаз. Соломон удивился. Дело в том, что дома у них ни кафель, ни унитаз менять не требовалось, а так как все его существо было поглощено любовью к родной литературе, из-за чего практическое мышление несколько притупилось, он не сразу понял, для чего понадобилось жене тащить домой эти предметы. Догадавшись в конце концов, что она принесла их на продажу, Соломон заволновался. И тут следует сказать о том, что возымело, пожалуй, решающее значение: Соломон с глухой болью почувствовал, что волнение его вызвано не только соображениями нравственности, но и (причем даже в большей степени) страхом, боязнью того, что кто-нибудь призовет его к ответу. Впрочем, давая выход своему волнению и облекая его в слова, Соломон, разумеется, перенес акцент на соображения нравственности и лишь походя упомянул о страхе (на что Аснат насмешливо ухмыльнулась). Вообще-то говоря, не так уж Соломон волновался и возмущался, как следовало бы и как он наверняка бы волновался и возмущался в том случае, если бы кафель и унитаз не маячили у него перед носом и если бы вопрос надлежало решать лишь в теоретическом плане. Видимо, это обстоятельство также сыграло свою роль в том, что ссора между супругами оказалась весьма недолгой. После того, как они метнули друг в друга несколько коротких реплик, в которых эмоции явно преобладали над смыслом и которые содержали, главным образом, субъективные взаимные характеристики, Аснат гневно подбоченилась и спокойным, тихим, чуть ли не жалобным тоном, совершенно не вязавшимся с ее воинственной позой, сказала:

— Воля твоя. Ты глава семьи, как скажешь, так я и сделаю. Нынче уже поздно, одну ночь потерпи, а завтра я их возьму и отнесу туда, откуда принесла. Не говоря уж о ее позе, подобный вывод никак не соответствовал предшествовавшему разговору и совершенно из него не вытекал, поэтому Соломон не поддался соблазну поверить в столь легкую победу, тем более, что в отдаленной глубине души чувствовал: шансов на победу у него практически не было (ибо в еще более отдаленной глубине души, как знать, может, он и не хотел, чтобы они были). И действительно, Асмат завершила свою речь таким образом: — Совсем брошу эту чертову работу, лучше уж буду за детьми смотреть (к тому времени у них было уже трое). Женщина вообще должна сидеть дома и растить детей. Кормить семью должен мужчина, — тут она на мгновение умолкла, словно оценивая положение, а затем прибавила: — Ох, доложу я тебе, и разгуляемся мы на твою зарплату!

Соломона эти слова заделли, однако не так, как можно было ожидать, ибо тут-то он понял, что на протяжении семи лет их совместной жизни этим словам предшествовало множество других слов, на которые он до сих пор не обращал внимания и которые, благодаря этой его невнимательности, срабатывали еще лучше и тщательно готовили почву для последнего выпада. Поэтому не слишком острым оказалось и осознание того, что главенство в семье давно уже было у него отнято, экономическими рычагами завладела Асмат, и сейчас речь шла только о том, чтобы вслед за обретением экономического господства отобрать у Соломона и рычаги идеологические, что, собственно, и должно было рано или поздно случиться.

И Соломон умолк. А коль скоро он умолк, в семье воцарился мир, и немного погодя Асмат уже совсем по-другому, нежно, ласково и убедительно разъяснила мужу, что в ее действиях нет ровным счетом ничего предосудительного. Как известно, местная продукция не находит сбыта. Это, разумеется, отлично знают и наверху. Поэтому, чтобы дать объединению возможность выполнить план, сюда время от времени присылают импортный товар. Этот товар, так называемая «своя цена» которого составляет, допустим, сто рублей (реаль-

ные цены очень скоро смешались в Соломоновой голове, и он сумел запомнить лишь их соотношения), с какой-то роковой неизбежностью попадает в руки перекупщику, который затем продает его за триста рублей. Спрос на товар велик, и покупатель охотно платит такую сумму, лишь бы его достать. Учитывая данную ситуацию, Асмат совершенно законным и официальным путем приобретает этот товар в магазине своего объединения, платит сто рублей, приносит домой и отдает кому-нибудь из знакомых за двести рублей. В результате этой безболезненной операции сто рублей выигрывает не только Асмат, но и покупатель. Ведь ему всего в двести рублей обходится то, за что он, не моргнув глазом, заплатил бы триста! Неужели это грех — сберечь человеку, который, быть может, живет в бедности, целых сто рублей? Помимо всего прочего, это еще и борьба со спекуляцией, поскольку способствует падению цен на черном рынке. На первый взгляд, от подобных комбинаций пахнет чем-то нехорошим, но предположим, что Асмат не возьмет товар себе и пустит его в реализацию. Что же произойдет? Если бы товара имелось в таком количестве, чтобы удовлетворить спрос, то Бога ради — все было бы в полном порядке. Но в таком количестве товара нет. Поэтому он обязательно достанется какому-нибудь перекупщику, и тогда те, кто благодаря Асмат могли приобрести его за двести рублей, будут вынуждены платить триста. И то, если достанут.

Вот каково оказалось положение дел. И хотя Соломон чувствовал, что за этой нестандартной логикой скрывается какая-то несообразность, времени на раздумья у него уже не оставалось, поскольку надо было проверять тетради.

С того дня в доме у Соломона (а тремя годами позже — уже в доме у Асмат, так как старую квартиру они сдали государству, а новую, в которой жили теперь, получила Асмат), внитаз превратился в неотъемлемую деталь интерьера. Когда Асмат обеспечила всех друзей и соседей (сначала по старой, а потом и по новой квартире), она оказалась вынуждена расширить поле своей деятельности. С этой целью она связалась с соседкой, которая жила этажом ниже и работала на санэпидстанции в отделе грызунов и тараканообразных. Это была

чернявая, маленькая женщина, худенькая, беспокойная и очень подвижная. Она постоянно носилась трусцой, и при этом казалось, что она в чем-то барахтается — так странно она двигалась. Человек, который увидел бы ее остановившейся, не успел бы даже сообразить, что она остановилась: стоило кому-нибудь появиться поблизости, как она, словно испугавшись, тут же набирала скорость и трусила в неизвестном направлении. Когда она поднималась к ним (а поднималась она все чаще и чаще), Соломон, к собственному недоумению, неоднократно ловил себя на том, что постоянно ждет, что она вот-вот заползет под плинтус. Эта женщина была известна среди соседей двумя видами своей деятельности: во-первых, тем, что воровала на работе отраву и за скромное вознаграждение уничтожала в округе индивидуальных тараканов, а во-вторых, тем, что время от времени отправлялась — тоже, по-видимому, трусцой, — в другие города, откуда привозила разные вещи, которые и распродавала. Звали ее Любой. Она охотно взялась прокладывать новые торговые пути для асматовых унитазов и, как принято выражаться, выполнила взятые на себя обязательства. С неизменной честностью она отдавала Асमत причитавшееся той, условно говоря, сто рублей, а сколько получала сама, неизвестно, хотя ясно было, что занимается она этим делом, в любом случае, не из голого энтузиазма.

Вскоре, как это часто случается, когда людей связывает общая тайна, Люба, этот маленький грызун, так освоилась в семье Асमत и Соломона, что, подобно унитазу, стала составной частью их домашнего интерьера. Как только у нее выдавалась свободная минутка, Люба тут же трусила наверх. То она приносила рецепт какого-нибудь варенья, то сама просила у Асमत рецепт какого-нибудь соленья, а то и просто поднималась поболтать. Поначалу Соломон полагал, что Люба, по всей вероятности, произошла от таракана, однако позже, когда именно Люба дала первый толчок к одному из трех важных соломоновых наблюдений, к тому самому, которое касалось учения Дарвина, Соломон пришел к заключению, что дело обстоит как раз наоборот — это таракан произошел от Любы, а вовсе не Люба от таракана. Что же касается самого Соломона, то после исторического разговора, в ходе которого были оконча-

тельно расставлены все точки над «і» и стало очевидно, что он, Соломон, утратил экономическую, а стало быть и идеологическую независимость в доме, он не решался высказывать свой протест вслух, хотя в душе так и не примирился с деятельностью Асмат. Одно время он намеревался, по крайней мере, так воспитать детей, чтобы их невозможно было заманить в сети соблазна, но ничего не вышло. И не потому, что Асмат была против. Наоборот, Асмат была бы только рада, если бы Соломону удалось осуществить свое намерение, ибо человек, чем бы он ни занимался, отлично знает, что хорошо, а что плохо (кстати, это и есть ахиллесова пята подобных людей, а вовсе не страх, как мы по своей наивности думаем), и Асмат в глубине души (а в светлые минуты — даже на ее поверхности) понимала, к чему приведут ее делишки, и предпочитала, чтобы дети не подпали под ее влияние, но дело было в том, что когда Соломон решил так воспитать детей, чтобы они не свернули с пути истинного, он понятия не имел о том, какое конкретное содержание заложено в этом общем и достаточно туманном слове «так».

А жизнь между тем гнула линию Асмат. И хотя в начале этой линии не было видно никакого предупреждающего знака, а если бы кто-нибудь предсказал Соломону будущее, он бы чрезвычайно удивился, но от фактов никуда не денешься: в один прекрасный день эта линия довела до конспирации. Трудно поверить, но если как следует разобраться, кривая логики, в частности, кривая психологической логики, шла именно к этому. Соломон, как уже говорилось, великой любовью любил всю грузинскую литературу. Хотя были у него и избранные. А избранным среди избранных был Илья Чавчавадзе, который самоотверженно сражался на всех национальных фронтах, и притом, по мнению Соломона, сражался, в отличие от многих других, не для того, чтобы стать вождем нации, но как раз потому и был вождем нации, что сражался. Разумеется, Соломон отнюдь не претендовал на то, чтобы достичь высот Ильи Чавчавадзе или обнаружить с ним духовное родство (Соломон вообще был человеком без претензий), просто он старался сверять с его жизнью все свои решения и поступки, ибо та жизнь была огромным духовным экраном, на котором каждое решение и каж-

дый поступок обретали свой истинный облик и истинную цену. Иной раз Соломон заходил по этому пути даже слишком далеко. Например, когда в доме начался сантехнический бум, у него возник весьма кощунственный, хотя, в сущности, совершенно естественный вопрос: как поступил бы Илья Чавчавадзе, окажись он в подобном положении? Ответа на этот вопрос Соломон не нашел, потому что такое даже представить себе оказалось невозможно. Невозможно не потому, что то был Илья Чавчавадзе, а в силу других, куда более сложных и глубоких причин, которые Соломон, хотя и угадывал чутьем, но все же никак не мог ухватить и сформулировать. Короче говоря, Илья Чавчавадзе был избранным среди избранных. Особенно Соломон любил его публицистические статьи. Многие из них он знал наизусть. И все, в том числе и те, которые знал наизусть, время от времени, а тем более, когда по тем или иным причинам пребывал в смятенном состоянии духа, перечитывал, погружаясь в них с таким злорадством, словно вымещал на ком-то свою досаду или кому-то мстил. В тот день он как раз читал «Дело о Кутаисском банке», когда послышались шаги Асмат, и Соломон поспешно прикрыл книгу лежавшей рядом раскрытой тетрадкой, вооружился ручкой и придал лицу такое выражение, какое обычно бывало у него во время проверки сочинений. Едва осмыслив свой поступок, он тотчас же понял, что и тетрадка, и ручка были у него приготовлены заранее, и вообще это был уже не первый случай, когда при появлении Асмат он прятал книгу. Подобная ситуация вызвала у Соломона некоторое удивление. Вероятно, она должна была скорее возмутить его, однако не возмутила, поскольку это был все тот же замедленный раскат грома, который ухо уже не воспринимает. Да и удивился он, собственно, только потому, что Асмат никогда не запрещала ему читать книги. Повидимому, Соломон сам пришел к заключению, что в то время, как жена денно и нощно печется о благе семьи и все кладет на ее алтарь, со стороны мужа было бы по меньшей мере некрасиво заниматься чем-либо таким, что не приносит непосредственной материальной пользы.

Осмысление не принесло результатов. Ни плохих, ни хороших. И Соломон продолжил свою нелегальную

деятельность, для чего успешно использовал ученические тетради. Проверкой тетрадей, сиди он за этим занятием хоть ночи напролет, его никто не стал бы попрекать; в худшем случае Асмат усмотрела бы некий комизм в соотношении труда и вознаграждения и не удержалась бы от какого-нибудь язвительного замечания по этому поводу.

Удивительно, но по мере того, как Асмат продвигалась вперед в своей служебной карьере, она делалась все более и более привлекательной женщиной, хотя ни парфюмерией, ни какими-либо иными искусственными средствами не пользовалась. Она стала даже казаться выше ростом, более статной. Это навело Соломона на мысль, что место все-таки красит человека. Быть может, так оно и есть (и вообще, красивых женщин Соломон явно предпочитал некрасивым), но беда заключалась в том, что по мере служебного роста Асмат, а соответственно и расцвета ее женской привлекательности и красоты, почему-то неуклонно сникала мужская решительность Соломона, вследствие чего и в самых интимных отношениях между супругами инициатива также перешла к Асмат, и Соломону ничего иного не оставалось, как довольствоваться весьма пассивной (а порою — озлобленно-пассивной) выжидательной ролью.

Ну, а о том, что своими школьными радостями и горестями он больше не мог делиться с женой ни днем, ни ночью, говорить, наверное, даже излишне.

Но в конце концов Соломон уподобился маленькому водовороту, образовавшемуся на дне реки у подножья каменной глыбы, который лишь формально может считаться частью самой реки, ибо, когда речное течение с шумом проносится у него над головой, он не способен ни воспрепятствовать этому течению, ни последовать за ним, он — сам по себе и, притулившись у подножья глыбы, закрыв глаза, пребывает в бездействии и, если не наслаждается летним теплом, то и не страдает от зимних холодов, а ежели, застоявшись, начнет покрываться плесенью, то будет покрываться ею так медленно, что и сам этого не заметит, ну, а если он потихонечку подмывает основание глыбы, так ведь он тут ни при чем, он не нарочно, поэтому никто на него не в обиде и никто с него ответа не потребует.

Вероятно, такое сравнение чрезмерно заострено и, будучи социально ограниченным, не может похвалиться абсолютной точностью. Тем не менее определенное зерно истины в нем безусловно имеется, и, хотим мы того или нет, мы должны считаться с этим фактом. Поэтому после того, как семейные нити у Соломона оборвались и пути к детям были утрачены, он перенес главный акцент своей жизни на школу.

Как мы уже упоминали, в школе (а также, разумеется, за ее пределами) друзей у Соломона не было. Зато в школе действовал некий неписанный этический закон, требовавший, чтобы учителя мирились с существованием друг друга, заботились о репутации друг друга и во взаимоотношениях друг с другом, насколько позволяла жизнь, соблюдали нормы вежливости. Правда, закон этот, как и многие другие законы, касался лишь поверхности, не затрагивая сути, однако Соломона это вполне устраивало. Жизнь пестра и многообразна, и эти пестрота и многообразие, конечно же, давали о себе знать и здесь, проявляясь в виде стычек, интриг, скандалов, но ведь главное — это дозировка, а Соломон никогда не предъявлял максималистских требований к практической жизни. Нередко в учительской ему удавалось отдохнуть душой. Здесь часто возникали разговоры по общечеловеческим вопросам, на важные темы, о высоких материях. Даже сплетни в учительской звучали изящнее и приятней для слуха. В этом отношении коллеги Соломона, несомненно, весьма выгодно отличались от шумных и неотесанных сотрудников «Золотого руна», которых Асмат иногда принимала у себя дома и чей духовный и интеллектуальный уровень приводил Соломона в уныние. О Любе и говорить не приходится. Люба его в уныние не приводила. Люба его раздражала. Раздражала не тем, что у нее был сильный, какой-то похабный голос, которым она часто высказывала похабные же мысли, а тем, что говорила вообще. Соломон почему-то решил, что Люба не должна была обладать даром речи. Он был убежден, что, издавай она лишь мычание и какие-нибудь нечленораздельные звуки, это раздражало бы его меньше.

Отношения с учениками складывались на протяжении многих лет и давно уже приняли завершённый, окончательный, инертный облик. В первоначальную тео-

речическую модель педагога, проникнутую ^{своим} собственным идеализмом, ^{идеализмом} идеализмом, жизнью внесла необходимые поправки, удалила ^{ненужные} ненужные побегги, очистила тонкие пласты беспочвенного идеализма, спрессовала и придала ей практичную форму, пригодную к употреблению. Это была обычная, распространенная и притом, если с ней освоиться и не тянуться к чему-нибудь такому, что не уместится в систему координат, — крепкая, надежная и безошибочная модель. Соломон с нею освоился, ибо к крайностям ни в какую сторону не стремился. Его нельзя было бы отнести к категории так называемых «любимых учителей» (если такая категория и в самом деле существует, а не является выдумкой первоклашек, которые тоскуют по маме, и, чтобы утолить эту тоску хотя бы с помощью иллюзии, прибегают к методу замещения), однако не принадлежал он и к категории людей, оказавшихся в школе случайно. Соломон был педагогом по своей природе. Родную литературу он не только любил, но и хорошо знал и не жалел стараний, чтобы передать ученикам свои знания и заразить их своей любовью. С любовью дело обстояло чем дальше, тем сложнее. Дети уже были не те. Поколения сменяли друг друга на глазах у Соломона, и Соломон отчетливо видел перемены, носившие главным образом интеллектуальный и психологический характер. С одной стороны, дети стали гораздо более умными, более рассудительными, более зрелыми; с другой стороны (не исключено, что как раз по этой же самой причине), они очень рано стряхивали с себя романтические лепестки (которые мы иногда именуем еще романтической пылью), начинали мыслить более реалистично, более скептически, меньше доверяли авторитетам, без слепого почтения относились к учителям, нередко подвергая критике их знания и вкусы и подходя к ним со своими мерками. Временами процесс этот настолько обострялся, что Соломон, судивший по своему предмету, начинал верить в неизбежность переоценки литературных ценностей и позже, когда ученики тех лет становились взрослыми, а ожидаемой переоценки по-прежнему было не видать, в глубине души удивлялся и размышлял о том, куда же подевались эти дети и почему о них ничего не слышно.

Ученики не разделяли великой Соломоновой люб-

ви и порою вытаскивали на свет столь слабые места из произведений чтимых учителем писателей, что это свидетельствовало с одной стороны о сознательном скептицизме, который стремится любыми средствами доказать свою правоту, а с другой — о желании подвергнуть испытанию эрудицию педагога, а его самого по возможности «срезать», и поэтому, когда они не знали урока, они приводили цитаты из наименее известных произведений. Однако, хвала всевышнему, Соломон не был похож на иных преподавателей, чей кругозор ограничен рамками школьной программы. Соломон знал свой предмет глубоко и основательно, и «срезать» его было не так-то легко, хотя и он, со своей стороны, не мог похвалиться тем, что ему удалось поколебать скептицизм учеников.

Тем не менее он все-таки не складывал оружия и по-прежнему пытался внушить детям любовь к родной литературе, ибо необходимость этой любви была для него святой и непреложной истиной. В поисках дополнительных импульсов он порою заводил речь об истории Грузии (к чему дети относились весьма благосклонно, поскольку в подобных случаях у Соломона не оставалось времени на объяснение нового материала), а однажды провел смелый эксперимент, завершившийся крахом. Соломон знал один стишок, который услышал еще в детстве от своего учителя грузинского языка и литературы и запомнил на всю жизнь. Не только потому, что стишок был прост, немудрящ, легко запоминался и прямо, без всяких выкрутасов выражал мысль, но еще и потому (это Соломон понял слишком поздно), что в то время, когда Соломон и его одноклассники слышали от учителя этот стишок, его пафос был совершенно естественным, а щеголять такими вещами, как гордость за родную поэзию, было еще не принято, и тот, кто произнес стишок, и те, кто его слушали, пребывали в одном и том же измерении. На протяжении всей его учительской деятельности Соломону, словно в нем какой-то бес сидел, не давало покоя желание, чтобы эта сцена повторилась. Он чувствовал, что времена изменились, и решиться на такую попытку было нелегко, однако желание снедало его, и потому он постоянно готовился, выжидая удобного случая. В прошлом году он наконец решился, но в результате стольких

колебаний и мук избрал, по-видимому, наименее подходящий для этой цели момент. В тот день в девятом классе урок был посвящен новому грузинскому литературному языку. Рассказав о заслугах в этой области Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, Соломон незаметно съехал с конкретных рельсов вопроса, немного вошел в роль, ощутив нечто вроде прилива вдохновения, внезапно понял, что наступил тот самый удобный случай, которого он ждал почти сорок лет, воспламенился, сердце учащенно забилося, глаза застлал влажный туман (вследствие чего фокус сместился, и класс теперь виднелся очень смутно), и Соломон завершил свою речь следующим образом:

— ...Неизмеримы их заслуги не только в становлении нового грузинского литературного языка, но и вообще в возрождении грузинской литературы. Эти имена — священные имена, или, как сказал поэт:

Илья Чавчавадзе,
Акакий Церетели —
эти имена для нас
сладостней свирели.

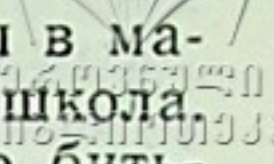
На мгновение в классе воцарилась гробовая тишина, и Соломон почувствовал, что у него перестало биться сердце. А в следующее мгновение с последней парты (в левом ряду), где сидел толстый Датешидзе, отчетливо, чуть ли не по слогам, прозвучали ответные стихи:

Мудрый Соломон —
в школе чемпион!

* * *

Соломон обеими руками оперся об изъеденную червем, трухлявую скамейку, тяжело поднялся, заложил руки за спину, слегка откинул корпус назад и неспешным, величественным шагом двинулся дальше. Никакого предчувствия у него не было. Предчувствие вообще было для него неведомым фруктом: видеть не видел, слышать не слышал, на вкус не пробовал и, как это свойственно людям, опирающимся в подобных вопросах исключительно на собственный опыт и меряющим все только на свой аршин, просто не верил в его существование.

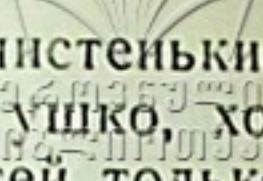

Он вышел из сада, миновал улицу и свернул в маленький узкий тупик, в конце которого стояла школа.

При виде школы сердце Соломона начинало биться часто-часто, как, наверное, бьется оно у опоздавшей на свидание женщины при виде возлюбленного, который нервничает, кусает губы, то и дело поглядывает на часы, однако все-таки стоит и ждет. Сколько раз у Соломона исчезала тяжесть с души и смятение сменялось умиротворением, когда он сворачивал в этот тупик и замечал впереди изящное кирпичное трехэтажное здание школы! Школа для Соломона была церковью, существовавшей независимо от государства и посему недоступной влиянию Аснат. За тридцать восемь лет произошел один-единственный случай, когда жена вмешалась в его школьные дела. Это тоже было в прошлом году. Зима близилась к концу, Аснат вернулась с работы в дурном настроении. Довольно долго она бесцельно металась по квартире, словно запертая в клетке тигрица, потом, наконец, приблизилась к Соломону и сказала, что у нее есть к нему одна просьба, которую он непременно должен исполнить. У Соломона екнуло сердце. Замдиректора «Золотого руна» не стала бы унижаться перед ним из-за какого-нибудь пустяка, да и вообще Соломон не помнил, чтобы с тех пор, как Аснат завоевала право повелевать, она о чем-либо его просила. Аснат дала Соломону время успокоиться, сама тем временем выпила лекарство — голова раскалывается, — пояснила она, а затем вдруг резко, отрывисто, скороговоркой заявила, что он, Соломон, должен повесить отметку одной ученице. Соломон решительно отверг эти поползновения и даже не спросил, о какой ученице идет речь. Аснат тотчас же оставила его в покое, но стоны ее усилились. Соломон не понял, были ли стоны Аснат средством воздействия на мужа, или же у нее действительно так болела голова; во всяком случае, он не поверил, что жена может с подобной легкостью отказаться от борьбы в вопросе, из-за которого ей пришлось унизиться перед супругом. Очень скоро его подозрения подтвердились. Стоны оказались средством воздействия, а точнее — мостиком между вступлением и средством. Самим же средством явился прямолинейный, щедро сдобренный сарказмом гнев, громом обрушившийся на голову Соломона (святоша! Агнец праро-

дителя Авраама! Лишь бы не замарать свои чистейшие ручки! Я должна пролезать сквозь игольное ушко, ходить по лезвию ножа, совершать уйму пакостей только ради того, чтобы семья ни в чем не знала недостатка, а он, видите ли, будет сидеть нога на ногу, вцепившись в свою чесоточную порядочность и обмахиваясь ею, точно веером! Держи ее покрепче, как бы кто из рук не вырвал! Как это можно — повесить ученице какую-то несчастную отметку, Боже упаси! Ты же не то, что я!.. Мне ведь удовольствие большое ворковать каждый вечер со всякой швалью, вроде Любы, таскать унитазы и едва не проваливаться сквозь землю от стыда! И как ты только можешь жить с такой женщиной! Будь я на твоём месте, я бы разок хорошенечко отмутузила свою жену, чтоб вправить ей мозги и поставить на место. Но ты-то этого не сделаешь. Ведь если ты так поступишь, то на чьи деньги станет жить твоя порядочность!..).

— Как ее фамилия? — перебил Соломон, чувствуя, что тщательно запертая, заколоченная дверца в глубине его существа приотворяется,—и по телу пробежал озноб при мысли о том, какое зрелище его ожидает на дне развершейся пропасти.

— Курашвили, — немедленно сменила тон Аснат, — дочка Варлама Курашвили. Ее папаша со своей ревизионной группой еще вчера заявился с проверкой в «Золотое руно», сидит и что-то копает. Нам-то проверок бояться нечего, все в ажуре, но ведь все мы люди, и если кто-нибудь по злобе захочет, так всегда найдет, к чему прицепиться. Ну, а коли найдет чего-нибудь на копейку, сделает из этой мухи такого слона, что от всего объединения камня на камне не останется. Одна отметка может нас избавить от этой нервотрепки.

Дочка Курашвили знала предмет на твердую тройку, а между твердой тройкой и натянутой четверкой, в конце концов, не такая уж огромная разница, чтобы поднимать из-за нее переполох. К тому же Соломон и сам не раз подумывал о том, чтобы поставить девочке четверку в надежде, что это ее ободрит и заставит заниматься более прилежно.

Операция прошла благополучно и безболезненно, если не считать того, что этим случаем воспользовался директор, попросив Соломона повесить заодно отметку и Гигнадзе. Директор вскользь упомянул Курашвили,

дав понять, что он в курсе дела, а свою просьбу мотивировал тем, что школа нуждается в ремонте, проверить который невозможно без помощи Гигиадзе-отца.

* * *

Школа стояла посреди большого двора. Перед фасадом рос ельник, сквозь который от ворот до самого здания вела мощеная дорожка; справа была баскетбольная площадка, на которой кто-нибудь постоянно играл в футбол, а слева и сзади — так называемое «вспомогательное хозяйство». Здесь выращивали главным образом картошку и кукурузу.

Соломон медленно отворил большую, тяжелую дубовую дверь. Все три этажа школы имели совершенно одинаковую планировку. У входа, перед лестницей, расходились два коридора. Один, покороче, вел вперед, другой — подлиннее и посветлее — налево. В конце короткого коридора на первом этаже находился спортзал, на втором — учительская и кабинеты директора и завучей, а на третьем этаже — клуб. Вдоль длинных коридоров располагались классы. По обе стороны коридоров, на стенах, на такой высоте, чтобы не могли дотянуться шаловливые руки учеников, висели портреты выдающихся писателей, ученых, художников, спортсменов и политических деятелей. Некоторые, наиболее важные портреты, повторялись на всех трех этажах. С первого этажа на второй и со второго на третий вела каменная лестница, пологая, с низкими ступеньками, чрезвычайно удобная для ходьбы.

Соломон стал подниматься по каменной лестнице. Миновав несколько ступенек, он едва не столкнулся с быстро спускавшимся вниз Нукри Вачейшвили, учителем физкультуры и кумиром учеников всей школы. В знак приветствия Нукри Вачейшвили легонько хлопнул Соломона своей огромной ручищей по плечу, у самой лопатки, и с сияющим видом сообщил:

— Видал, какую хинкальную открыл Вернисаж? Хотя когда ты мог ее видеть! Пошли вы, говорит, с вашим рестораном, а заодно и с вашими матушками туда-то и туда-то, и сам открыл хинкальную на углу Мясникова и Цулукидзе. Ты же знаешь, какой он проныра! Хотя откуда тебе знать! Такие хинкали готовит, черт его подери! Что там тебе улыбка Джоконды! Толь-

ко поглядишь — слюнки потекут. И пиво у него отменное! Я полсотни заказал к двенадцати часам. Может, пойдешь со мной? Хотя куда ты со мной пойдешь!

Все это он выпалил единым духом и так же быстро и энергично зашагал дальше.

В свое время Нукри Вачейшвили был боксером-тяжеловесом, и те двенадцать лет, которые он пожертвовал спорту, неизменно вспоминал с горьким сожалением, ибо, по его словам, в то самое время, как он и другие, вроде него, тяжеловесы парились в бане и обливались потом, сбрасывая лишние граммы, а потом на ринге беспричинно и безвозмездно молотили друг друга, все остальные члены общества в свое удовольствие поглощали хинкали, запивая их холодным пивом. Поэтому, как только он из активных спортсменов перешел в ветераны, Нукри твердо решил возместить себе все потери, понесенные за двенадцать лет, и догнать тех, кто успел за это время уйти вперед, для чего каждую свободную минуту проводил в хинкальной. И действительно, вскоре он не только догнал, но и оставил всех соперников далеко позади. Однако, опасаясь, как бы такое количество хинкали и пива не повредило его спортивной форме, он в каждую кружку пива добавлял по рюмке водки. Неизвестно, то ли водка и в самом деле помогала, то ли у Нукри имелся какой-нибудь другой секрет, которого он не открывал, во всяком случае, на нем по-прежнему не было заметно ни капли жира, и он продолжал оставаться стройным, подтянутым и спортивным. Дети в нем просто души не чаяли. Иной раз, сбежав с истории или математики, они, вместо того, чтобы отправиться в кино, шли на урок к Нукри Вачейшвили. У столь пламенной любви имелись серьезные причины: во-первых, Вачейшвили по-прежнему владел приемами бокса и с удовольствием обучал им ребят; во-вторых, из своего спортивного прошлого он охотно рассказывал такие эпизоды, которые обычно происходили за пределами ринга, так сказать, за кулисами, а еще точнее — в гостиничных номерах и домах мужей, находившихся в командировке; наконец, в-третьих, он не признавал никаких условностей в выражении своих мыслей и чувств, никогда не дифференцировал собеседников по возрастному или половому признаку и в разговоре с учениками второго-третьего классов упот-

реблял такие слова, значение которых не всегда можно было бы отыскать даже в словаре Сулхан Саба Орбелиани.

Взойдя по лестнице на второй этаж, в коридоре слева Соломон краем глаза заметил Наталью Давыдовну и на мгновение остановился, но тут же зашагал дальше, поскольку Наталья Давыдовна, вернее, пиджак и юбка Натальи Давыдовны мелькнули в самом конце коридора и свернули направо.

В тот день у Соломона было два утренних урока, один в девятом классе, другой — в десятом, поэтому в половине одиннадцатого он уже освободился и, будучи ничем не занят до четырех часов, отправился домой. Никакого предчувствия у него так и не возникло. Хотя, прежде, чем он отправился домой, произошел один эпизод, который человека более бдительного и скептически настроенного, быть может, заставил бы насторожиться. Как раз в тот момент, когда Соломон застегнул последнюю пуговицу на своем плаще и собрался было покинуть учительскую, из директорского кабинета послышалось:

— Соломон!

Соломон остановился и полуобернулся назад. Директор иногда звал его просто Соломоном, а иногда — «Соломон-батано». Но обращался всегда на «ты».

— Смотри, не опаздывай, — сказал директор. — Знаешь ведь, из просвещения придут.

Соломон молча кивнул и вышел из учительской. Это дополнительное напоминание было совершенно излишним, ибо если для Соломона существовало что-нибудь святое, это в первую очередь был долг, и когда он должен был куда-нибудь явиться, он всюду и всегда являлся без опозданий, и тем не менее слова директора не вызвали у него ни малейшей тревоги.

Заседание педсовета было назначено на четыре часа. Какой вопрос на нем будет разбираться, Соломон не знал, поскольку директор не объявил заранее повестку дня. В этом тоже не было ничего удивительного или подозрительного. На своем долгом учительском веку Соломон повидал разных директоров, отличавшихся друг от друга внешностью, остротой ума, характером, но при всех этих различиях каждый из них обла-

дал рядом общих признаков, которые, по мнению Соломона, и придавали форму и вес понятию «директор», определяя его облик. Одним из таких признаков был своеобразный закон ритмики, который требовал, чтобы сослуживцы не слишком привыкали к своему директору, уподобляясь человеку, живущему на берегу реки и настолько свыкшемуся с монотонным гулом воды, что самой реки уже и не замечает. Однако река может позволить себе роскошь не считаться с отношением людей, директор же права на такую роскошь не имеет, ибо сила его, в отличие от реки, быстротечна и поддерживается, в основном, извне. Поэтому иногда он объявляет заранее повестку дня педсовета, а иногда не объявляет. У новичков подобное поведение директора подчас вызывает раздражение, поскольку новички усматривают в нем несправедливость, и в их сердцах зарождаются бунтарские настроения (не выходящие, как правило, за пределы сердец), однако позже, постигнув логику закона и поняв причину, новички успокаиваются, ибо подчиненных возмущает не столько сама несправедливость, сколько незнание ее мотивов. Нынешний директор Соломона, если взвесить его достоинства и недостатки, был скорее хорош, нежели плох. На вид он был не просто хорош — он был прекрасен: молодой, красивый, элегантный, всегда тщательно одетый, чисто выбритый, аккуратно причесанный, вальяжный, решительный, беспечный. Нравиться он умел бесподобно, люди буквально влюблялись в него, сами того не замечая. Он считался своим человеком даже в отделе просвещения. Правда, ходили какие-то сплетни, будто бы он приторговывает медалями и аттестатами, но о ком же в наши дни не ходят такие сплетни! Если прислушиваться к досужей болтовне, можно вообще возненавидеть человечество. Соломон директора ценил и — в разумных пределах — даже уважал его, хотя однажды они чуть было не поссорились. Это случилось в позапрошлом году. Директор вызвал его к себе по какому-то делу, а потом, покончив с этим делом, невзначай завел разговор о пенсии. При упоминании о пенсии Соломон уже готов был взорваться, но директор поспешил обратить свои слова в шутку, из чего Соломон сделал вывод, что либо директор и впрямь коснулся этой темы случайно, либо, если он преследовал опре-

деленную цель, то сразу же понял, что потерпел поражение и вынужден был свое поражение признать.

* * *

В старом саду Соломон снова сделал остановку, снова присел на свою любимую скамейку между фонтаном, скульптурой и эстрадой и снова принялся разглядывать старые деревья, которым старость придавала особую, величественную красоту и которые в этот проникнутый желтизной день поздней осени расставались со своими последними листьями, но это походило скорее на очищение, нежели на утрату, и потому они по-прежнему горделиво и бодро стояли на своих местах, спокойно, безропотно и смело устремив взор в небеса. Не возникало никаких сомнений, что конец второго тысячелетия они встретят столь же бодрыми. Соломону тоже хотелось застать это удивительное мгновение. Он вообще любил жизнь и стремился прожить как можно дольше, но увидеть собственными глазами новое тысячелетие было его заветным желанием, которым он не мог поделиться ни с кем (потому что не знал, что этого дня с таким же душевным трепетом и ожиданием чего-то, пусть очень разного по сути, но одинаково неопределенного и таинственного, ждут все — и неверующие, и верующие, и суеверные). Соломон надеялся, что произойдет Нечто. Что именно, он не знал, и воображение рисовало ему то всемирный потоп, то глобальное обновление (что, может статься, в сущности одно и то же).

Когда Соломон размышлял об этом, перед его мысленным взором маячила некая смутная космическая сила, которая возвращала реку жизни к ее истокам, и в тот неуловимый миг, когда двухтысячный год уже завершился, а две тысячи первый еще не наступил, мир походил на поднятую после первого промаха и вновь прилаженную к натянутой тетиве стрелу. В этот миг Соломон больше не был ни отцом семейства, в котором относятся к нему с пренебрежением, и ни о чем не спрашивают, ни учителем учеников, не разделяющих великой любви своего педагога к родной литературе. Это должен быть такой миг, когда все начинается сызнова и можно еще в молодости избрать себе иную жизнен-

ную стезю. Например, не поддаваться на угрозы родичей-сватов и...

Наталья Давыдовна была маленькой тайной Соломона, тайной, о существовании которой, кроме Соломона, не знал никто в целом свете, в том числе и сама Наталья Давыдовна.

Эта история случилась года четыре тому назад. Стояла середина апреля. Едва пробудившаяся природа зеленой кровью обновления бурлила в листьях и почках деревьев, сочились из них пьянящими ароматами и обволакивала город пленительной сетью легкости и стихийного возрождения, щекотала подошвы и приятно будоражила силы притяжения. Было светлое утро. Солнце недавно взошло, и его лучи, купаясь в свежих апрельских красках, блаженно трепетали в воздухе. Заложив по обыкновению руки за спину, слегка одурманенный и томимый резким дыханием весны, Соломон неторопливо шествовал в душистом облаке сирени. Свернув на ту улицу, в конце которой находился школьный тупик, он вдруг увидел шедшую впереди Наталью Давыдовну. Несмотря на то, что было еще довольно прохладно, Наталья Давыдовна решила надеть тоненькое платье без рукавов, разрисованное зелеными листочками.

Должно быть, именно весна оказалась повинна в том, что у Соломона на мгновение закружилась голова и мир внезапно представился ему беспредельным и пустым пространством. И в этом пустом пространстве виднелась лишь Наталья Давыдовна, сдобная и плотная, как полная луна, одетая в платье с зелеными листочками и неправдоподобно прекрасная. Наталья Давыдовна сама источала особую весеннюю прелесть: казалось, за нею тянулся целый ряд двойников, каждый из которых была Наталья Давыдовна, бестелесная и воздушная, льющая волны света на собственное изображение, облекавшая все вокруг своей ослепительной красотой, и в этом-то заключалось упоительное блаженство и сияние весны.

К счастью, видение продолжалось недолго, и Соломон вскоре опомнился. Они с Натальей Давыдовной были почти незнакомы, только здоровались друг с другом. Иногда, скажем, в начале нового учебного года, когда учителя долго не виделись, к обычному привет-

ствию в соответствии с кодексом взаимоотношений прибавлялось любезное: «Как поживаете? — Благодарю вас, хорошо, а вы?», но дальше этого дело никогда не шло. Поэтому, опомнившись, Соломон почти одновременно испытал страх и облегчение. Страх — при мысли, что мог увидеть Наталью Давыдовну не издали, а столкнуться с нею носом к носу, облегчение же — от того, что все-таки не столкнулся. Ведь, столкнувшись носом к носу, им пришлось бы порядочный отрезок пути пройти вместе, а Соломон совершенно не знал, о чем с ней говорить, ибо из всех форм знакомства самая тяжелая та, когда на протяжении многих лет встречаешь человека каждый день, но встречи эти никогда не выходят за рамки официального приветствия и представляют собою лишь повторение одной и той же ритуальной формулы. Это не только не углубляет и не развивает отношений, но и лишает их той слабенькой искорки жизни, которая теплилась в них с самого начала, превращая такие встречи в бессмысленную привычку, застывшее правило, вроде двери, снабженной реле, которая автоматически открывается при нашем приближении и так же автоматически закрывается, стоит нам только пройти. Подобные отношения — вещь чрезвычайно опасная, поскольку в любой момент может случиться так, что жизнь с присущими ей непредсказуемостью и своеволием застанет нас врасплох, когда сухого ритуала — кивка и приветствия — окажется недостаточно и обстоятельства потребуют завязать разговор, а завязать разговор тем труднее, чем более продолжительным было общение в окаменевших рамках мертвой формулы. Вот почему, хотя все это вращалось в Соломоновой голове хаотически, а не в виде отчетливой мысли, он в душе благодарил Бога за то, что между ним и Натальей Давыдовной было приличное расстояние, которое, вдобавок, вследствие разницы темпов их движения, постепенно увеличивалось. Соломону гораздо больше хотелось бы так же неторопливо шагать за нею поближе, с достоинством разглядывая полное, но все еще красивое и гибкое тело Натальи Давыдовны, потому что это, с одной стороны, доставляло ему удовольствие, а с другой — решительно ни к чему его не обязывало. Но вдруг Наталья Давыдовна остановилась, взяла в левую руку сумочку, которую до сих пор несла в пра-

вой, раскрыла ее и принялась что-то в ней искать. Это слегка смутило Соломона, но особой тревоги у него не вызвало: расстояние между ними было большое, и он надеялся, что прежде, чем оно сократится до опасного предела, Наталья Давыдовна успеет найти то, что ищет, и двинется дальше. Некоторое время эта надежда (учитывая расстояние, отнюдь небезосновательная) бодро вела его вперед, но вскоре начала таять, ибо расстояние неуклонно сокращалось, а Наталья Давыдовна все еще продолжала деловито рыться в своей сумочке. Соломоном овладело беспокойство, в сердце его приоткрыл глаза мирно дремавший там страх, в порах кожи дрогнули капельки пота, готовые скатиться вниз. Если через полминуты Наталья Давыдовна не найдет того, что ищет (да что же она такое ищет?!), то весьма вероятно, что будет уже поздно. Замедлить шаг Соломон не мог, поскольку это означало бы полностью прекратить движение, чего он ни за что бы не осмелился сделать: остановившись, он явил бы собою зрелище, которое не могло не показаться прохожим подозрительным, а кроме того, если бы Наталья Давыдовна вдруг обернулась — чем черт не шутит? — Соломон очутился бы в таком идиотском положении, из которого никак потом не сумел бы выкрутиться. И Соломон двинулся дальше. Когда же расстояние сократилось всего до нескольких шагов, он внезапно заметил на обнаженных руках Натальи Давыдовны пупырышки. Сия картина вызвала у него какое-то необычное, но сладкое и кружащее голову чувство, и волнение атаковало его с новой силой, но уже совсем с другой стороны. Эта белая, полная и, должно быть, прохладная рука словно на миг коснулась зеркальной поверхности Соломоновой души и своими пупырышками замутила эту поверхность. По телу Соломона побежали мурашки. Тем временем были пройдены последние несколько шагов и наступил неотвратимый и решающий момент, когда после обычной формулы приветствия Соломон уже не мог, как ни в чем не бывало, продолжать свой путь, а оказывался вынужден остановиться, тем самым как бы делая своего рода вступление к разговору, который он совершенно не знал с чего начать, однако деваться было просто некуда, и Соломон остановился.

— Доброе утро, Наталья Давыдовна!

— А-а, батано Соломон! — заулыбалась Наталья Давыдовна. — Доброе утро! — И (этот ее поступок так и остался для Соломона непроясненным) тотчас же перестала искать то, что до сих пор искала, закрыла сумочку и снова взяла ее в правую руку.

Соломон уже вознамерился было осведомиться у нее, не потеряла ли она что-нибудь, но тут же изменил свое намерение, так как счел, что это было бы неуместным и бестактным вмешательством в чужие дела, а кроме того, почему знать, что она там искала.

Теперь они вместе, вдвоем шли сквозь душистое, невесомое облако сирени и молчали. Если бы даже на прохладных руках не было никаких пупырышков, Соломон все равно едва ли сумел бы завязать разговор, но пупырышки (не исключено, впрочем, что он винил их больше, нежели они того заслуживали) действительно очень ему мешали.

Коль скоро раскрытая сумочка Натальи Давыдовны в качестве исходного пункта для начала беседы не подошла, Соломон принялся искать другие темы — и найти не смог. Вернее, найти-то он нашел — о чем поговорить, слава Богу, было, — он не нашел предмета, говорить о котором стоило. К примеру, разве не было бы с его стороны чистейшей глупостью сказать: «Какое приятное утро, не правда ли, Наталья Давыдовна?», когда Наталья Давыдовна и сама отлично видела, что утро приятное? Или, скажем, имело ли смысл спрашивать, в каком классе у нее сегодня первый урок? Не все ли равно, в каком именно классе у человека первый урок? Соломону было кое-что известно из биографии Натальи Давыдовны, например, что Наталья Давыдовна — вдова, что муж у нее умер давно, детей не осталось, что она живет вдвоем с престарелой матерью где-то поблизости, рядом со школой. Но для начала беседы все эти сведения оказывались совершенно бесполезными. Ведь не станет же он расспрашивать ее о том, что и сам знает! А о том, чего не знает... «Сколько лет вашей матушке, Наталья Давыдовна?». Идиотское любопытство и ничего больше. Да и про то, когда и при каких обстоятельствах она овдовела, тоже не заведешь разговора. Во-первых, тебя это никоим образом не касается, а во-вторых, в разговоре на подобную тему

женщина может усмотреть какой-нибудь намек, и тогда вообще не расхлебает эту кашу.

Теперь они бороздили не только душистое, невесомое облако сирени, но и тяжелые волны молчания.

Внезапно перед глазами Соломона (не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле перед глазами, в точности на уровне бровей, на расстоянии вытянутой руки, так отчетливо, что и посторонние, наверное, без труда могли бы заметить) возникли слова, строчка, выведенная лиловыми чернилами: «Наполеон окинул взором Францию»¹. Соломон разозлился на самого себя — при чем здесь сейчас Франция, — силой воображения поднял правую руку, ухватил строчку двумя пальцами и бросил ее на тротуар, однако строчка заскользила, извиваясь, потом каким-то чудом опять взмыла в воздух и по-прежнему нахально, даже вызывающе, повисла на уровне бровей. Эта строчка почему-то очень смешила учеников; Соломон усматривал тут неуважение к предмету и сердился, пытаясь вместе с тем взглянуть на нее глазами школьников, чтобы понять, действительно ли в ней есть что-нибудь смешное или нет. Молчание между тем превратилось в тяжелую глыбу, и чтобы она не обрушилась (Наполеон окинул взором Францию), Соломон, прежде, чем воздвигнуть капитальные сваи, желая соорудить хотя бы временные подпорки (Наполеон окинул взором Францию), сказал:

— Ну, а вообще-то, как поживаете, Наталья Давыдовна?

— Благодарю вас, ничего, — улыбнулась (чего это она улыбнулась?) Наталья Давыдовна. — А как вы?

— Да так, все нормально.

Фамилия Натальи Давыдовны была Джорджадзе, и отец, и мать у нее были грузины, но детство и юность ее прошли в России и, хотя грузинский язык она знала превосходно (и даже немножко гордилась этим), в ее речь все-таки прокрадывался легкий, едва различимый акцент, чего было вполне достаточно ее ученикам, чтобы строить всяческие каверзы и насмешки; Соломону же казалось, что этот легкий акцент, который словно

---

¹ Начало стихотворения Николоза Бараташвили «Наполеон».

обволакивал ее тонкой, мягкой, полупрозрачной тканью (и как-то дополнительно питал совершенно человеческую мечту сбежать от повседневности), вместе с простым простодушием придавал ей трудно определяемую, но глубокую внутреннюю привлекательность.

Внезапно Соломон понял, что упустил прекраснейшую возможность завязать разговор. В самом деле, что может быть естественнее и понятнее, чем спросить человека, не потерял ли он что-нибудь, когда видишь, что он раскрыл свою сумочку и что-то в ней ищет! Теперь ему представлялось яснее ясного, что никакой неловкости этот вопрос не содержал, напротив, Соломон был просто обязан задать его. «Доброе утро, Наталья Давыдовна! Что-нибудь потеряли?» «А-а, доброе утро, батюно Соломон! Да... Кажется, забыла дома ключи». «О, что вы говорите! Как же это могло случиться? И потом, разве вашей матушки нет дома?» «Нет, она дома, но собиралась пойти к тете, и боюсь, что она, понадеявшись на меня, не возьмет своих ключей». «Это было бы весьма печально... Знаете, что? Как только мы придем в школу, вы ей тут же позвоните. У вас есть телефон?» «Это вы отлично придумали. Именно так я и поступлю. Телефона у нас нет, но я могу позвонить к соседям». «Если только дозвонитесь (ироническая улыбка)... Вы же знаете наши телефоны... В крайнем случае (бодро) успеете сбежать во время перемены. Вы ведь, кажется, живете где-то поблизости?» «Да, я живу рядом, на углу. Запросто успею сбежать». И так далее и тому подобное. Но сейчас было уже поздно. Спроси он ее сейчас, что это, мол, вы искали в своей сумочке, когда я подошел, — подобный вопрос уже пахивал бы заинтересованностью и потому был бы и подозрительным, и дурацким, и когда машина, поливающая спину холодным потом, заработала в полную силу, Наполеон в последний раз окинул взором Францию, и его место (откуда — куда!) занял Джеймс Уатт, только Соломон никак не мог припомнить, являлись ли Джеймс Уатт и Ползунов разными личностями, или же это были разные фамилии одной и той же личности, а спросить об этом Наталью Давыдовну не представлялось возможным, потому что она могла не знать, и вопрос поставил бы ее в неловкое положение, а общие знакомые, которые словно с неба падают, когда они тебе совершенно ни к чему, ни-

когда не появляются, когда и впрямь нужны тебе позарез.

В тот день Соломон был сердит на себя так, как мы обычно сердимся на других, и целый день (и особенно ночь) провел в дурном расположении духа, но на следующее утро, встретив в коридоре Наталью Давыдовну, которая только что закончила урок и, навоевавшаяся с учениками, раскрасневшаяся, вышла из класса, вдруг явственно ощутил, что, невзирая на его позорное молчание, невзирая на Наполеона и Джеймса Уатта, от их вчерашней встречи и десятиминутной безмолвной, но совместной прогулки (и руки у Натальи Давыдовны были в зябких пупырышках) повеяло каким-то животворным ветерком на высохшую и одеревеневшую формулу приветствия, и в отношениях их возникла новая (хотя еще и очень слабенькая) ниточка.

Но не в этом заключалась тайна Соломона.

Тайна Соломона заключалась в том, что однажды он побывал у Натальи Давыдовны дома.

После того случая прошло больше года, жизнь опять вернулась в старое, формальное русло условностей, и новая, дополнительная ниточка в отношениях, не находя себе поддержки, поскольку других ниточек рядом не возникало, не вынесла нагрузки и лопнула.

Но однажды, когда Соломон, у которого в тот день по расписанию было три урока подряд, начиная с половины одиннадцатого, пришел в школу, выяснилось, что первый из этих трех уроков пропадает, потому что в город прибывают какие-то почетные гости, и из отдела просвещения распорядились, чтобы учащиеся всей школы отправились их встречать. До начала следующего урока оставалось меньше часа, идти домой не имело смысла, поэтому Соломон спустился во двор, сел на лавочку в ельнике, погрузился в размышления и вскоре задремал. Тут-то и раздался голос Натальи Давыдовны:

— У вас тоже пропал урок, батона Соломон?

Наталья Давыдовна обладала голосом сирены (что относилось, скорее, к области предположений, так как голосов сирен Соломон никогда не слышал).

— Да, — мгновенно очнулся Соломон и поднялся с лавочки. — Пришел, а там никого, директор сказал, вернуться только к четвертому уроку.

— Должны были вернуться к третьему, — сказала

Наталья Давыдовна. — У меня уже два урока пропало. Мне сказали, что они вернутся к третьему, я и пришла, а они не вернулись, и этот урок у меня тоже пропадает.

— Ничего не поделаешь, — не слишком удачно утешил Соломон.

— И вы собираетесь целый час сидеть здесь? — спросила Наталья Давыдовна и, когда в ответ Соломон лишь молча, с достоинством пожал плечами, предложила: — Идемте-ка лучше ко мне, там вам будет удобнее отдохнуть. К тому же мама напоит нас замечательным чаем.

Это было настолько неожиданно, что, покуда Соломон разбирался, почему внезапный ужас, потрясший все его существо, состоит из переплетающихся друг с другом страха и радости, прошло, наверное, больше минуты. Затем, когда туман рассеялся и ели, двор, школа и Наталья Давыдовна опять вернулись на свои места, одна часть Соломонова существа, очень бдительная и очень рассудительная, собралась было ответить отказом, ибо хотя согласие явно не содержало бы в себе ничего такого, к чему следовало бы подходить с мерками морали, оно каким-то неуловимым образом все-таки было связано с моралью, однако радость, а точнее странный дурман, который, прояснившись и приняв окончательный свой облик, еще неизвестно чем окажется — может, и не радостью вовсе, — победил, загнал бдительность и рассудительность в темный закут, и в конце концов после всей этой внутренней борьбы Соломон принял следующее, весьма неопределенное решение:

— Спасибо, Наталья Давыдовна, но... Право же, неудобно... Не хотелось бы причинять беспокойство вашей маме...

— Нет, нет, что вы! Наоборот, мама будет очень рада. Гость для нас — настоящий праздник. Мы ведь здесь совсем одни. Ни родственников, ни друзей.

Соломон чуть было не спросил — а как же тетя? — но, к счастью, в последний момент все-таки вспомнил, что эта тетя — плод его собственной прошлогодней фантазии. Тогда он еще немного поколебался, уже исключительно из соображений формальной вежливости и, когда Наталья Давыдовна без труда развеяла его колебания, покорно последовал за нею. На сей раз труд-

ностей, связанных с необходимостью завязать разговор, не возникало, более того, раз или два Соломону пришли в голову вполне естественные и подходящие фразы, однако пустить их в ход он так и не сумел — речь Натальи Давыдовны, быстрая, без пауз, тихо журча, текла непрерывно до самого ее дома, и в этом плавном течении Соломону не удалось найти просвета, чтобы вставить свои фразы. Наталья Давыдовна говорила о себе, о маме, о многочисленных способах заваривания чая, которыми мама владеет в совершенстве, о России, где климат сравнительно суше и потому морозы там переносятся легче, о самоваре, об учениках, которые ужасно шалят, но если бы не шалили, то не были бы и такими милыми, и о множестве других вещей.

Мама Натальи Давыдовны и вправду обрадовалась приходу Соломона. Свою радость по этому поводу она выразила несколько раз и притом на двух языках — по-грузински и по-русски. Мать с дочерью жили тесно, в одной маленькой комнатке. Зато у комнатки был просторный балкон, откуда открывался красивый вид. Чай пили именно на балконе, и заварен он был действительно превосходно. Наталья Давыдовна проворно, как девочка, сновала по комнате и стол накрыла быстро и красиво. Ее мама оказалась женщиной замечательной. Правда, с Соломоном она все время говорила об оперной музыке, которая среди многочисленных ахиллесовых пят Соломона была, пожалуй, наиболее уязвимой, однако мама Натальи Давыдовны умудрялась вести беседу на эту тему таким образом, что Соломон ни разу не почувствовал своего невежества, и краснеть ему не пришлось. В конце концов Соломон был так очарован, что, когда настала печальная минута откланяться (следует со всею откровенностью признаться, что уходить Соломону не хотелось), он под влиянием какого-то странного и непонятного, похожего на электрический импульс, на прощание запечатлел на руке мамы Натальи Давыдовны (только мамы) поцелуй.

В тот день приподнятое настроение не покидало Соломона, и потому он неусыпно следил за тем, чтобы вожжи самообладания не ослабли в его руках, поскольку опасался дать себе волю, ибо в этом случае его легкомысленное поведение могло бы показаться кому-нибудь смешным и даже подозрительным. С особой осто-

рожностью он вел себя дома. Вернувшись домой и увидев Асмат, он вдруг почувствовал, что его тайный визит был не безобидным самовольством, как ему до сей минуты казалось, но изменою (грозное слово, однако как знать, быть может, тут он и не ошибался. В конце концов измена — это ведь не только то, что принято называть изменой! Вероятно, измена — это еще и когда с чужим человеком чувствуешь себя лучше, чем с собственной женой!).

С тех пор, хотя встречи Соломона с Натальей Давыдовной опять приняли форму официальных и вежливых взаимных приветствий, у Соломона всегда было такое чувство, что стоило им, здороваясь, улыбнуться друг другу, как за этой улыбкой укрылась бы какая-то тайна, не известная остальным и понятная только им двоим, — далекая, но трепетная и романтическая тайна, и когда в старом саду выстраивался плотный караван Соломоновых раздумий, в нем неизменно оставалось место, которое неслышно, осторожно, стараясь сдерживать волнение, как женщина, пробирающаяся на тайное и опасное свидание, занимала Наталья Давыдовна. Заняв же это место, явно для нее новое и непривычное, Наталья Давыдовна не только смотрелась на нем естественно и красиво, но и вносила в первоначальную тяжесть и неповоротливость каравана легкость, веселье и неведомое дотоле оживление. В такие минуты Соломону случалось вспомнить молодость и (грешная душа!) представить себе, что он встречает Наталью Давыдовну до того, как нетерпеливые родичи подыскали ему жену, и тогда жизнь его сложилась бы совсем иначе, и мир принял бы совсем другие очертания. Как именно сложилась бы его жизнь и какие очертания принял бы мир, Соломон в своем воображении никогда не уточнял, ибо даже в воображении, как гнойник, присутствовало чувство вины, которое и не позволяло фантазии до конца расправить крылья.

* * *

Возвращаясь из дому и опять проходя через садик (уже в третий сегодня раз), Соломон не присел на свою любимую скамейку; не останавливаясь, обычным неторопливым, величественным шагом он обошел старый фонтан, старую эстраду, старую скульптуру, затем

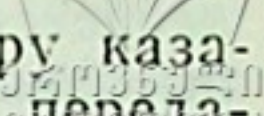

покинул садик и направился к школе. Когда он вошел в учительскую и принялся расстегивать плащ, было еще без десяти четыре.

Кое-кто из приглашенных на заседание педсовета, главным образом те, кто вел уроки допоздна и потому не успел сходить домой, крутились в учительской. Виссарион Чедия сидел в углу за своим столом и, как всегда, что-то писал, торопливо скрипя пером. Дмитрий Луарсабович стоял у окна, скрестив руки на груди и, уйдя в свои думы, созерцал пространство. У Дмитрия Луарсабовича было два сына, которые проживали в Тбилиси и были людьми известными. Один был писатель, другой — общественный деятель, и оба находились при высоких и удобных должностях, что позволяло их отцу ни перед кем не расшаркиваться, ни в грош не ставить завучей, а иногда даже смело возражать самому директору, причем для этого ему лишь в одном случае из тысячи могло понадобиться вслух упомянуть о том, кто такие его сыновья и что они из себя представляют. Като Георгиевна, седая и представительная, спокойная, милая женщина, преподававшая в начальных классах, в ожидании педсовета не теряла времени и внимательно изучала тетради своих малышей. Этери Гвалия вышла из собственного кабинета и направилась к кабинету директора, но на полдороге остановилась и, потоптавшись на месте, вернулась обратно, не найдя, по видимому, убедительного предлога, чтобы войти к директору.

Вскоре собрались и те, кто успел сходить домой и отдохнуть. Первой из таких появилась Нестан Вачейшвили, двоюродная сестра Нукри Вачейшвили, учительница химии и самая красивая во всей школе (кое-кто утверждал, что и во всем городе) женщина, высокая, стройная, со скульптурными формами. Ее прямые черные волосы, причесанные так, что наполовину закрывали щеки, ниспадали на плечи. Глаза и брови у нее тоже были черные, нос — тонкий и прямой, овал лица — четкий и нежный, а кроме того, высокая шея, высокая грудь, высокие бедра и высокие ноги. В прежние времена красота Нестан Вачейшвили словно радовалась сама себе, красота эта была свободнее, непосредственнее и теплее, она походила на вздвнувшуюся весной реку, которая сметала все преграды, обрушивалась на

берега и всюду оставляла свой след. В ту пору казалось, что красота Нестан — заразна, что она передается, что стоит человеку побыть рядом с нею, как он и сам становится чарующе красивым. С годами (ей уже было за сорок) красота Нестан утратила прежнюю непринужденность и безудержность. Причина этого, помимо возраста, состояла, вероятно, и в том, что теперь сохранение красоты требовало повседневных забот и особого ухода. И Нестан Вачейшвили ухаживала. Поговаривали, что она часами просиживает нагишом в ванне и делает себе массаж лица и тела. Она даже изучила какую-то особую гимнастику. Смеясь, остерегалась широко открывать рот, чтобы не появились лишние морщины. Духи и притирания, как утверждали, готовила себе сама. И, судя по всему, готовила хорошо. Во всяком случае, факт остается фактом: пользовалась она ими мастерски, о чем говорило хотя бы то, что сколько ни всматривайся в ее лицо, на нем никогда нельзя было обнаружить ни малейшего следа румян или белил. Благодаря столь тщательному уходу за собой, Нестан Вачейшвили и теперь была такой же красивой, как прежде. Правда, красота ее утратила свою силу, стала холодной, скованной и несколько высокомерной, но зато более тонкой, гармоничной, строгой. Коллеги (речь, понятно, о женщинах) за спиной у нее посмеивались и порою, подобно деревенским кумушкам, охотно перемывали ей косточки. Бесспорную ее красоту они, разумеется, подвергать сомнению не могли. Даже то, что уходу за собой она уделяла столько времени, не давало им повода судачить, ибо результаты этого ухода были поразительными. Напротив, они беспрерывно восхищались ее внешностью — больше, правда, на словах, нежели в душе, но делали это лишь для того, чтобы явственнее обозначить цель, в которую были направлены стрелы их насмешек. Стрелы же были направлены в бессмысленность красоты Нестан Вачейшвили. Дело в том, что Нестан не вышла замуж и даже никогда не имела любовника (если бы имела, это не прошло бы незамеченным). Таким образом, красота ее оказывалась никчемной, бесполезной и бессмысленной, и женщины, отлично сознававшие свою сравнительную неприглядность, нашли здесь ту уязвимую точку, которая позволяла им зависть обратить в насмешку. Что

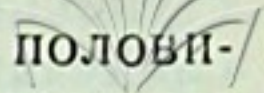

касается Соломона, то он, хотя, само собой, никогда не высказывал подобных мыслей вслух, считал, что как раз в этой бессмысленности, быть может, и таится истинная самоотверженность. Коль скоро собственная красота не приносила никакой пользы ее обладательнице, стало быть, Нестан Вачейшвили, вольно или невольно, старалась не для себя, а для других и именно для других тратила то драгоценное время, которое посвящала своей внешности. Кто знает, сколько отчаявшихся воспряли духом, сколько мрачных лиц озарились улыбками при виде стройной и изящной, шествующей по улице, как породистая лошадь, Нестан Вачейшвили! И Нестан Вачейшвили старалась оставаться красивой как можно дольше, дабы как можно дольше радовать людей своей красотой и бескорыстно раздавать ее знакомым и незнакомым, друзьям и товарищам, встречным и поперечным.

Наконец (но без опоздания, ровно в четыре) появился и отдел просвещения, пожаловавший на сей раз в образе Цисаны Автандиловны. Это была женщина могучего сложения, рослая и толстая, однако даже для столь крупного тела у нее был слишком большой, как-то бестолково огромный зад, и носить его, судя по всему (это бросалось в глаза с первого взгляда), было ужасно неудобно. Зад сильно выпирал и походил на гигантский горельеф, поэтому центр тяжести смещался со стопы на пятки, и она, стремясь высвободить сокрытые в теле силы и возвратит на место утраченный центр тяжести, растопыривала локти в стороны, подобно культуристам, которые не знают, куда девать свои мускулы, и при ходьбе мощно поводила плечами. Это был тяжкий труд. Поэтому выражение лица у нее постоянно было напряженное, угрюмое и сосредоточенное, что делало ее похожей скорее на воителя, нежели на представителя отдела просвещения, и вызывало невольное желание хотя бы одним глазком взглянуть (чтобы пожалеть) на ее мужа. Цисана Автандиловна молча кивнула в знак приветствия всем находившимся в учительской и проследовала прямо в директорский кабинет. Немного погодя директор призвал к себе и всех остальных. С Цисаной Автандиловной в кабинете директора произошла разительная перемена. Во-первых, она уже сидела за длинным столом для совеща-

ний, и теперь взору представала лишь верхняя полови-
на ее туловища, что само по себе внесило существенные
коррективы в ее внешность, а помимо этого и именно
поэтому (не потому, что виднелась лишь верхняя поло-
вина ее туловища, а потому, что она сидела) лицо у
нее смягчилось, стало спокойным, утратило свое воин-
ственное выражение. Сейчас она походила на мать се-
мейства, у которой хорошо воспитанные дети, милovid-
ную, добродушную, заботливую, преданную мужу и до-
вольную этой преданностью больше самого мужа. У
нее была круглая голова, белая и гладкая кожа лица,
голубые глаза, очень светлые волосы, маленький рот с
тонкими губами и короткий, изящный, редкой красоты
нос, который на каком-нибудь другом лице смотрелся бы,
вероятно, более выигрышно, однако весьма красил и ее
лицо. Раз уж сидящая Цисана Автандиловна столь рез-
ко отличалась от Цисаны Автандиловны идущей, то те-
перь решающая роль в ее характеристике должна бы-
ла принадлежать голосу, который мог оказаться тем
самым двадцать первым человеком, от кого зависит су-
дьба решаемой проблемы в том случае, когда из ос-
тальных двадцати десять проголосовали «за», а другие
десять — «против». Но, к сожалению, на протяжении
всего заседания она не проронила ни звука. Дело в том,
что она явилась сюда, так сказать, для весу и должна
была вмешаться только в случае возникновения край-
ней необходимости, а крайняя необходимость так и не
возникла.

На заседании присутствовало всего двенадцать че-
ловек, и когда все двенадцать наконец расселись и за-
няли свои места за длинным и узким столом, предназ-
наченным специально для совещаний и стоявшим по-
среди кабинета, поодаль от директорского письменного
стола, картина получилась такая: во главе стола сидел
директор, напротив него, в конце — Нукри Вачейшвили,
остальные разместились вдоль, пятеро по одну сторону
стола и пятеро — по другую. По левую руку от дирек-
тора по порядку сидели его заместители — сначала пер-
вый, за ним второй. Первым был Александр Гудушау-
ри, тихий мешковатый человек без всяких претензий,
который, если его не заставляли насильно, ни во что по
собственной воле не вмешивался. Вообще, как известно,
современная иерархия требует, чтобы после верхней

ступеньки лестницы, на которой помещается директор, следующие несколько ступенек оставались незанятыми, и лишь значительно ниже, в таком месте, откуда ближе до рядовых сослуживцев, нежели до директора, сидят заместители, причем сидят, как правило, без дела, поскольку директор им не очень-то доверяет и потому все делает сам. Столь сомнительное положение совершенно не устраивает некоторых заместителей, но Александра Гудушаури оно полностью удовлетворяло, так как он не любил ломать себе голову над какими бы то ни было проблемами. К тому же он достиг того возраста, когда лучшая часть жизни осталась далеко позади, надежды и мечты юности частично осуществились, частично увяли неосуществленными, так что впереди его не ждало ничего, кроме тихой инерции. Инерцию же Александр Гудушаури ценил весьма высоко и вообще считал, что отношение людей к этому фундаментальному понятию нуждается в самом серьезном пересмотре. Впрочем, у него все-таки сохранилось одно желание, которое, по мнению Александра Гудушаури, еще вполне могло исполниться: он преподавал историю и ужасно хотел, чтобы ученики прозвали его Геродотом. С этой целью имя отца истории он упоминал гораздо чаще (порой и вовсе ни к селу, ни к городу), нежели сравнительно более поздних его коллег. Тем не менее ученики, которым чутье безошибочно подсказывает, чего желает и чего, напротив, не желает учитель, не пошли ему навстречу и Геродотом его так и не прозвали. Зато они прозвали его Иродом, что было совершенно непонятно, ибо представлялось крайне сомнительным, чтобы до детей могла дойти далекая, туманная и недостоверная легенда о некоей кровосмесительной истории, якобы запятнавшей молодые годы Александра Гудушаури. Рядом с ним сидела Этери Гвалия, или «Бешеная Этери», как называли ее школьники, второй заместитель, которую дети боялись больше всех, даже больше, чем самого директора. Не потому, что она была женщиной, а потому, что она сгорала от безнадежной любви и всю свою злость, рожденную безнадежностью этой любви, естественно, вымещала на учениках. Влюблена же она была в директора, о чем, правда, говорить себе не позволяла, но всеми остальными возможными способами давала это почувствовать. Во время заседаний и совеща-

ний она не сводила с него затуманенных печалью глаз, и в этих глазах не только директор, но и всякий, у кого возникло бы подобное желание, мог в подробностях прочитать, что происходит в глубинах ее сердца. Она десять раз на дню заходила к нему в кабинет. Если никакого дела к директору у нее не было, она его придумывала. Если же у нее было два дела, то она никогда не решала оба сразу, чтобы иметь повод зайти к директору еще раз. Лучшие мгновения для ее безответной любви наступали тогда, когда она приносила какие-нибудь бумаги директору на подпись. В этих случаях она подходила к его столу не спереди, как делали остальные и как, вообще-то говоря, положено, а сбоку, клала нуждавшуюся в подписи бумагу перед директором, склоняясь над ним таким образом, чтобы какой-нибудь частью своего тела коснуться какой-нибудь части тела директора и передать телу директора электрический заряд, бушующий в ее собственном теле; при этом она учащенно и прерывисто дышала. Директор же, который не испытывал и тени сексуальной озабоченности (да и какая могла быть сексуальная озабоченность при его-то красивой внешности и решительном характере!), чувств своего заместителя не разделял (хотя все прекрасно видел) и неуклонно соблюдал неписаный закон, согласно которому начальнику следует избегать любовных интриг в собственных владениях, иначе в один прекрасный день это может выйти ему боком. Так что Этери Гвалия, найдя дверь, в которую стремилась всем своим существом, наглухо запертой и не питая ни малейшей склонности войти в другую дверь, которая была распахнута перед нею настежь (ибо дома ее ждал покладистый муж), оставалась, как говорится, ни с чем. А при таких обстоятельствах не могут не накапливаться избыточные заряды, для которых наиболее удобными громоотводами служат головы школьников. Следующим за Этери Гвалия сидел учитель математики Гурам Хомерики, тихий и необычайно любезный человек, что вовсе не мешало ему быть чемпионом города по стоклеточным шашкам, и школа этим очень гордилась; а за ним — наш Соломон и Нестан Вачейшвили. По другую сторону стола первой восседала Цисана Автандиловна, а за нею — Дмитрий Лварсабович, Виссарийон Чедия, Наталья Давыдовна и Ка-

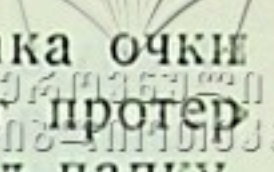
то Георгиевна. В конце стола, напротив директора, как уже было сказано, сидел Нукри Вачейшвили.

Когда все расселись за столом поудобнее и стулья перестали елозить по полу и скрипеть, директор правой рукой поправил толстый узел пестрого, с листочками, галстука, хотя нужды в этом никакой не было, поскольку узел находился на совершенно одинаковом расстоянии от обеих точек на воротничке зеленой, переливчатой сорочки, где красовались неизвестно для каких функций предназначенные пуговицы (вследствие чего и сам директорский жест носил чисто формальный характер: взяв узел галстука большим и средним пальцами, он слегка подвинул его слева направо, потом справа налево, потом снизу вверх и сверху вниз, и в конце концов оставил его на том самом месте, где находился до начала этой процедуры), и сказал:

— Нам необходимо решить один злободневный вопрос, вот почему я вас и собрал. Вопрос настолько серьезный, что вот даже Цисану Автандиловну пришлось побеспокоить, — с этими словами директор протянул руку и легонько коснулся запястья лежавшей на столе руки Цисаны Автандиловны, тем самым как бы еще раз подчеркнув прочность своих позиций в отделе просвещения. В ответ она закрыла глаза и открыла их вновь: закрыла и открыла она их так, словно два маленьких овальных, в складочках, театральных занавеса одновременно опустились на две сцены и тут же поднялись опять, а на лице Этери Гвалия, которая, уткнувшись подбородком в ладонь, не сводя глаз, смотрела на директора, отразились боль и гнев. Между тем директор продолжал: — От коллектива родителей поступило заявление. Два дня назад его нам переслали из отдела просвещения. Повторяю: вопрос серьезный, сложный и болезненный. Поэтому прошу всех слушать внимательно и принять активное участие в обсуждении. Ну-ка, Виссарнон, зачитай.

Директор наклонился к Цисане Автандиловне. Заметив это, она подставила ему ухо (уши у нее были маленькие и тонкие, почти прозрачные). Директор что-то прошептал. Цисана Автандиловна согласно кивнула (и потом, на протяжении всего заседания, директор время от времени наклонялся к ней и шептал в подставленное ухо, она согласно кивала).

Виссариион Чедия вынул из кармана пиджака очки с маленькими круглыми стеклами, как следует протер их носовым платком, водрузил на нос и раскрыл папку.

Виссариион Чедия был лопухий мужчина небольшого роста, худой и совершенно лысый. Зато у него были очень длинные усы. Усы, как, впрочем, и нос, свисали у него почти до самого подбородка. И походка у него была не совсем обычная — стремительная и угрожающая. Увидав, что он направляется в вашу сторону, особенно в сумерках, и при условии, что вы не отличаетесь завидной храбростью, вы запросто могли бы растеряться и поддаться ложному впечатлению, будто в кармане у него лежит револьвер. В действительности это был совершенно безобидный человек. Он любил читать и писать, причем привлекали его не конечные цели, а сам по себе процесс, и обладал таким густым, сочным и приятным голосом, что тем, кто его слушал, казалось, будто он не говорит, а ест что-то очень вкусное и питательное. Поэтому когда в школе возникала необходимость зачитать что-либо публично (жалобы, благодарности, предложения и т. д.), читал всегда он. И писал тоже. Начиная с текстов выступлений директора и разнообразнейших отчетов и кончая характеристиками коллег, ходатайствами и простейшими заявлениями... Никакой мзды он за это не требовал. Более того: появившись вдруг у него соперник, Виссариион Чедия скорее всего сам предложил бы ему мзду, лишь бы тот убрался восвояси, — так любил он это дело. Особенно писать. И не только любил, но и хорошо умел. Правда, ему случалось допускать ошибки, но ошибки эти были незначительны, да и кто не ошибается на белом свете! Коллективное заявление родителей он, по обыкновению, прочитал медленно, со смаком, с выражением, делая продолжительные паузы на знаках препинания, чтобы дать слушателям возможность не спеша, тщательно переварить прочитанное. Единственное, что можно было поставить ему в укор, это некоторое кокетство, с помощью коего он хотел ввести коллег в заблуждение, создавая у них неверное представление об его, Виссариионовом, актерском даровании, в действительности находившемся в зачаточном состоянии; кроме того, он избрал фальшивую, совершенно не подходящую к данному случаю интонацию, торжественно-двусмыс-

ленную, как у пожилого офицера, читающего на вечере художественной самодеятельности стихи собственного сочинения, не зная при этом точно, хорошо ли вообще сочинять стихи, или все-таки плохо.

— «Заведующему отделом просвещения исполкома городского Совета депутатов трудящихся тов. И. И. Дидидзе. Родителей учащихся десятого класса ср. школы номер четыре коллективное заявление. Доводим до Вашего сведения, что мы глубоко обеспокоены судьбой наших детей, что, естественно, отражается также на эффективности и плодотворности нашего труда. Дело касается педагога Соломона Ясоновича Китаридзе. Возможно, профессиональный уровень, педагогическое чутье и методика вышеупомянутого С. Китаридзе когда-то соответствовали эпохе, — этого мы не знаем, — но возросшим современным требованиям они явно не отвечают. Его ученики, которые после окончания школы едут в Тбилиси сдавать вступительные экзамены, оказываются не в состоянии выдержать серьезную конкуренцию с тамошними кадрами, воспитанными в русле совершенно иной педагогики. Да к тому же еще использование не по назначению отведенного для уроков времени. В нынешней сложной обстановке, когда школьная программа и без того перегружена и требует от каждого учителя напряженного труда и поистине творческой самоотдачи, С. Китаридзе на своих уроках беседует с учениками об истории Грузии, тогда как для истории отведены специальные часы, а главное, существуют специальные педагогические кадры. Да к тому же еще необъяснимое посещение одинокой женщины, которого мы здесь касаемся вскользь и которое должно быть квалифицировано как морально сомнительное, поскольку легко может бросить тень на доброе имя ни в чем неповинного и достойного человека. Да к тому же еще тенденциозность. Нам известно, что в прошедшем учебном году С. Китаридзе необоснованно повысил оценки двум учащимся выпускного класса. Естественно, возникает вопрос: а бескорыстно ли? Пусть ответ останется на совести С. Китаридзе. Допустим даже, что бескорыстно, но как быть с тенденциозностью? Имеет ли право педагог быть тенденциозным? Ведь этим мы наносим серьезную психологическую травму нежной детской душе, которая, как известно, представляет собою чистый

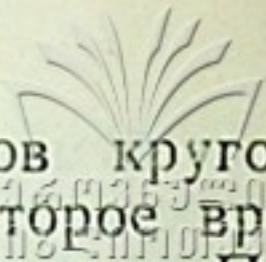

лист бумаги, и заполнить этот лист доверено нам! Разве педагог — не тот, кто готовит обществу достойную смену? А какую же достойную смену могут подготовить нашему прогрессивному обществу педагоги такого тенденциозного склада, как С. Китаридзе? Мы знаем директора школы тов. Г. Твалабейшвили как принципиального, требовательного руководящего работника, проводника высоких гуманистических идей, и нам кажется, что он, вероятно, терпит С. Китаридзе из чувства коллегиальности, а также из личного великодушия. Однако в настоящее время сложилось такое положение, когда необходимо пожертвовать личным ради общественного, ибо на карту поставлено наше будущее. Мы долго терпели, но дальше терпеть уже невозможно, поэтому, исходя из вышеизложенного, убедительно просим перевести С. Китаридзе и назначить на его место такого педагога, который будет давать детям знания и ставить им оценки в соответствии с этими знаниями, чтобы будущее наших детей оказалось в надежных руках, а мы, успокоившись на этот счет, могли все наши способности и энергию отдавать общественно полезному труду. В противном случае мы будем вынуждены бойкотировать уроки С. Китаридзе, не пускать своих детей на его занятия, а это не принесет ничего хорошего ни нам, ни вам. Надеемся, что Вы с пониманием отнесетесь к нашей просьбе и удовлетворите ее. С уважением». Тут двадцать пять подписей в алфавитном порядке. Зачитать? И резолюция: «Тов. Г. Твалабейшвили. Прошу внимательно разобраться и о принятых мерах сообщить мне. И. Дидидзе».

К тому времени, как Виссарион Чедия закончил чтение, в учительской воцарилась гнетущая тишина. В тот самый миг, когда он своим сочным, приятным басом произнес фразу, где говорилось, что дело касается Соломона Ясоновича Китаридзе, в голове у Соломона раздался треск, словно произошло короткое замыкание, и огромное, пустое пространство залил белый, невиданно яркий, режущий глаза свет. Но этот яркий свет тотчас же погас, и сверху опустилась мгла. Мгла опускалась не легко и плавно, как это бывает с наступлением сумерек, а тяжело, резко и угрожающе, словно то был не какой-то абстрактный цвет, а жирный, загустевший деготь. Она стремительно приближалась,

поглощая все на своем пути, и в конце концов кругом воцарился тугой, беспросветный мрак. Некоторое время Соломон пребывал в этом мраке без сознания. Потом где-то вдали печально прозвонил колокол, и мрак прояснился. Сначала в нем образовался небольшой просвет, который вскоре стал шириться. Он ширился, рос, увеличивался, и наконец за пределами густого мрака показался безбрежный океан, посреди которого, на крошечном скалистом островке, под палящими лучами разъяренного солнца, стояла одинокая пальма. Кроме пальмы, там не было ничего — ни деревца, ни даже травинки. Вокруг, насколько хватает глаз, простиралась сплошная, безысходная, желтая вода, сливавшаяся у горизонта с небом. Затем черная стена дегтя сомкнулась вновь, желтый океан исчез, и Соломон опять очутился в темноте. Однако в конце концов — Соломон так и не понял, то ли глаза его свыклись с потемками, то ли откуда-то проник лучик света, — мир предстал перед ним в своем прежнем обличье. Сперва в поле зрения всплыли смутные очертания стен и окон, затем слившиеся друг с другом, перетекающие один в другой предметы поменьше разделились и обрели каждый свою форму и, хотя все вокруг еще было окутано легкой дымкой, к Соломону вернулось зрение.

Стол содрогался. Его содрогание раздражало, как танцор, который выбился из ритма и теперь отчаянно пытается снова в него попасть, чем вызывает у нас еще большее раздражение, ибо, когда его самоотверженные прыжки и течение музыки достигают общего русла и появляется искорка надежды, у нас от напряженного ожидания на миг останавливается сердце, и остановка его переходит в жгучую боль, поскольку в самый последний момент танцор и музыка вновь теряют друг друга, и каждый из них отправляется своей дорогой.

В кабинете стояла тишина, и Соломон чувствовал, что до тех пор, пока тишина эта не будет нарушена, стол содрогаться не перестанет.

Виссарион Чедия снял очки, положил их на коллективное заявление родителей, откинулся на мягкую спинку стула, скрестил руки на своей цыплячьей груди и устремил взор на противоположную стену, между головами Этери Гвалия и Гурама Хомерики, с видом актера, который, гордясь собою в глубине души, готовится спо-

койно и с достоинством встретить ожидаемые аплодисменты.

Наконец после непродолжительной паузы, нарушаемой лишь звоном ключей, которые вертел на указательном пальце Нукри Вачейшвили, директор наклонился к Цисане Автандиловне, что-то прошептал ей (на что Цисана Автандиловна кивнула), снова выпрямился, обвел внимательным взглядом участников заседания (за исключением Соломона, которого директорский взгляд обошел стороной, подобно тому, как в темной комнате мы избегаем направлять луч карманного фонарика на предметы, вид которых вызывает у нас неприятные воспоминания) и спросил:

— Есть у кого-нибудь вопросы?

Александр Гудушаури дремал — легко и безмятежно. Этери Гвалия, уткнувшись подбородком в ладонь, чуть прищурясь, глядела на директора. Гурам Хомерики, пролистав принесенный с собой журнал и добравшись до последней страницы, углубился в задачу по стоклеточным шашкам. Нестан Вачейшвили, плавно изогнув шею, украшала собою собрание. Нукри Вачейшвили лениво вертел на указательном пальце связку ключей, и лицо у него при этом было такое, какое может быть у боксера-тяжеловеса, которого матерно обругал хилый, тщедушный человек. Като Георгиевна разглядывала свои руки, лежавшие перед нею на столе, и часто моргала. У Натальи Давыдовны покраснелось лицо, что едва ли могло явиться результатом коллективного родительского намека, ибо трудно было поверить, что она, со своей наивностью, этот намек поняла. Виссарион Чедия, растопырив локти, поместил между ними пачку бумаги, на верхнем листе которой он, скрипя пером, строчил протокол заседания. Димитрий Лвартсабович созерцал пространство, тихо, едва заметно улыбаясь собственным мыслям. Цисана Автандиловна сидела.

— Вопросы у кого-нибудь есть? — повторил директор.

На сей раз молчание, наконец, было нарушено. Соломон поднял руку и произнес:

— У меня.

Все — кто украдкой, а кто и в открытую, посмотрели на Соломона.

— Давай, Соломон-батано, — разрешил директор.

— Ты, кажется, сказал, Виссарион, что там двадцать пять подписей, верно? — Соломон так отчетливо, так явственно и в то же время так отчужденно слышал собственный голос, что ему казалось, будто говорит кто-то другой.

— Верно, — отозвался Виссарион Чедия. — Двадцать пять.

— У меня в десятом двадцать шесть учеников. Будь другом, скажи, кто этот двадцать шестой? Чьи родители не подписались?

— Намичеишвили, — незамедлительно ответил Виссарион, который, по-видимому, успел изучить вопрос достаточно глубоко.

Тотчас же перед мысленным взором Соломона из пустоты возник Намичеишвили, худенький, слабый мальчик с любознательными, словно чуть удивленными глазами и смешно (нет, скорее все-таки симпатично) надутыми губами. И вдруг какой-то теплый, душистый поток, будто сок мироздания, выделился из тверди и стал вращаться вокруг Намичеишвили. Этот трогательный процесс все еще продолжался, когда директор сообщил:

— Родители Намичеишвили подали другое заявление. Они поменяли квартиру и переводят ребенка в другую школу.

Затем опять наступила тишина, которую немного погода нарушил уже Нукри Вачейшвили. Задержав в воздухе указательный палец, на котором болтались ключи, он, в свою очередь, обратился к Виссариону Чедия:

— Так, стало быть, двадцать пять, Виссарион?

— Я ведь, кажется, ясно сказал: двадцать пять! — тут Виссариону Чедия стала изменять выдержка.

— Да ты остынь, не нервничай! — успокоил его Нукри Вачейшвили. — Тебе-то чего нервничать. А вот я бы послал всех этих двадцать пять, да того тоже заодно, двадцать шестого, к...

Вообще-то говоря, это великое счастье, когда рядом с человеком сидит двоюродная сестра, которая в критический момент может сильно ущипнуть его за руку и тем самым избавить почтенное собрание от непристойных выражений, однако на сей раз Нестан, пожа-

луй, все-таки опоздала бы, не заостри Нукри Вачейшвили своего внимания на двадцать шестом ученике, что несколько удлинит его выступление. Именно этот двадцать шестой и спас положение: Нестан ущипнуть успела. Нукри Вачейшвили вздрогнул от неожиданности, метнул в кузину гневный взгляд и, уловив отразившуюся в ее глазах тень отдела просвещения, основную часть своего выступления произнес уже тише, пробурчав ее себе под нос так, что, кроме самой Нестан, Соломона, Като Георгиевны и Натальи Давыдовны, никто, пожалуй, и не расслышал. Тем не менее это был, хотя формально и сдержанный, но все-таки выпад, полностью игнорировать который не следовало, поэтому директор трижды строго стукнул по столу указательным пальцем и яростно сверкнул глазами в сторону Нукри Вачейшвили, что, впрочем, не произвело на последнего ни малейшего впечатления.

В это время Наталья Давыдовна, которая в предшествующие мгновения покраснела еще сильнее, торопливо, словно опасаясь, что ей заткнут рот, заговорила:

— Но ведь все это просто глупость и чистейшая клевета! — от волнения у нее даже усилился акцент. — Мы все здесь отлично знаем, что Соломон Ясонович — наипорядочнейший человек. И безукоризненно знает свой предмет и учеников...

— Наталья Давыдовна, — властным, но в то же время исполненным терпения тоном прервал ее директор: — Во-первых, я спрашивал только, есть ли у кого-нибудь вопросы; к выступлениям мы пока что не переходили, а во-вторых, не надо представлять дело таким образом, будто бы только у вас одной болит душа за Соломона, а мы все тут просто сторонние наблюдатели.

Наталья Давыдовна окончательно смешалась, стала совсем красная, что-то неразборчиво пробормотала и, потупившись, уставилась в стол.

— Еще у кого-нибудь есть вопросы? — в третий раз осведомился директор и, так как никто больше не отозвался, заключил: — Вопросов нет. Хорошо, тогда переходим к обсуждению, — и обратился к Наталье Давыдовне: — А вот теперь, если имеете что-нибудь сказать, мы охотно вас выслушаем, — однако Наталья Давыдовна отрицательно покачала головой и промолчала. — Кто начнет? — поскольку присутствующие не

откликнулись и на этот призыв, директор продолжал: — Хорошо, тогда я сам начну, тем более, что я много размышлял об этой истории, и у меня возникли кое-какие соображения. Аппетит приходит во время еды, так что, — тут он добродушно улыбнулся, — может, и у вас появится желание высказаться. Итак, у нас имеется коллективное заявление, коллективная жалоба. А не считаться с коллективной жалобой — не мне вам это объяснять — мы не имеем права. Ее подписали двадцать пять человек. Во-первых, не можем же мы предположить, что двадцать пять человек заблуждаются или лгут, а один — прав и безупречен...

— Мне случалось и полсотни ишаков разом встречать, — внезапно подключился к разговору Нукри Вачейшвили.

— Что-что? — не понял директор.

— Мне, говорю, случалось и полсотни ишаков разом встречать, — повторил Нукри Вачейшвили.

Директор крепко стиснул зубы, вследствие чего нижняя часть щек у него слегка напряглась, кожа на скулах натянулась, и стала явственно видна форма расположенных под нею костей. Потом он спокойно произнес:

— Дорогой Нукри, я всем вам предоставил возможность задать вопросы и высказаться, но вы этого сделать не пожелали. А теперь извольте выслушать меня.

— Ладно уж, — отвечал Нукри Вачейшвили.

— А во-вторых, — продолжал директор с того самого места, где его прервали, — даже если все двадцать пять лгут, все равно коллективное заявление есть коллективное заявление. Не забывайте, они угрожают нам бойкотом, и если, не дай Бог, исполнят свою угрозу, то скандала нам не избежать. С другой стороны, все мы знаем нашего Соломона, ценим его и относимся к нему с уважением. Всегда и во всем правые, никогда и ни в чем не ошибающиеся ангелы порхают в небесах, — вновь улыбнулся директор, — ну, а мы с вами обычные люди, а люди на то и люди, чтобы иной раз совершать ошибки. Неужели я поверю, что хоть один из этих двадцати пяти, которые подписали заявление, — тут он простер указательный палец к папке, лежавшей перед Виссарионом Чедия, — ни разу в жизни не допустил какой-нибудь ошибки?! Печально другое — то,

что некоторые факты, приводимые в заявлении, ^{хотя,} на мой взгляд, не такие уж значительные, ^{соответству-} ют действительности. У каждого из нас имеются свои маленькие слабости. Иной раз я и сам завожу разговор об истории Грузии в такой ситуации, когда для этого совершенно не время и не место. Люблю ее, черт побери, и все тут! Но надо уметь не поддаваться своим слабостям, другого выхода нет. Что же касается завышения оценок, о котором сказано в заявлении, то речь идет фактически даже не о целых баллах, а о каких-то полубаллах. Ну, а это, собственно говоря...

— Собственно говоря, — опять вмешался своим невозмутимым тоном Нукри Вачейшвили, — не лучше ли будет прямо растолковать человеку, за что на него жалуются — за то, что он завышает оценки, или за то, что не завышает.

Тут уж директор хлопнул ладонью по столу и, поднявшись на ноги, крикнул:

— Сейчас же прекрати эту демагогию! — и, сделав небольшую паузу, в полной тишине, уже спокойным, но строгим голосом добавил: — Если не умеешь слушать и держать себя в руках, можешь уйти отсюда!

Пока директор говорил, Нукри Вачейшвили смотрел ему в лицо. Смотрел хладнокровно и безмятежно. Потом, когда директор кончил, Нукри перевел взгляд на Соломона. Что он прочел на Соломоновом лице, неизвестно, только Нукри Вачейшвили вдруг усмехнулся, махнул рукой и сказал:

— И правда, чего это я суюсь в чужие дела, будто к каждой бочке затычка! Пошли вы все, знаете, куда, вместе со своими дурацкими коллективными заявлениями...

С этими словами он встал и неторопливо, словно прогуливаясь, направился к двери, так что перед глазами присутствующих еще долго маячили его широкие плечи и могучая, атлетическая фигура.

После ухода Нукри Вачейшвили в кабинете установилось молчание, которое, благодаря самообладанию директора, не затянулось. Во владениях директорского мозга, на самом почетном месте находился уголок, который постоянно был свободен и куда не допускались какие бы то ни было сомнительные вопросы. Этот уголок всецело и безраздельно принадлежал непоколебимому и

приятному сознанию того, что он, директор, красив, представитель, элегантен, баловень женщин и имеет множество друзей в отделе просвещения. Поэтому, какие бы сложные и щекотливые проблемы перед ним ни возникали, он всегда находил в этом уголке прочную опору для оптимизма и веры в собственные силы, что является верным залогом успешного разрешения любой проблемы. Так что после непродолжительной паузы он снова наклонился к Цисане Автандиловне, что-то прошептал в ее маленькое ушко и, когда Цисана Автандиловна согласно кивнула, директор спокойно, уверенно, с несколько даже подчеркнутой непринужденностью, которая должна была означать, что проблема Вачейшвили не заслуживает серьезного внимания, обратился к собравшимся:

— С ним я еще поговорю отдельно, а сейчас продолжим. В общем вопрос стоит таким образом: с одной стороны, мы не имеем никакого права не отреагировать на подобное заявление. Подпиши его один человек, или хотя бы двое, — тогда ладно, я бы еще мог спустить все на тормозах... С другой стороны, Соломон — наш коллега, человек, которого все мы любим и уважаем, и вступить за него, не дать его в обиду недругам мы просто обязаны. Я долго размышлял об этом деле, все хорошенько взвесил и решил вынести на ваш суд одно предложение. Если вы меня поддержите, то общими усилиями мы своего добьемся, даже если отдел просвещения, — тут директор протянул руку и с улыбкой накрыл ладонью запястье Цисаны Автандиловны, в ответ на что Цисана Автандиловна опустила и подняла два своих овальных занавеса, — разгневаается на нас за это. Я считаю, что единственный выход, который позволил бы нам сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, это пенсия. — Тут директор немного помедлил, давая слушателям возможность осознать смысл его слов. Действительно, члены педсовета вздохнули с явным облегчением, словно кто-то разом избавил их от тяжелой ноши, с которой сами они никак не справлялись; мрачное настроение мгновенно улетучилось и даже послышались довольные голоса. Тогда директор заговорил вновь: — К счастью, почтенный возраст нашего Соломона такому выходу не препятствует. Что касается жалобщиков, то они тоже будут удовле-

творены. В конечном счете они же требуют всего-навсего замены преподавателя, а вовсе не каких-то гонений и наказаний. Между нами говоря, я еще кое-что задумал, если только, — тут он снова с улыбкой взглянул на Цисану Автандиловну, — Цисана Автандиловна нас не выдаст: по прошествии некоторого времени, когда все эти толки утихнут, хочу вывесить фотографию Соломона на Доску почета. Как там ни говори, а человек все-таки тридцать восемь лет проработал в этой школе, не можем же мы из-за какого-то заявления сбрасывать со счетов все его заслуги! — с этими словами директор повернулся к Соломону и до тех пор, пока не высказался до конца, обращался уже исключительно к нему. — Я знаю, дорогой мой Соломон-батано, что ты полон сил и энергии, крепок, бодр и многое еще можешь сделать, но что тут поделаешь, ведь никто из нас не застрахован от коллективной жалобы на этой грешной земле! Еще раз говорю: будь это заявление одного человека, так сказать, заявление «соло», клянусь честью, я бы не придавал ему значения, — это «я бы не придавал ему значения» директор произнес затухающим голосом, как-то по нисходящей; похоже было, что мысль его ускользнула от произносимых слов и внезапно устремилась к другому предмету. Затем прежде, чем директор перешел к следующей фразе, лицо его приняло такое выражение, которое, вероятно, могло принять лицо погрузившегося в ванну Архимеда, когда он вдруг почувствовал, что на него действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной им воды: — Коллективность — вот в чем беда, потому что жалобы СОЛО и МОНО нам ни о чем, дорогой СОЛОМОНО!

«Дорогой Соломоно» утонуло в общем хохоте и прозвучало едва слышно. Директор тоже присоединился к смеху сослуживцев, однако, будучи как-никак автором каламбура, старался сдерживаться и смеяться не слишком громко. Даже Цисана Автандиловна усмехнулась, и на мгновение появилась возможность выяснить, какой же у нее все-таки голос, но эту усмешку перекрыл и заглушил хохот остальных. Нестан Вачейшвили мученически силилась не раздвигать губ во всю ширину. Виссарион Чедия смеялся, сложив один на другой свои кулаки и в верхний из них упершись лбом. Узкие плечи его вздрагивали. По-видимому, и Гурам Хомери-

ки был не так уж увлечен своей задачей по стоклеточным шашкам, потому что он тоже хохотал от души.

Директор поднял руку, требуя тишины (шутка ценится значительно выше, когда прерываешь смех слушателей прежде, чем они сами перестанут смеяться). Затем он продолжал:

— Думается, дело можно считать улаженным. Надеюсь, отдел просвещения тоже не станет возражать.

Вместо возражений (но и не в знак согласия) Цисана Автандиловна неожиданно икнула. Смущенная и напуганная такой незадачей, она сделала растерянное и непонятное движение, словно хотела вобрать голову в плечи и спрятаться, но потом, увидев на лицах присутствующих совершенно индифферентное выражение, будто они ничего не заметили, она и сама приняла такой вид, как будто ничего и не сделала, а директор поспешно повел свою речь дальше:

— Вообще-то, если как следует разобраться, они тебе огромную услугу оказали. С тебя, дорогой мой, магарыч! — сказал он Соломону. — Эх, мне бы на твое место! Будешь отдыхать, заниматься, чем душе угодно — это же мечта! У тебя дети, внуки! Дай Бог тебе долгих лет, и живи в свое удовольствие, крутись потихонечку!

Когда директор завершил свое выступление, завершив фактически тем самым и заседание, в кабинете поднялся такой гвалт, словно прозвенел звонок с урока.

Коллеги поздравляли Соломона, улыбались, хлопали его по плечу, говорили ободряющие слова. Эти ободряющие слова тонули в общем шуме, но зато явственно ощущалось настроение — веселое и приподнятое. В конце концов, ведь настроение определяется не столько объективным положением вещей, сколько соотношением с предшествовавшим настроением. У самого же Соломона было такое чувство, какое может появиться во сне, когда стоишь посреди голой равнины, а прямо на тебя, неотвратимо и угрожающе, движется гром, зримый и осязаемый в силу причин, понятных только во сне, огромный и могучий, смертоносно могучий. Он подходит, приближается с леденящей душу угрозой, а ты не в силах сдвинуться с места и, видя, что спасения ждать неоткуда, охваченный космическим ужасом, ожидаешь смерти. Но внезапно, в тот самый миг, когда

гром уже собирается у тебя над головой и вот-вот дотро-
нется своими электрическими шупальцами, чтобы взор-
вать и испепелить тебя, — то ли по какому-то неведо-
мому закону природы в теле твоём возникают силы от-
талкивания, о которых ты даже не подозревал, то ли
на голове появляется невидимый и неосязаемый гро-
моотвод, но гром, вместо того, чтобы с жутким грохотом
разразиться, с тихим шелестом рассыпается у тебя над
гловой и развеивается в воздухе. Если бы еще утром
кто-нибудь сказал Соломону, что ему придется уйти на
пенсию, это известие явилось бы для него громом сре-
ди ясного неба, но жизнь как раз тем-то сложна и, на-
верное, привлекательна, что явление, которое утром для
тебя — гром, к вечеру может обернуться громоотводом,
ибо жизнь всегда хороша, потому что всегда может
быть хуже. Покуда сослуживцы шумели, обрадованные
его спасением, и веселились, словно отыгрываясь за да-
вешнее тяжелое настроение, Соломон размышлял о том,
следует ли ему поблагодарить директора. Правда, в се-
рдце у него засела маленькая заноза от того, что дирек-
тор даже не заикнулся о своем собственном участии в
завышении одной из тех пресловутых двух отметок, од-
нако Соломон чувствовал, что поблагодарить все-таки
надо, и если бы он так и не смог решиться, то лишь из-
за смутного и неопределенного опасения впасть в лож-
ный пафос и показаться смешным. Когда же директор
подошел и похлопал его по плечу, Соломон решился:

— Я вам очень благодарен, вы ведь избавили меня
от такого позора!

— Да брось ты! — дружеским тоном и с друже-
ской улыбкой отвечал директор, после чего обратил-
ся к Цисане Автандиловне: — Не уходите без меня, я
на машине.

Когда шумный эпилог тоже завершился, все разо-
шлись, и Соломон, оставшись в полном одиночестве, мед-
ленно шагал через ельник в школьном дворе, он вдруг
припомнил, что с той самой минуты, как закончилась,
так сказать, официальная часть педсовета, он больше
не видел Наталью Давыдовну. Сначала Соломон уди-
вился, а потом сам себе спокойно улыбнулся. После то-
го, как директор сделал ей замечание (вполне, собствен-
но говоря, справедливое), Наталья Давыдовна так ни
разу и не подняла головы. Эх, Наталья Давыдовна, На-

талья Давыдовна! Разве можно так остро переживать из-за какого-то малюсенького, пустякового замечания! Соломону слегка взгрустнулось. Если бы сейчас Наталья Давыдовна очутилась рядом и пригласила его к себе на чашку чая, он бы с удовольствием согласился.

Чуть погода Соломон вновь завернул в старый садик (уже в четвертый раз за этот день) и, теперь уже не торопясь, уселся на свою излюбленную скамейку.

ТРИ ВАЖНЫХ НАБЛЮДЕНИЯ СОЛОМОНА

Наблюдение первое

Когда мы станем сравнивать Любу с тараканом и убедимся, что преимущество на чаше весов явно склоняется на сторону таракана, ибо в смысле духовном, политическом, нравственном и религиозном (если только вообще допустимо говорить о Любиной нравственности и религиозности) таракан есть гораздо более прогрессивное явление, то весьма вероятно, что проблема заманит нас далеко вглубь, и мы придем к выводу, что, коль скоро формула развития жизни на Земле — «растение — животное — человек» — верна, стало быть, это развитие в духовном отношении шло по нисходящей. Правда, в нашу плоть и кровь издавна въелось противоположное представление, однако, если внимательно перелистать страницы истории, нельзя не обнаружить, что в наиболее серьезные и долговременные заблуждения мы впадаем именно там, где бываем убеждены в совершенной невозможности заблуждения. Когда биология учит нас, что развитие идет от простого к сложному, она не имеет в виду сферу духовного, ведь вот же философия утверждает, что высшая истина — проста, и того же мнения придерживается даже столь точная наука, как физика. В самом деле, разве не очевидно, что с точки зрения нравственности (а следовательно, и разума) растение стоит на куда более высокой ступени развития, нежели человек? Растение не обладает честолюбием (в этом отношении и таракан оставил нас далеко позади), не обладает эгоизмом, никого не притесняет, ни у кого ничего не отнимает, ни к кому не испытывает ненависти; его не терзают, не отрав-

ляют ему существования суетные и бессмысленные желания. Растение бескорыстно. Оно дает плоды просто так, не требуя за это продвижения по службе. Короче говоря, растение наделено всеми теми качествами, которые, по мнению великих мудрецов, великих философов и великих духовных пастырей, должен приобрести человек, дабы достигнуть конечной цели развития и прибыть к месту своего назначения. У этого бесспорного преимущества растений имеется множество причин, но главная из них, по всей вероятности, та, что растение движется исключительно биологически, каковое движение является естественным и посему служит замыслу Творца, и не движется механически, каковое движение является искусственным, поскольку зависит от внешней силы, а посему замыслу Творца противоречит. Человек считает способность к физическому перемещению своим преимуществом, но мысль эта явно ошибочна. Ошибка же проистекает от того, что физическое перемещение есть потребность, а человек, из-за своей умственной лени и множества других внутренних изъянов, усматривает преимущество в том, что на деле является потребностью. В действительности, если хорошенько подумать и отчетливо все это себе представить, то станет ясно, что именно физическое перемещение есть источник и рассадник всех пороков.

(Этим своим наблюдением Соломон ни с кем не делился, так как отнюдь не без оснований опасался, что его могут счесть сумасшедшим).

Наблюдение второе

Из семи звезд грузинской литературы четыре сияли на небосклоне девятнадцатого века. Этот факт не только интересен, но и наводит на серьезные размышления. Семь человек на протяжении пятнадцати столетий означают в среднем по одному человеку на два века. Разумеется, глупо требовать в подобном вопросе строгой соразмерности и точного распределения, однако четыре человека на одно столетие и всего трое на остальные четырнадцать — это все же такая несообразность, которая выходит за рамки любой вероятности и указывает на некий таинственный закон или, по крайней ме-

ре, на скрытую движущую силу, тем более, что столь плодовитым веком оказался не одиннадцатый или двенадцатый (чему еще можно было бы найти какое-то естественное обоснование), но именно девятнадцатый, когда страна утратила независимость и превратилась в колонию. Неужели утрата независимости так благотворно повлияла на народ, который на протяжении всего своего существования боролся как раз за сохранение этой независимости? Чтобы разгадать эту поразительную загадку, требуются упорные раздумья и твердая вера. И если размышлять, не теряя веры, то рано или поздно поймешь, что мир, который обрела Грузия ценою утраты своей независимости, в данном случае значил больше, чем независимость, и не мог не повлечь за собою взрывного обновления. Благодаря тому, что страна, для которой борьба превратилась почти что в повседневную форму существования, внезапно получила возможность отложить меч, утереть пот, передохнуть, оглядеться и окинуть мир взором души и разума, плотину прорвало, и накопленная поэзия (почему все-таки именно поэзия, а не проза — это предмет отдельного наблюдения) хлынула на волю. На время независимость была даже предана забвению. Поток поэзии несся вперед, и только когда он достиг уровня, допустимого для сообщающихся сосудов, и вновь очутился в тисках, грянул колокол борьбы за национальную свободу, и вот тогда-то на ристалище появился Илья Чавчавадзе.

(Этим своим наблюдением Соломон тоже ни с кем не делился, поскольку тут приходилось касаться таких струн, о которых он не знал наверняка — можно их касаться или нельзя. Зато он хорошо знал, что, когда чего-то не знаешь наверняка, лучше соблюдать осторожность и помалкивать).

Наблюдение третье

Преподавать грузинскую литературу следует, начиная не с пятого века и кончая двадцатым, а наоборот, начиная с двадцатого века и постепенно продвигаясь к пятому.

Наши дети заканчивают школу, так и не прочитав ни Цуртавели, ни Мерчуле, ни даже, представьте себе,

Акакий БАКРАДЗЕ

УКРОЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕДОСТОЙНЫЙ, ИЛИ «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В советской прессе нередко можно встретить понятие — «новый человек». Особенно было оно в ходу в 20—30-е годы — употребляли к месту и не к месту. Однако до сих пор так и неясно — кто он, этот «новый человек»? Какова его природа, черты характера? Объяснение этому вы нигде не найдете.

Само понятие заимствовано коммунистами из христианства. Святой Апостол Павел в своем послании к римлянам говорит: «...зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху». Согласно христианскому учению, вместе с Христом был распят старый, грешный человек и рожден новый, безгрешный, исповедующий учение Христово.

Все понятно. И если проводить аналогию, «новый человек», согласно воззрениям коммунистов, это тот, кто является последователем марксизма-ленинизма. Но такое толкование понятия весьма абстрактно, нам неизвестны конкретная природа, черты, мораль коммунистического «нового человека». Таким же абстрактным представлялся бы и христианский новый человек, не оставь нам агиографическая литература галерею его портретов, не обрисуй его натуру, черты характера, мораль. Поэтому, чтобы представить себе въяве коммунистического «нового человека», обратимся к советской литературе.

---

* Продолжение. Начало см. в № 2, 1991 г.

дить порядок в методах и системах обучения! У Соломона были свои обязанности, к которым он относился добросовестно и которые хорошо ли, плохо ли, но выполнял. А для постановки и решения подобных проблем нужен не кто-нибудь, а Илья Чавчавадзе, и если в наши дни еще где-нибудь сыщется Илья Чавчавадзе, то пускай он и ломает себе голову над всем этим!)

* * *

Теперь, когда пришла пора покинуть сцену, Соломон по-прежнему сидит на своей любимой скамейке в старом садике и знает, что жизнь всегда хороша, ибо всегда может быть хуже. Вокруг стоят могучие деревья, раскинув свои широкие ветви так, словно от чего-то оберегают Соломона. Эти деревья стояли здесь до того, как Соломон появился на свет, и будут здесь стоять, когда завершится второе тысячелетие. А Соломон...

Внезапно перед глазами Соломона, как молния, ярко и отчетливо предстал тот неуловимый миг, несуществующий миг между окончанием и началом, и он увидел, что и Соломон не был Соломоном, и Асмат не была Асмат, и Цисана Автандиловна не была Цисаной Автандиловной, а все они были одинаковыми, как непосеянные семена, и каждый с любопытством ожидал следующего выхода, сидя позади опущенного занавеса в чем мать родила, потому что администрация театра уже бросила в огонь их прежние костюмы, а новые еще не раздавала.

Соломон с удивлением разглядывал самого себя и именно потому, что твердо знал: жизнь всегда хороша, ибо всегда может быть хуже, — силился понять, отчего же тогда у него такое чувство, будто он только что вышел из моря голый и весь облепленный медузами...

1983 г.

Перевод Александра ЗЛАТКИНА

Акакий БАКРАДЗЕ

УКРОЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕДОСТОЙНЫЙ, ИЛИ «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В советской прессе нередко можно встретить понятие — «новый человек». Особенно было оно в ходу в 20—30-е годы — употребляли к месту и не к месту. Однако до сих пор так и неясно — кто он, этот «новый человек»? Какова его природа, черты характера? Объяснение этому вы нигде не найдете.

Само понятие заимствовано коммунистами из христианства. Святой Апостол Павел в своем послании к римлянам говорит: «...зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху». Согласно христианскому учению, вместе с Христом был распят старый, грешный человек и рожден новый, безгрешный, исповедующий учение Христово.

Все понятно. И если проводить аналогию, «новый человек», согласно воззрениям коммунистов, это тот, кто является последователем марксизма-ленинизма. Но такое толкование понятия весьма абстрактно, нам неизвестны конкретная природа, черты, мораль коммунистического «нового человека». Таким же абстрактным представлялся бы и христианский новый человек, не оставь нам агнографическая литература галерею его портретов, не обрисуй его натуру, черты характера, мораль. Поэтому, чтобы представить себе въяве коммунистического «нового человека», обратимся к советской литературе.

---

* Продолжение. Начало см. в № 2, 1991 г.

Но прежде чем говорить о человеке, созданном советской литературой, поставим вопрос так — может ли быть советский человек Гамлетом, Дон Кихотом или Фаустом?

Вы, конечно, помните, отца принца Гамлета убил его брат Клавдий. Потом он женился на своей невестке, жене брата Гертруде, и воцарился на престоле. Принца терзают сомнения. Он хочет восстановить истину и изобличить преступников. Под конец завеса над преступлением поднята, но принц Датский гибнет. Такова схема трагедии.

На первый взгляд, социальное положение героев Шекспира уже исключает возможность существования советского Гамлета. В пьесе действуют король, королева, принц, вельможи. В СССР таковых нет, стало быть, драма лишена социальной основы. Но это не главное. Советский Гамлет невозможен не только по этой причине. Королевский двор можно заменить секретариатом ЦК Компартии или Политбюро, где борьба за власть не менее остра и беспощадна, чем в Эльсинорском замке. Вспомните имена погибших и поверженных в борьбе за власть — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Берия, Молотова, Маленкова, Булганина, Хрущева и многих других. Мне кажется, это факты, известные всем, кто мало-мальски знаком с политической жизнью СССР.

Существование советского Гамлета невозможно по той простой причине, что литературе запрещается разоблачать царящие в Секретариате ЦК Компартии или Политбюро бесчестие, интриги, зависть, вражду, беспощадность, ненависть. Это не предмет для литературы. Коммунисты сами знают свое дело, и посторонних оно никак не касается. Жизнь и деятельность Политбюро или ЦК Компартии надежно укрыты тайной, и единственное, что дано знать советскому человеку, это то, что Политбюро или ЦК являются приютом добродетели, человеколюбия, любви, где денно и нощно заботятся о благоденствии советских граждан, где не едят и не пьют, только о том и думают, чтобы советский человек ни в чем не знал нужды. Какому же Гамлету, принцу или крестьянину дадут право усомниться в этом и возжелать установить истину?! В море лжи найти зернышко правды?! Разумеется, никакому. Поэтому советский Гамлет исключен даже в сказке.

Но, возможно, с Дон Кихотом дело обстоит лучше, и его двойник может появиться в СССР?

Вам известно, Дон Кихота сбило с панталыку чтение рыцарских романов. И он решил бороться за утверждение добра в этом мире, полном бесчестия и несправедливости, стать за-

ступником беспомощных и угнетенных. Вот пружина действий Дон Кихота.

Известно также, что граждане СССР в основном читают марксистско-ленинскую литературу. Посмеет ли кто-нибудь сказать, что чтение марксистско-ленинской литературы сбилось кого-то с толку, и он, сев на коня и обзаведясь оруженосцем, отправился по престолам СССР насаждать добро?

Согласно официальной установке, марксизм-ленинизм — единственно верное, истинное учение, осчастливившее человека. Абсолютно недопустимо полагать, что оно может сбить кого-нибудь с панталыку. Напротив, даже к клиническому психу, прочти он хоть один том Ленина, возвращается ясный ум. (Индустриальные, колхозные, КГБ-истские романы также не грозят помутнением разума советскому человеку. Они тоже написаны с марксистско-ленинских позиций, и, естественно, являются источником лишь умственного здоровья).

Что же касается борьбы за насаждение в СССР добра, так это же чушь и бессмысленность. С октября 1917 года в России и ее колониях навсегда воцарилось добро, и поэтому нет никакой необходимости бороться за него. Расстрелы, грабежи, тюрьмы, каторжный труд, разбазаривание добра, халтура, взяточничество — это проявления заботы компартии с народом, а не зло. Скажите на милость, что делать Дон Кихоту в стране, где так тотально господствует добро? Против кого он должен бороться?

Так что и Дон Кихот не может быть советским гражданином.

Ну, а дела Фауста и вовсе из рук вон плохи. Он был настолько глуп, что заключил сделку с Мефистофелем. А ведь в СССР даже ребенок знает, что нет ни Бога, ни дьявола, ни беса, ни ведьмы. Как же можно вступать в сделку с тем, что не существует? Причем Фауст воображал себя мудрецом, пытался проникнуть в тайну мироздания и, веря в существование черта, вошел с ним в контакт. Таких наивных и простодушных людей в СССР нет. Так глупо никто не обманывается. Хочешь проникнуть в тайну вселенной, читай Маркса, Энгельса, Ленина, инструкции ЦК Компартии, и все тайны мироздания откроются тебе.

Таким образом советский человек не может быть и Фаустом.

Что же делать? Ни Гамлет, ни Дон Кихот, ни Фауст не могут быть советскими гражданами. Ни один из них не удовлетворяет требованиям коммунистического «нового человека».

Но может быть другие из известных нам персонажей классической литературы имеют право называться советским «новым человеком»? Вспомним некоторых из них.

Андрей Болконский, князь и сын классового общества, не сможет стать советским человеком. Октябрьская революция уничтожила аристократию с ее господством и привилегиями. Правда, в «Войне и мире» нигде не говорится и не показывается, что аристократия кого-то угнетала, эксплуатировала, разоряла, но это ничего не значит. Лев Толстой сам был графом и, естественно, держал сторону господствующего класса. Он не стал бы обличать Андрея Болконского. Нас, вооруженных учением марксизма-ленинизма, на мякине не проведешь. Мы абсолютно точно знаем, что из себя представляли эти князья, графы и бароны, как пили они кровь трудящегося человека. Не случись Октябрьская революция, в России не осталось бы ни одного рабочего, ни одного крестьянина. Они были бы сожраны все до единого этими капиталистами и помещиками. Правда, мы не знаем, что стали бы делать капиталисты и помещики, выпив кровь последнего рабочего и крестьянина, но совершенно бесспорно, что они преследовали цель уничтожить трудящегося человека. Не верите — читайте пропагандистскую литературу, исторические и социологические исследования, разоблачающие ужасы царизма, и убедитесь, что это так. Да и советская литература постаралась уверить нас в этом. Наши писатели создали сочинения различных жанров, отражающие картины классовой борьбы, эксплуатации и угнетения.

Разве усомнится советский человек, воспитанный в таком духе компартией, что князь Андрей Болконский никого не разорит, не продаст, не изнасилует, не обменяет на собак?

Нет, не быть Андрею Болконскому коммунистическим «новым человеком» — слишком велик грех, лежащий на его классе. И ему не искупить его даже самоотверженностью, проявленной в Бородинском сражении. Да и графу Толстому не замазать нам глаза — классовая бдительность советского народа никогда не притупляется.

Так что графы не годятся в коммунистические «новые люди». Но может быть им может стать крестьянин, бедный, несчастный, подвергшийся порке, такой, скажем, как Гогия Уишвили?¹ Однако прежде чем ответить на этот вопрос,

---

¹ Гогия Уишвили — персонаж одноименного рассказа Эгнате Ниношвили.

вспомним, что сделал он, Гогия Уишвили. Не снеся унижения, скорбения, розог, он покончил с собой. Каждый советский гражданин знает, что сознательный человек никогда не совершит самоубийства. Будь Гогия Уишвили сознательным крестьянином, он никогда не покончил бы с собой. Он немедленно покинул бы село, перебрался в город, пошел работать на завод, там вступил бы в рабочий марксистский (раньше довольнс было марксистского, сейчас мы обязательно сказали бы — марксистско-ленинский) кружок, изучил основы классовой борьбы и со всем пролетариатом Российской империи начал бы бороться за свержение власти помещиков и капиталистов.

Но поскольку Гогия Уишвили поступил не так, мы не можем его посчитать коммунистическим «новым человеком». Более того, он не годится даже в его предшественники.

Не подумайте, что я утрирую намеренно. Это получается само собой. Стоит задуматься о сути теоретических требований советской литературы, как рисуется утрированная, до смешного нереальная картина.

Итак, используя примеры из классической литературы, мы не смогли ответить на вопрос — кто он, коммунистический «новый человек»? Обратимся теперь к советской литературе.

Грузинскому советскому читателю хорошо известен роман К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды». Его изучают и в школах.

В этом романе ни один персонаж, за исключением Меки Вашакидзе, не претерпевает духовного развития под влиянием социалистической действительности.

Барнаба Саганелидзе — кулак, верящий в частную собственность и уважающий ее. Он терпеть не может социализм и советскую власть, поскольку и тот, и другая борются за уничтожение частной собственности. Поэтому по мере возможностей Барнаба борется с Советской властью. В нем не происходит перелома: от начала до конца романа Барнаба остается противником и ненавистником социализма.

Эремо Пиртахия — купец и перекупщик. И его душа остается нетронутой. Что любил — любит, что ненавидел — ненавидит.

Тараси Хазарадзе — большевик, поклонник социализма. Естественно, таким он и остается до конца романа.

Не перерождаются ни Талико, ни Бачуа Вардосанидзе, ни Хажомия, ни Дахундара, ни другие. Новое время, новая идеология, новая социально-политическая система не преобразует их души. Отношение каждого из них ко времени, идеологии,

социально-политической системе остается неизменным. В этом окаменевшем мире Меки Вашакидзе — единственный человек, чье сознание претерпевает изменение.

Меки Вашакидзе — беспризорный, бездомный, несчастный молодой человек. В молодости он батрачил на Эремо Пиртахия и Барнабу Саганелидзе. Потом по рекомендации Тараси Хазарадзе был принят в коммуну, и вот тогда-то начинается его преобразование. Если прежде все свои силы и здоровье Меки тратил на благополучие семей Эремо и Барнабы, то теперь он вкалывает на все село. Батрачить на отдельное лицо, оказывается, величайшее несчастье, и неслыханное счастье ходить в работниках у целого коллектива. Никакого другого существенного изменения в жизни Меки не произошло. Единственное приобретение от работы на коллектив — то, что ему дали выучиться на тракториста. Это естественно, и ничего особенного тут нет. Если для обработки пахотной земли Барнабы Саганелидзе достаточно было вола, лопаты и плуга, то для необозримых колхозных угодий требовался трактор. Работник коллектива должен был выучиться этому ремеслу, что представлялось необходимым новому хозяину.

Меки Вашакидзе овладел новой профессией и приобрел новую мораль. Если в период своего батрачества он был забитым, застенчивым, робким юношей, который, даже возражая кому-либо, был исполнен почтения, то став работником коллектива, превратился в убийцу и грабителя.

Любое художественное произведение, правда, иллюзорный, но четко организованный мир. Каков этот мир, какие в нем живут люди, читатель узнает не из характеристик писателя, а исходя из того, что за явления в нем происходят, что за персонажи в нем живут, как они поступают, мыслят, относятся к себе и другим. Точно так же, как в реальной действительности. Ведь наше представление о реальной действительности создается не по тому, что нам твердят агитаторы и пропагандисты, но по тому, что происходит в ней, как нам живется в ней.

Если взглянуть на жизнь Меки Вашакидзе с этой точки зрения, станет ясно, в каком направлении изменился он.

Коммунисты постановили лишить Барнабу Саганелидзе как кулака всего его добра. Барнаба, желая спасти нажитое, сложил свое имущество на арбу, поверх расстелил матрацы и одеяла, а на них уложил «больную» Талико. И позвал на помощь Меки, которого попросил отвезти «занемогшую» Талико в Кутаиси. Барнаба рассудил так: Меки — сторонник большеви-

ков, и никому не придет в голову заподозрить что-нибудь неладное.

Меки явился немедленно. Он беззаветно любил Талико и рад был возможности доказать ей свою преданность.

Арба с «больной» Талико и с Меки во главе медленно катилась по кутаисской дороге. Спустя какое-то время ее нагнал Хажомия, человек безалаберный и малодушный. Он и выбелтал тайну Барнабы. Меки, к тому времени уже «новый человек», твердо решил воспрепятствовать кулаку спасти свое имущество. Оно должно быть передано советской власти.

Меки бросился на Хажомия, опрокинул его. Для большей убедительности обратимся далее к тексту: «Меки сел на него (Хажомия — А. Б.) верхом, кулаком ударил в висок и оставил лежать бездыханным».

Так Меки убил Хажомия. Какая судьба постигла Талико, мы не знаем. Напоследок он с ненавистью посмотрел на нее. «Ненавижу тебя», — сказал и ушел. Правда, потом мы снова увидим его с арбой саганелидзевского добра возвращающегося в село, но Талико на ней уже не было.

Так Меки ограбил семью Саганелидзе.

Необходимо вспомнить, что за добро прятал Саганелидзе от коммунистов. Может быть он действительно владел какими-то сказочными богатствами, и коммунисты не устояли против соблазна.

Уже одно то, что имущество Барнабы Саганелидзе уместилось на арбе, говорит, каким богачом был этот «кулак», которого должны были ободрать как липку. Однако не будем доверяться впечатлению, созданному арбой, и почитаем, что об этом написано в романе.

— Что вы взяли с собой? — спрашивает Хажомия Талико и та отвечает: «Ковры, золотые и серебряные вещи, посуду, одежду...». Обратите внимание, у человека отбирают одежду и посуду. Надеюсь, не надо пояснять, как называются те, кто этим занимается?! Пусть вас не смущают упомянутые Талико золотые и серебряные предметы. Немного ниже мы узнаем, что это за вещи. Меки «стал рыться в хурджине, нащупал кувшин с высоким горлом, украшенные серебром роги».

Вот и все. Впрочем, следует сказать и о кабардинских волах под ярмом (внимание — крестьянину не позволено иметь волов!).

Совершенно очевидно, что Барнаба пытался спасти обыкновенные предметы домашнего обихода, ничего больше. То, что

должно быть у каждого нормального человека, если он не превратился в рабочую скотину.

И за это коммунисты «раскулачивают» его.

Вот, в каком несправедливом деле принимает участие Меки Вашакидзе, причем по собственному желанию, без всякого принуждения.

Может быть это свое небогатое имущество Барнаба Саганелидзе нажил бесчестным путем, и изъятие его будет справедливым? Нет, Барнаба был работягой и все, чем он владел, приобрел горьким, тяжким трудом. Вот доказательство — цитата из романа:

«Грубыми шершавыми ладонями Барнаба каждый божий день голубил землю, и она отвечала ему пониманием и покорностью.

Двадцать три года прошло, а он ни разу за это время не пировал до утра, не спал до утра, не привязывался к женскому подолу: верность земле запрещала ему развлекаться».

Меки Вашакидзе ограбил работягу, труженика. Но это его нисколько не волнует (как, впрочем, и убийство Хажомия). Ни малейшего угрызения совести. Напротив, окончательно убив в себе порядочность, он весьма доволен собой. Отныне он способен на любую подлость, поскольку совесть, как страж человеческого поведения, чужда ему.

Можно сказать, что «Заря Колхиды» продемонстрировала одну из черт коммунистического «нового человека».

Коммунистический «новый человек» — раб коллектива. Он, не задумываясь, должен быть готов на убийство и грабеж в пользу этого коллектива. Способность испытывать угрызения совести утрачена им.

Пролетарская литература более всего боялась любви. Любовь грозила позором не только Меки Вашакидзе, но всем пролетариям и беднякам-крестьянам. Особенно должны были быть осторожны старые большевики, расслабившиеся после революции. Пролетарская литература сурово боролась с любовью, насмехалась над ней.

Чем это было вызвано? Почему любовь стала опасной? Любовь — естественное биологическое чувство, не подчиняющееся классовой дифференциации. Крестьянин мог полюбить дочь дворянина или князя (полюбил ведь батрак Меки дочь кулака Барнабы Саганелидзе), пролетарий — дочь буржуа, старый большевик-революционер — женщину аристократического происхождения. Это не только могло случиться, но и случалось в реальной действительности. Как же тогда быть с

классовой борьбой? Как должен был поступать в такой ситуации «новый человек» с пролетарским или крестьянским прошлым? Этот вопрос очень волновал пролетарских писателей.

Они были убеждены, что женщина, вышедшая из аристократической, буржуазной или кулацкой семьи, являлась несусыпным врагом социализма и большевизма. Пролетарские писатели не сомневались, что такая женщина преследовала цель погубить рабочего, крестьянина, большевика, усыпить их революционную бдительность, а затем осуществить свои черные замыслы. При этом они забывали, что жена Маркса была баронессой, а супруга Ленина — дворянкой. А впрочем, это не имело значения, они должны были отражать классовую борьбу и писали по заранее созданной модели.

Итак, как же поступал в такой ситуации «новый человек»? Пролетарская литература дает на этот вопрос следующий ответ.

В романе Иакинто Лисашвили «Водопад» старый большевик Леван Квакирели¹ женат на дочери зажиточного крестьянина Кето. Враг советской власти Реваз Пхакадзе моментально рассчитывает: поскольку Кето из богатой семьи, ее можно использовать для осуществления своих вражеских целей. Он дает задание инженеру-вредителю Петре Каканадзе: «— Вы обязательно должны стать поверенным сердечных тайн молодой жены Квакирели. Насколько мне известно, это сделать не так уж сложно. Квакирели уже сорок, его жене около двадцати. Она из богатой крестьянской семьи, необразованная, ее натуре гораздо более близки идеи частной собственности, нежели коммунистические идеи. Мы должны использовать во что бы то ни стало эту ее слабину и переманить на нашу сторону» (И. Лисашвили, «Водопад», 1933).

В романе ни слова о том, почему сорокалетний большевик женился на двадцатилетней дочери зажиточного крестьянина, почему он не понял натуры своей Кето, если враг советской власти Пхакадзе видит ее насквозь? Но подобные вопросы не имели никакого значения для пролетарских писателей. Они творили по готовым моделям.

События разворачивались точно по плану Пхакадзе.

Каканадзе попросил у Квакирели отпуск — он нуждается в отдыхе. Квакирели, дав ему отпуск, просит снять по соседству

---

¹ Обратите внимание на фамилию. Старый большевик это одновременно «камень» (ква) и «известь» (кири).

дачу и для своей жены. Каканадзе больше ничего не нужно. Он снимает в Цагвери две дачи, одну для себя, другую для Кето, и, воспользовавшись соседством, делает ее своей любовницей.

Проходит время, они возвращаются в Тбилиси. Однажды Кето приходит к Каканадзе в гости. Послушаем И. Лиса-швили:

«— Поди сюда, — сказал он, увлекая Кето в другую комнату.

Через некоторое время Каканадзе вышел оттуда один, вытирая платком пот, ручьями катившийся с лица».

И тут же садится писать письмо, а затем просит Кето отнести его Севе Каладзе на строительство. Кето не знает, о чем письмо. Она просто выполняет просьбу Каканадзе. А в письме, оказывается, приказ вредителям взорвать плотину.

Как поступил Леван Квакирели, узнав о невольном участии жены в преступлении?

Обратимся к роману:

«Узнав, что участницей всего этого была его жена Кето, Квакирели вдруг застыл на месте. На какой-то миг решил было вернуться назад, чтобы, как дикий зверь, наброситься на оставшуюся в машине Кето и разорвать ее на части... Но тут же опомнился, сейчас не время сводить счеты, перед ним стоит гораздо более важная задача, решение которой не терпит отлагательства, и в твердой решимости направился к плотине».

Старый большевик сперва принял участие в спасении плотины, а потом арестовал жену.

«Сердце у Левана Квакирели дрогнуло, он весь напрягся, бросил на Кето стальной взгляд и вдруг рванулся к постели, схватил Кето и поднял, как маленького ребенка.

Кето визжа, пыталась вырваться из железных объятий, но тщетно. Сильные мужские руки сгибали слабые женские кости, как щепки, (на скудость языка не обращайтесь внимания, эта общая болезнь пролетарской литературы — А. Б.) и Кето потеряла надежду высвободиться.

— Собаки! Кровопийцы! — кричала она, но Леван не отвечал ей и тяжелым шагом вел свою «верную» и «преданную» жену к управлению.

Леван привел ее к толпящимся людям, посадил в автомобиль для арестантов и, когда закрывал за ней дверцу, был уже неуязвим для ядовитых, невоздержанных выкриков Кето».

Не подумайте, что «Водопад» — беспомощный роман и

потому персонажи его так примитивны. Ничего подобного. Вос-
торженную оценку роману дали С. Чиковани, Б. Жгенти, В. Га-
приндашвили, И. Вакели, Г. Натрошеили. «Это делает «Водо-
пад» таким образцом новой беллетристики, — писал послед-
ний, — в котором видны зачатки истинного социалистическо-
го реализма, нового подхода к миру, каждое явление в такой
прозе пронесено через пролетарское мировоззрение, она пока-
зывает не мир вообще, не «божественные» лазурь неба и изум-
руд земли, но пролетарскую землю, пролетарский завод» (ин-
тересно, что в «Водопаде» описано строительство электростан-
ции, а не завода — А. Б.).

Таким образом, мы можем сказать, что в «Водопаде»
выявлен тот принцип отношения к человеку, который разделял-
ся вообще коммунистической художественной литературой.

«Водопад» открыл нам еще одну черту коммунистиче-
ского «нового человека»: он должен быть добровольным мили-
ционером, добровольным КГБ-истом и сам арестовывать чле-
нов своей семьи. Как будто коммунистам мало было тех, кто
ловил и арестовывал.

Этот вывод подтверждает другой роман Иакинто Лиса-
швили — «Зов в горах».

Нодар, сын бедного крестьянина Соломона Хурцидзе, лю-
бит Этери, дочь кулака Павлиа Шарадзе. Естественно, Павлиа
Шарадзе хочет использовать любовь молодых для осуществле-
ния своих недобрых замыслов. Он советует дочери вести себя
так, словно она не любит Нодара — это только укрепит его
любовь к ней. Этери следует коварному совету отца. Нодар в
страшной тревоге. Он не может понять — любит его Этери
или нет. Однажды ночью, будучи навеселе и в нервном рас-
стройстве, он идет к месту их свиданий. Тут он замечает дво-
их мужчин, лица которых закрыты башлыками. Они показа-
лись ему подозрительными, он начинает следить за ними. Не-
знакомцы, дождавшись поезда, следуют за одним из путни-
ков, которого убивают в темном углу и, ограбив, скрываются.
Нодар бросается за убийцами, но поймать их не сможет. В это
время село узнало о преступлении. Ищут убийц, но тщетно.
Подозрение падает на Нодара, его арестовывают. Почему-то
Нодар не рассказывает, чему оказался свидетелем, только по-
минутно кричит — «Я виноват». Это еще более усиливает по-
дозрения сельчан. Через несколько дней его выводят из сель-
ской тюрьмы и куда-то отправляют. В дороге на Нодара и его
проводника-милиционера нападают разбойники во главе с Ги-
го Курнозашвили. Милиционера убивают, а Нодара отпускают.

Оказывается, Гиго Курнозашвили освобождает Нодара потому, что тоже любит Этери и с его помощью хочет заполучить ее. А на селе распространился слух, что разбойники из-за Нодара убили милиционера. Возмущению сельчан нет предела. Правда, они недоумевают — что общего между комсомольцем и разбойником? Но факт остается фактом.

Отец Нодара Соломон Хурцидзе потрясен. В колхозе над ним пронизируют: «...Посмотрим, что возьмет верх — любовь к сыну или верность коммунизму». Не в силах вынести этого, Соломон хватается ружье и отправляется убивать сына.

А в это время Нодар, придя к выводу, что такой жизни он предпочитает смерть, набрасывается на Гиго, отнимает у него револьвер. Гиго убегает, Нодар — за ним. (Где были в это время другие разбойники, читателю неизвестно).

Когда Соломон подходит к логову злодеев, он видит сына, о чем-то спорящего с разбойниками.

«Не поделили добычу, — промелькнуло у него в голове, сердце его билось так, как морские волны в бурю.

— Сын?! Да у меня его никогда не было! Ты мертв, сын мой, мертв! — крикнул он.

Целясь в сына из берданки, Соломон увидел разбойника с револьвером в руке, подкрадывавшегося к Нодару сзади. Он уже готов был выстрелить в него, как Соломон не выдержал и всадил в него пулю, а вторую послал в сына».

Да, именно так написано в романе. Нельзя допустить, чтобы разбойник убил сына, отец сам непременно должен расправиться с ним. Кстати и на сей раз читатель остается в неведении относительно того, что делали в это время остальные разбойники. Впрочем, автор уведомляет нас, что Нодар все же успел убить Гиго и еще одного злодея. Хотелось бы знать, как и когда ему это удалось.

Стоит отец над умирающим сыном и слышит его последние слова: «Передай моим товарищам, я был комсомольцем...» Соломон сразу же догадывается, что его сын ни в чем не виноват. Тем временем в лесу появляются сельчане, которые уносят тяжело раненного Нодара в село.

Нодар, конечно, выживет. Еще бы, он ведь комсомолец, и на нем нет вины.

Этот эпизод также заслужил одобрение литературной критики, которая не скупилась на похвалы: «Весьма волнующая сцена, когда отец Нодара, старый Соломон Хурцидзе с берданкой в руке отправляется в горы, чтобы убить сына, дабы смыть с себя позор. Одна мысль владеет им: сын его мораль-

но давно мертв, и сейчас он должен физически уничтожить его. Вот он выстрелил... Раздается стон умирающего сына. Этот стон как бы отрезвляет отца, он бросается к нему и, как раненый зверь, воет над ним (воя в романе нет — он почудился критику — А. Б.), как настоящий отец, а не только как гражданин, стоящий на страже бдительности нашего общества, и сын прощает отца: «Отец, я все знаю... Ты прав, а я виноват... Но тем не менее я не разбойник... Я умираю комсомольцем...» (Неточная цитата — А. Б.).

И эта искренняя исповедь настолько убедительна, что отец окончательно приходит в себя и готов пожертвовать ради сына своим последним дыханием, которое выливается в дикий вопль: «О-ууу!» (Журн. «Чвени таоба», № 9, 1940).

Коммунистический «новый человек» ни в коем случае не должен проявлять любви к ближнему. Это свидетельствует о его слабости, бессилии, бесхребетности. Единственный, кого он должен любить, это — пролетариат.

Герой романа Пантелеймона Чхиквадзе «Этажи» директор ткацкой фабрики большевик Григол Гигаури проводил совещание, когда ему сообщили, что его сынишка попал в аварию. На какой-то миг Григол запнулся, но, тут же овладев собой, продолжил совещание. Однако эту мимолетную растерянность он не может простить себе. «Гигаури горько усмехнулся. В том, что он запнулся, оборвал речь, он увидел собственную слабость... Слабость характера и воли!.. Иначе чем объяснить эту внезапную растерянность? — так он думал про себя... — Ну что такого случилось? Да, катастрофа, несчастный случай! Ну и что?»

Действительно, ну и что, если погибнет ребенок? Разве совещание не важнее жизни сына?! «Новый человек» Григол Гигаури даже не сомневается в этом и доводит совещание до конца.

К счастью, маленький Гурам не погибает. Он лежит весь в жару. Его отец Григол Гигаури должен идти на фабрику проводить митинг. Жена Луара умоляет его: не ходи, «ребенок сгорает от жара, может умом помутиться, а ты в это время в состоянии думать о речах и торжественных заседаниях?» Григол, разумеется, не слушает Луару, оставляет больного сына, едет на фабрику и проводит митинг. На фабрике его «захлестывает трепет радости и восторга...» И знаете почему? Потому что «виднеются сверкающие станки и у станков одетые в спецодежду рабочие».

Григол поступает так, как подобает коммунистическому

«новому человеку». А вот почему Луара так любит сына и просит мужа не оставлять больного ребенка? Да потому, что Луара — из аристократической семьи и еще не утратила чувства христианского человеколюбия. Брак с этой женщиной — ошибка, которую почему-то совершил большевик Григол Гигеури. Но если бы только это было на его совести. Брат Григола Леван связался с вредителями. И когда Левана убивают, Григол не идет хоронить его.

«— Гриша!

— Чего тебе, Луара?

— Пойдем... Мертвый тоже нуждается в заботе, Гриша!

— О нем позаботятся надлежащим образом...

— Бедняга Леван! — вырвалось у Луары.

— Луара! Ни стоны, ни соболезнующих слов...»

Таким вот несокрушимым, как скала, был коммунистический «новый человек», но почему-то каждый раз он совершал одну и ту же ошибку — любил или женился на дочери своего классового врага. И ни в одном романе, где действует «новый человек», не дается объяснения этому факту. Можно лишь предположить: в революцию большевикам нравились женщины в кожаных куртках и солдатских сапогах с маузером на боку, которые убивали людей с такой же легкостью, как мух. По окончании революции, захватив власть, большевики почувствовали охлаждение к своим озверевшим подругам и потянулись к нежным, застенчивым, воздушным созданиям. К тому же их, дочерей классового врага, не так уж трудно было заполучить. Раздавленные страхом, лишь бы уцелеть, они без слов вступали в брачный союз с большевиками-победителями.

Жизнь заставила коммунистов-практиков позабыть о классовой розни. Но коммунисты-теоретики боролись против классового примирения на почве любви. Выработалась модель: революционер-большевик и дочь классового врага. Их отношения художественная литература, как правило, порицала. Теоретики пугали практиков: дочери классового врага сделают все для вашего перерождения, и в результате создавались персонажи, подобные коммунисту Баиашвили из романа Севасти Талаквадзе «Переход». Жена Баиашвили, бывшая княжна, плохо влияла на мужа, он опустился до того, что, во-первых, стал волочиться за комсомолкой Тиной и, во-вторых, имея при себе револьвер, даже не выстрелил в кулацкого сына Чучулу Эпитава.

Видите, до чего может довести коммуниста женитьба на

бывшей княжне, бывшей купеческой или кулацкой ^{дочери?} Советская литература не могла выдержать этот ужас ^{и само} отверженно боролась с любовью.

Персонаж романа Бориса Чхендзе «Ферро» Мелаша, рабочая, активистка, размышляет:

«— А любовь? — спрашивала она себя, подразумевая под этим чувством не то, что имел в виду Волков, когда встречался с товарищами (любовь к организационно сплоченным товарищам). Нет, она имела в виду любовь между женщиной и мужчиной. Мелаша еще не доросла до того, чтобы различать эти чувства, и обманулась».

Мелаша ошиблась: она полагала, что Волков равнодушен к ней как к женщине, не понимая в силу своей отсталости, что Волков любит ее как члена организационно сплоченного коллектива. Ей бы осознать это, а она бежит в парикмахерскую, делает стрижку, выщипывает брови, мажет губы помадой, да еще покупает в магазине парфюмерию. Ее ребенок-пионер умоляет снять с лица косметику: «Умойся, мамочка, умойся, прошу тебя! Ты ведь моя мамочка...»

Чтобы читателю было ясно, напомним, отношения Волкова и Мелашы имеют свою историю.

Впервые они встретились до первой мировой войны в Зестафони. Волков в этом районе «находился на нелегальной работе». Мелаша не знала ни его настоящей фамилии, ни имени. Он ей не сказал этого, а товарищи его и сами не знали. Мелаша полюбила его за то, что он был на нелегальной работе.

Полюбила и родила от него.

Вскоре Волкова взяли на войну, и он появился в Зестафони по прошествии пятнадцати лет. Мелаша не узнала его. А он узнал Мелашу, но не вспомнил о себе. Его не интересовала ни бывшая любовь, ни собственный ребенок. Он строил в Зестафони завод, и это было для него главным. Но случилось так, что Мелаша влюбилась в Волкова вторично. И Волков вторично оставил ее. После окончания строительства завода в Зестафони он отправился «на новую стройку куда-то на границу то ли с Афганистаном, то ли Ираном». И вот тогда-то Мелаша в растерянности спросила: «А любовь?» И побежала в парикмахерскую, чем сильно огорчила своего ребенка-пионера.

Мы обратились к роману «Ферро» не только для того, чтобы продемонстрировать отношение к любви в советской литературе. «Ферро» знакомит нас с еще одной чертой коммунистического «нового человека». Коммунистический «новый чело-

век» не любит родной народ, и ему безразлично, какой он национальности.

Протагонист «Ферро» Лука Волков — на самом деле грузин Лавренти Мгеладзе¹, но его мало заботит утрата настоящих имени и фамилии, а также национальности.

«Он был доволен, что его зовут Лука Волков, а не Лавренти Мгеладзе. В конце концов, какая разница, кто ты — русский или бур, грузин или эскимос. Он пролетарий, партизан, строитель, имел все необходимые условия для жизни, работал и учился и понимал жизнь как борьбу, как покорение природы...»

Поэтому он ненавидел слово «патриот». И когда однажды оно было произнесено в его адрес, Волков «все на свете забыл, и в ушах у него звучало только «патриот», слово, которое он ненавидел и даже боялся, что ему припишут это качество в национальном смысле. У него пересохло в горле, отнялся язык и, весь дрожа, он начал икать...»

Дополним вышеприведенные черты коммунистического «нового человека» еще одной, которую показал нам в своем произведении «Дампатиже» Михаил Джавахишвили, и получим полный его портрет.

Однажды к трудяге-садовнику Тэвдорэ подселили некоего Окропира по прозвищу Дампатиже. Никто понятия не имел, кто он и откуда. Ни пашет, ни сеет, ни жнет Дампатиже, нежится в тени деревьев, а живет — не тужит. Гуляет, развлекается, с утра до вечера песни распевает.

А Тэвдорэ гнет спину, чтобы уплатить налог, в случае неуплаты ему грозят арестом и высылкой. И те, кто грозят, совершают набеги на его дом, заставляют накрывать столы и, пока не опустошат все запасы, не уходят. А Дампатиже никто не беспокоит, никто не угрожает. Сидит он на шее у Тэвдорэ и пьет его кровь. Под конец даже женится на его Бабале и до конца дней будет возить на нем воду.

«У четвероногих клещ заводится, у пчел — вошь, деревья — мхом и омелой зарастают, скалы, и те плющом покрываются, так и живут они чужими соками. Неужели и человек так устроен?» — думает Тэвдорэ и не может найти ответа на этот вопрос.

Но то, что осталось непонятным для Тэвдорэ, для нас — предельно ясно. Именно коммунистический «новый человек»

---

¹ «Мгели» по-груз. волк.

является тем клещом, вошью, мхом, омелой и плющом, паразитирующим на честном труженике и пьющим его кровь.

Так в социалистическую эпоху был создан образ коммунистического «нового человека».

Разумеется, в то время писались произведения и о настоящих людях, но господствующая идеология объявляла им безжалостную борьбу, шельмовала писателей, называя их врагами, воспевающими бывших и лишних людей.

Борьба эта имела вполне определенную цель, которую четко сформулировал партийный работник и публицист Григорий Мушишвили: «Пролетарская литература — будущая литература рабочего класса, которая должна утвердиться целиком и полностью» («Мнатоби», 1928, № 8—9).

А утверждение пролетарской литературы означало самоуправство в литературе и жизни того самого «нового человека», которого мы выше охарактеризовали.

Это грозило уничтожением гуманизму, всему человеческому. Само понятие «лишний человек», «бывший человек» антигуманистично. Коммунисты-идеологи заимствовали его из русской литературы XIX века, забыв о том резком протесте, который вызывало оно у самих русских писателей.

«Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! — почти шипел Обломов. — Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его. Или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову, — сказал он, улегшись опять спокойно на диване. — Изображают они вора, падшую женщину, — говорил он, — а человека-то забывают или не умеют изобразить. Какое же тут искусство, какие поэтические краски нашли вы? Обличайте разврат, грязь, только, пожалуйста, без претензии на поэзию.

— Что же, природу прикажете изображать: розы, соловья или морозное утро, между тем как все кипит, движется вокруг? Нам нужна одна голая физиология общества; не до песен нам теперь...

— Человека, человека давайте мне! — говорил Обломов, — любите его...

— Любить ростовщика, ханжу, воруящего или тупоум-

ного чиновника — слышите? Что вы это? И видно, что вы не занимаетесь литературой! — горячился Пенкин. — Нет, их надо карать, извергать из гражданской среды, из общества...

— Извергнуть из гражданской среды! — вдруг заговорил вдохновенно Обломов, встав перед Пенкиным. — Это значит забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, те есть вы сами. Извергнуть! А как вы извергнете его из круга человечества, из лона природы, из милосердия Божия? — почти крикнул он с пылавшими глазами» (И. Гончаров «Обломов»).

Советская литература забыла о гуманизме, за который так горячо ратовал Обломов, и пошла по пути Пенкиных. И в результате советским обществом завладели воры, взяточники, комбинаторы, расточители, грабители государственной казны, махинаторы и разного рода другие разбойники или те «новые люди», которых сформировала советская действительность. Этот факт потряс иных писателей, что нашло конкретное отражение в литературе. Герой романа Нодара Цулейскири «Тутарчела» Гугу Каландария сходит с ума, когда осознает, что творится на его родной земле — Сакаландарио. (Сакаландарио — Н. Цулейскири — та же советская Грузия, так же как Иокнапатофа Фолкнера — США, а Макондо Маркеса — Колумбия).

С 50-х годов литература начинает пересматривать нравственные принципы, вернее, поворачивается лицом к нравственному идеалу христианства.

Герой рассказа Н. Думбадзе участковый инспектор Тутарашвили читает Евангелие. Все можно себе представить, но милиционер с Евангелием в руках — вещь, пожалуй, непредставимая. Разве что это мечта писателя о христианском человеколюбии, которого он не видит в социалистической реальности.

Нравственный вывод «Даты Туташхиа» также христианский: не убий, и да будет тебе дарован талант преобразовать зло в добро.

Поворот к христианской морали — свидетельство того, что время и гуманизм нанесли жестокое поражение коммунистическому «новому человеку» и его классовому идеалу, выявили тот глубокий духовный кризис, в котором оказалось советское общество. Поворот к христианству говорит о том, что, первое: коммунистический идеал проиграл идеалу христианскому, т. е. старое победило новое, и, второе: горизонт за-

крыт, у коммунистического общества не предвидится **нового** этического идеала. А если оно, это общество, не смогло **создать** новый нравственный идеал, тогда к чему были **моря** крови, которые пролились, якобы, во имя обновления человечества? Так советский народ оказался в тупике. Он должен выйти из нравственного кризиса. Но сделать это ему одному не удастся. Только с помощью всего человечества, путем отрицания коммунистического нравственного идеала, он сможет преодолеть этот кризис.

В ближайшем будущем человеческая мысль, наверное, создаст тот нравственный идеал, который, находясь в тесной связи с этикой прошлого, будет полностью соответствовать **современной** космической эпохе.

Гарантией этому служит то, что человечество никогда не отступает.

Оно постоянно движется вперед.

Окончание следует

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Живые отзвуки

На титульном листе этой небольшой скромной книжечки под названием «Путешествие Сергея Городецкого в Батум»¹, помимо фамилий трех ее авторов, стоит название издательства «Бескорыстное служение искусству», а также дата — 1919 год и указание города, где она вышла — Тифлис. Однако подобного издательства в Тбилиси не существовало ни тогда, ни позже, а книжечка — одновременно и розыгрыш, и литературная пародия — плод совместного творчества тифлисских литераторов Бориса Корнеева, Юрия Дегена и художника Сигизмунда (Зиги) Валишевского.

Появлению ее на свет предшествовал ряд событий.

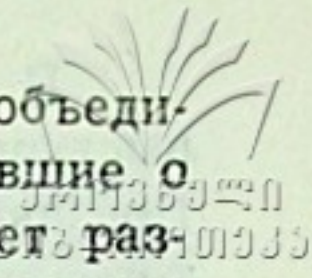
В 1917—1920 годах художественная жизнь столицы Грузии отличалась небывалым подъемом и разнообразием событий. Гонимые вихрями революции и гражданской войны, в Тбилиси, который тогда назывался Тифлисом, оказались многие представители российской творческой интеллигенции: поэты С. Рафалович, А. Крученых, В. Каменский, Е. Кузьмина-Караваева, художники С. Сорин и С. Судейкин, композиторы Н. Черепнин и С. Корона. Все они активно участвовали в художественной жизни города. В конце 1917 года поселился в Тифлисе и Сергей Митрофанович Городецкий, который в начале 1916 года в качестве корреспондента одной петербургской газеты был откомандирован на Кавказский фронт.

Ко времени его приезда культурная жизнь Тифлиса достигла невиданного размаха и интенсивности: устраивались многочисленные художественные выставки всевозможных направлений — от верного традициям салонного академизма Кавказского общества поощрения изящных искусств, выставок национальных школ живописи (грузинской и армянской) до

---

¹ Приношу мою благодарность Л. Н. Склифасовскому, предоставившему мне возможность ознакомиться с этим изданием, и опубликовать сведения о нем.

футуристических выступлений. Возникали различные объединения литераторов и поэтов, широковещательно заявлявшие о себе и своих идеях. Росло количество журналов и газет различного направления, что придавало художественному климату города разнообразие и широту интересов.

В эту бурлящую среду сразу же по приезде окунулся и Сергей Городецкий: начал сотрудничать в газете «Кавказское слово», редактируя отдел «Искусство и литература», в котором регулярно появлялись его литературно - художественные и критические статьи. Помимо этого Городецкий принимал участие в издававшемся в 1918—1919 годах журнале «ARS». Круг его интересов был чрезвычайно широк: он выступал как поэт и художественный критик, был председателем секции «Старый Тифлис», занимавшейся вопросами пропаганды старины и охраны памятников архитектуры, принимал участие в организации «Цеха поэтов» по образцу петербургского. В свою деятельность Городецкий вносил тот же дух полемичности и задора, которыми отличались события художественной жизни Петербурга накануне революции.

Свое идейно-эстетическое кредо Городецкий изложил в журнале «ARS»: «В смысле эстетических верований мы будем держаться основного русла нового русского и европейского искусства», — писал он, имея в виду направление, определявшееся журналами «Золотое Руно» и «Мир искусства». И хотя автор этих строк заверял, что «все новаторы в области искусства будут нами приветствоваться в меру серьезности и строгости их исканий», тем не менее, он так и не смог воспринять футуризм, что послужило поводом для расхождения между ним и рядом литераторов, которые вышли из руководимого им «Цеха поэтов» и организовали свое общество «Кольчуга». К их числу принадлежали Юрий Евгеньевич Деген — поэт, критик, редактор журнала «Феникс», и Борис Иванович Корнеев — критик, поэт и журналист. Оба они придерживались более радикальных взглядов как в своей творческой практике, так и в дискуссиях о путях развития искусства, занимавших много места на страницах тифлисской печати. Эстетические вкусы и пристрастия Городецкого казались им уже недостаточно прогрессивными, а его стремление выступать в роли ментора воспринималось ими с иронией и даже с сарказмом. Они не упускали случая подшутить над его внешностью и манерой поведения, и уж тем более благодатной почвой для пародий и насмешек стало его литературное творчество.

В июле 1919 года С. М. Городецкий выехал в Батум, где выступал с лекциями об искусстве и с чтением своих стихов. Поездка была совершена с определенной целью: поправить материальное положение. Батум, объявленный порто-франко¹, стал средоточием богатых негоциантов, банкиров и просто спекулянтов, торопящихся наживаться. Многие из них вкладывали деньги в произведения искусства. Все это так или иначе способствовало оживлению художественной жизни города. Побывавший в Батуме через год после Городецкого, в августе 1920 года, поэт Осип Мандельштам писал: «У Батума есть и высшие потребности, кое-что для души. На Мариинской улице кружок ОДИ — Общество деятелей искусств. Здесь устраиваются смехотворные выставки макулатурных живописцев, скупаемые оптом заезжими греками, а местные эстеты и снобы расхаживают под раскрашенными олеографиями, воображая себя на настоящем вернисаже»².

Эта убийственная характеристика, однако, не соответствует действительности: в городе работали художники-профессионалы, а на выставках ОДИ экспонировались работы уже завоевавших известность мастеров — Б. Фогеля, С. Валишевского.

Возвращаясь в Тифлис, Городецкий поместил в батумской газете «Наш край» небольшую заметку, где выражал благодарность городскому управлению и всем доброжелательно принимавшим его батумцам. Эта заметка и послужила поводом для создания книжечки-пародии.

В предисловии «От издательства» авторы сообщают, что слова поэта (имеется в виду С. М. Городецкий) «бескорыстное служение искусству» они взяли как девиз своего издательства. «Сергей Городецкий — отличнейший поэт, он многое дал и многое еще может дать — продолжают издатели. — Нужно только поддержать его, нужно только не забыть своевременно дать ему то живительное и чудодейственное, имя коему — реклама! И мы это делаем, делаем бескорыстно, не щадя своих сил и затрат, делаем ради искусства! (...) Скромнейшему из скромных посвящаем мы свою первую книгу!»

Далее под видом письма Городецкого в редакцию батум-

---

¹ Порт, или приморская область, пользующиеся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

² О. Э. Мандельштам. Батум. «Литературная Грузия», 1987, № 9, с. 21.

ской газеты «Наш край» помещена «Страничка автобиографии». Вот некоторые выдержки из нее: «...Уезжая из Батума, не могу не просить Вас разрешить мне со страниц Вашей газеты поблагодарить этот город, в котором сердце такое же горячее, как и солнце, за то радушное внимание, которым я был обласкан здесь. Я благодарю общество деятелей искусства ОДИ в целом и по секциям за ряд вечеров, которыми оно почтило мое присутствие, (...) администрацию театра Шмаевского за бескорыстное служение искусству; наборщиков его же типографии за сверхурочную работу во время спешной заготовки афиш; (...) владельцев Махинджаурских парков, позволявших мне рвать цветы охапками и писать этюды на их террасах; хозяев всех кафе в порту и на Греческой улице. без любезности которых я не мог бы работать с таким удобством на этюдах; девушек и детей, которые мне приносили цветы, и всю чуткую внимательную батумскую публику.

Не могу также не выразить своего удовольствия английскому командованию, батумскому областному и городскому управлению за порядок в городе и окрестностях, давший возможность мне безопасно бродить по ночам между Батумом и Махинджаурами, наслаждаясь симфониями двух полнолуний».

Своеобразным комментарием к этому должны были послужить «Записки очевидца», написанные Борисом Корнеевым: ...«На мою долю выпало счастье быть очевидцем пребывания Сергея Городецкого в Батуме. Картина историческая. (...) Я уверен, что только три события неизгладимо сохранит моя память: первые дни революции в Петрограде; вход Господень в Иерусалим и приезд Сергея Городецкого в Батум. (...) Типографии работали целые ночи, печатая афиши к предстоящим лекциям поэта. Театры забродили новыми идеями, и бескорыстное служение искусству стало единственным девизом батумцев».

Патетически-возвышенный стиль «Странички автобиографии» намеренно обыгрывается в «Записках очевидца». Их автор стремится говорить об обычных вещах с гипертрофированной серьезностью, достигая, тем самым, комического эффекта: (...) «Письмо Городецкого, появившееся в батумских газетах, немедленно было передано по радио сильнейшего напряжения в Париж и Лондон, где состоялись в связи с этим грандиозные манифестации. (...) Батумская Городская Управа собирается объявить конкурс по изготовлению проекта памятника поэту, который предполагается воздвигнуть на Греческой улице,

сама же улица будет переименована в Проспект Сергея Городецкого». Завершаются «Записки» минорной нотой: «Теперь жизнь в городе снова входит в будничную колею. Праздничный угар проходит и налицо уже признаки отрезвления... А по вечерам на пляже тихо тоскует одинокая особа с двумя полнолуниями, вспоминая, как угасшую мечту, милого поэта».

Наконец эпилогом этому веселому «действию» служило стихотворение Юрия Дегена «Элегия батумцев», пародирующее утонченную форму сонета. «Элегия батумцев», как и «Записки очевидца» — это скорей веселая насмешка, чем злая ирония:

...Еще мы помним меж зубоз
В мечтах окуренную трубку,
Твой взор, что говорил без слоз,
И руку, емкую, как губку.
Но все же помним, о матрос,
Всего мы больше длинный нос!

Эта особенность внешности поэта постоянно давала повод к дружеским шаржам и веселым шуткам. Не остался в стороне и художник Валишевский, который снабдил книжечку 8 рисунками, иллюстрирующими некоторые фразы из «Странички автобиографии». Пожалуй, именно эти иллюстрации придали книжке неповторимый характер лукавой иронии и озорства, что было присуще многим карикатурам и шаржам этого художника, о котором, к сожалению, знают сейчас немногие.

Сигизмунд (Зига) Владимирович Валишевский родился в Петербурге в 1897 году. В начале нынешнего столетия семья переехала в Батум, где восьмилетний мальчик начал учиться в художественной школе. Продолжил свое художественное образование в Тифлисе, а затем, после переезда семьи в Польшу, — в Кракове и в Париже. Необычайная талантливость юноши сразу же привлекла к нему внимание. В числе его первых педагогов были известные тифлиские художники Н. В. Склифасовский и Б. А. Фогель. Деликатно и заботливо они пестовали его талант. Городецкий-критик прозорливо разглядел его самобытный дар и старался помочь ему советами и доброжелательной критикой, предостерегая от столь свойственного молодым «разменивания по пустякам». Их личные взаимоотношения носили характер дружественного, ироничного подтрунивания и сопровождались веселыми розыгрышами и ост-

роумными карикатурами, которые мастерски и живо рисовал Валишевский. Современников восхищала твердость руки и виртуозность линии в его рисунках: «Впечатление было такое, что для него рисовать было так же необходимо и естественно, как птице петь... Его рука (...) легко и непринужденно фиксировала окружающий мир», — писала дочь художника Склифасовского, соученица Валишевского по художественной школе.

Острая наблюдательность, меткий глаз и «быстрый карандаш» позволяли художнику, даже шаржируя, легко схватывать внешнее сходство, умело обыгрывать неординарные черты лица, зорко выделяя то сугубо индивидуальное, что присуще было личности. Особенно удавались художнику быстрые наброски, кроки, безошибочно сделанные линейным рисунком. В такой же манере, пером, жестковатым и прихотливым контуром сделаны и рисунки к книжке «Путешествие Сергея Городецкого в Батум». Искрящиеся весельем и озорством, они послушно следуют за текстом, являясь лишь его иллюстрацией. Пожалуй, самый интересный из них — это «Портрет Сергея Городецкого в целом и по секциям», где обыгрывается такая деталь, как увесистый нос. Скупым линейным абрисом в сочетании с живой «бегущей» линией создаются выразительные и забавные картинки, воспроизводящие отдельные события пребывания поэта в Батуми.

Книжка «Путешествие Сергея Городецкого в Батум» — это не только литературная пародия, но и своеобразный дружеский шарж, где остроумно высвечены некоторые человеческие слабости литературного оппонента авторов. Изданная очень небольшим тиражом, книга сразу же стала библиографической редкостью. Особая ценность ее заключается в том, что она доносит до нас живые отзвуки художественной жизни Тбилиси того времени.

В последнее время благодаря гласности стали известны факты, документы, статистические данные о реальном положении народов, живущих в различных регионах Советского Союза. Опираясь на эти более или менее объективные данные, Т. Мирианашвили проводит параллель между положением нацменьшинств в Грузии и в других республиках.

Фрагменты этого исследования, опубликованного в прошлом году в одной из самых многотиражных республиканских газет «Ахалгазрда ивериэли», мы и предлагаем вниманию нашего читателя. Кстати, ни в Абхазии, ни в бывшей Южной Осетии никто на эту публикацию так и не откликнулся, хотя всегда они выступают решительными оппонентами грузинской прессы.

Тэмо МИРИАНАШВИЛИ

Мы, абхазы и другие...

Пики «абхазской проблемы», повторяющиеся с удивительной цикличностью, приходится на 1957, 1967, 1978 и 1988-89 годы. Раз в десять лет на северо-западе Грузии происходят события, организаторы которых стремятся убедить как советскую и зарубежную общественность, так и население нашей республики в том, что абхазский народ -- жертва порабощения и угнетения со стороны численно превосходящих его в сорок раз грузинских оккупантов.

Между тем, как свидетельствуют документальные данные, исторически Абхазия всегда была частью Грузии, полностью

грузиноязычной являлась и ее средневековая культура, абхазская православная церковь в течение полутора тысяч лет находилась в подчинении патриаршества всея Грузии. Не существует также ни самого исторического факта порабощения, аннексии Абхазии Грузией, ни национально - освободительной борьбы абхазского народа против грузинских завоевателей. И наконец, что самое главное, грузины для Абхазии — народ-абриген.

Теперь об угнетенности абхазов. В 60—70 годы не публиковались цифры, которые ныне благодаря гласности обнаружены в республиканской прессе (к сожалению, пока только в республиканской, ибо центральная хранит по этому поводу молчание) и убедительно свидетельствуют о том, какими привилегиями в действительности на территории этой автономной республики пользуются абхазы во всех сферах общественной жизни.

Естественно возникает вопрос: в чем причина их стремления войти в состав Краснодарского края? Можно допустить, что в РСФСР национальные меньшинства находятся в лучших условиях. Но до самого последнего времени мы фактически ничего не знали об этом и, следовательно, не могли сравнить положение абхазов (а также осетин и других национальных меньшинств, проживающих на территории Грузии) с тем, как жили «нацмены» в РСФСР, а также в других республиках Советского Союза. Нам были доступны лишь стандартные клише об их «счастливой жизни в единой, братской семье народов», о невиданном расцвете их «национальных по форме и интернациональных по содержанию» культур и т. д. и т. п. А вот абхазы в застойную пору, заявив о своей «национальной трагедии», проводили демонстрации и митинги протеста, за что, как ни странно, никто не подвергал их наказаниям, пресса даже тех лет уделяла немало места на своих страницах «справедливым требованиям» протестующих. О «притеснении» абхазов говорил в 1978 году с высокой трибуны и секретарь брежневского ЦК И. Капитонов.

Этим пропагандистским приемам, разумеется, никто не верил. Но поскольку почти ничего не было известно об истинном положении «нацменов» в других республиках и этническая картина в стране в целом оставалась неясной, дать верную разгадку абхазского синдрома было трудно. Хотя близкие к истине мнения высказывались и тогда, но и они не содержали всей правды. Посему моя задача, опираясь исключи-

тельно на факты, показать, каково этническое положение во всех регионах Советского Союза. А так как все познается в сравнении, читатели смогут сами рассудить, сколько справедливо, цивилизованно и гуманно отношение правительства Грузии, грузинского народа к национальным меньшинствам в нашей республике. Надеюсь также, что в ходе этого сопоставления прояснится и подлинная ситуация в Абхазии.

Итак, за последние два-три года стали доступными многие материалы — исторические документы, различные по форме и объему статьи, исследования, публичные выступления людей, пользующихся заслуженным авторитетом, в которых более или менее объективно обрисована обстановка, создавшаяся в стране — в ее регионах, республиках... Так что теперь есть возможность составить более полное представление о положении как коренных народов, так и национальных меньшинств по существу во всех союзных республиках.

Но прежде напомним об утверждении лидеров абхазского движения на протяжении последних десятилетий (в частности, после смерти И. Сталина и Л. Берия — двух «грузинских националистов»), что абхазский народ ведет национально-освободительную борьбу против великодержавной политики Грузии. В связи с этим не может не возникнуть ряд вопросов.

Во-первых, если это действительно национально-освободительная борьба, почему ее участниками никогда не выдвигались и не выдвигаются требования полного суверенитета? Можно возразить, что абхазский народ слишком малочислен, чтобы иметь полную самостоятельность. Но ведь только в Европе насчитывается несколько более малочисленных, чем абхазы, народов, которые всегда стремились к независимости и ныне являются полностью суверенными государствами (Лихтенштейн, Андорра, Монако, Сан-Марино). Если же принять во внимание все население Абхазии, то оно превосходит по численности население десятка таких независимых европейских государств.

Во-вторых, абхазы, как известно, и в пределах Советского Союза не требовали предоставления им статуса суверенной республики. Речь шла лишь об отделении от Грузии и вхождении в РСФСР, в частности в состав Краснодарского края. Требование о предоставлении Абхазии статуса союзной республики впервые было выдвинуто в 1988 году. Однако, если обратиться к «Абхазскому письму», «Лыхненскому воззванию», а также к множеству публикаций и иных выступлений, где, наряду с пафосом единения с Россией, по существу не

содержится никаких требований реального суверенитета в пределах Российской Федерации, не трудно убедиться, что требование создания Абхазской Советской Социалистической Республики — не что иное, как старая борьба с применением новых тактических приемов. Вряд ли движение за переход из состава одной республики в другую правомочно квалифицировать как национально - освободительную борьбу.

Может абхазы надеются в составе РСФСР обрести больший суверенитет, больше политических прав, более благоприятные условия для культурного развития и просвещения, лучшую материальную базу для своего существования?

Но вот, с наступлением гласности, мы наконец-то узнали об истинном положении народов Советского Союза. И тут хотелось бы сказать о впечатлении, которое возникает по мере ознакомления со множеством документов и трудов, посвященных данному вопросу. Лично мне казалось, что я попал в кошмарный мир Кафки. Из всего опубликованного за последнее время о судьбе национальных меньшинств в пределах нашей державы наиболее часто употребляемыми оказались слова: «трагедия», «несчастье», «ассимиляция», «катастрофа», «вырождение».

И хотя, несмотря на обилие публикаций, еще не сказано всей правды о бедственном существовании национальных меньшинств, все же представляется реальным получить более или менее объективную картину этнической ситуации в стране и на этом фоне рассмотреть данный вопрос применительно к Грузии.

Но, анализируя этническую обстановку в Советском Союзе, мы узнаем истории, напоминающие кошмарный сон, становимся свидетелями леденящих душу фактов, знакомимся с ошеломляющей статистикой.

И перед нами предстает мир, где народы куда более многочисленные, насчитывающие сотни тысяч и даже миллионы, лишены буквально всего. Что касается народов, по численности близких к абхазам, то им вообще грозит полное исчезновение, а некоторых фактически уже постигла такая участь. (Напомню, что с 1926 до 1979 года число наций и народностей в Советском Союзе уменьшилось почти вдвое — с 194-х до 101-го).

В одной известной журнальной статье, например, говорится, что многие малочисленные народы на своей собственной земле находятся на положении люмпенов. Факты докажут также, что положение абхазов (как и осетин — жителей Са-

мачабло), если использовать аналогии из древнеримской действительности, соответствует положению патрициев.

УДК 37.01
812.01(01)33

* * *

...В середине июля 1989 г., когда пролилась кровь в Сухуми, я получил майский номер «Нашего современника», который открывался очерком Виктора Астафьева. Поразили меня в нем не столько даже ошеломляющие факты трагического положения малых народов, сколько то, с какой искренней и глубокой болью поведал о них писатель, который немало погрешил против многих народов, в том числе против грузинского.

И вот именно он неожиданно публикует очерк, проникнутый сочувствием и симпатией к малочисленным северным народам — вепсам, эвенкам, хантам. Я думаю потому, что любого нормального человека не может не потрясти зрелище раздавленных, уничтоженных народов, утративших даже инстинкт самосохранения, их стремление спасти свое национальное лицо. Это ведь подавление, уничтожение людей, крушение целых этнических миров, трагические последствия которых для человечества до конца не осознаны, как в свое время не было осознано, к чему в будущем приведет посягательство на природу.

Поэтому я верю, что даже Астафьев возмутился, увидев своими глазами катастрофу малочисленных народностей, живущих в РСФСР, и проникся искренней жалостью к погибающим.

Удручающими масштабами трагедии этих народов можно объяснить парадокс публикации очерка на страницах «Нашего современника» — наиболее консервативного органа, ярого сторонника ассимиляторской политики. Видимо, горестная судьба северных народов потрясла на краткий миг даже членов редколлегии этого журнала и вынудила их отступить от своей позиции.

В. Астафьев начинает с рассказа о судьбе эвенков. Он напоминает, что «путешественники восемнадцатого века за опрятность, живой ум, элегантность называли эвенков «французами тайги» (с. 13).

Так вот, у этих живущих в РСФСР народов, равных по численности абхазам, не осталось ничего!

«И вот они, факты, — пишет В. Астафьев. — При переписи населения в 1897 году эвенков на Крайнем нашем Севере было 70 тысяч, в 1939 году — 40 тысяч, в 1959 году —

29 тысяч, а в 1970 году эвенков при переписи вообще не обозначили никакой цифрой — так она, видать, стыдна и удручающе была, для бравых отчетов непригодна» (с. 14).

В таком же или худшем положении — и другие народы Севера. Начало их трагедии полжили так называемые «первопроходцы», деятельность которых в многочисленных рассказах, очерках, репортажах до последнего времени воспевалась как героическая, романтическая и патриотическая.

Дела, творимые «первопроходцами» и теми, кто двигался вслед за ними, преподносились как великие стройки коммунизма. На самом же деле все их действия были направлены на колонизацию и русификацию огромных территорий Советского Союза, на ассимиляцию коренных народов, хотя В. Астафьев считает случившееся результатом исключительно «административного равнодушия и преступной руководящей безалаберности» (с. 17). Но так или иначе, итог подобной «деятельности» налицо — многие народы и языки исчезли, многие дошли до критической черты.

Знают ли об этом абхазы?..

Но — продолжим чтение очерка. В. Астафьев отмечает, что в одной только Сибири сегодня уже 219(!) водохранилищ. Несмотря на это, строят еще одну — Туруханскую — электростанцию невиданной мощности.

«Топят, жгут, превращают в хлам, в отвалы лесные и всякие иные богатства» (с. 11), «загадили... выжгли жилища, поселки...» (с. 17).

Фактически полностью уничтожена среда обитания коренных народов. Живя в наиболее суровых климатических условиях, они тысячелетиями приспосабливались к окружающей среде. Даже малейшее вторжение в эту изумительную гармонию природы и человека способно вызвать тягчайшие последствия. Но с этим никто не стал считаться. Как пишет В. Астафьев, эвенков не оставляют в покое, даже с этой загрязненной, загаженной земли их сгоняют, вынуждая уходить в горы, на скудные, оголенные земли, где «исчезнет целая древняя народность» (с. 12). Делается это для того, чтобы на земле, где тысячелетиями обитали эвенки, возвести очередное чудовище — электростанцию.

Эти народы лишают всех источников существования. Так, кочевников хантов насильно превратили в земледельцев. Но ведь у этого народа нет для такого занятия соответствующего опыта, навыков, мастерства. Их национальному характеру чужда оседлость. Такая «забота» породила, помимо материаль-

ных, множество тяжелейших бытовых и прочих проблем в жизни хантов. Оказывается, прежде, «во время перекочевки весь гнус в шкурах вымерзал, теперь он терзает не знающих бани и смены белья людей, как нас в окопах когда-то терзала вошь, доводя до отчаяния и бессильной вялости. Бывшие кочевники, изнуренные физически, болеют» (с. 15).

Природа предоставляла этим народам готовое пропитание, им даже не было надобности делать запасы. Олень давал мясо, в изобилии водились дикие животные, рыба, ягоды. После принятия «продовольственной программы» олени стада катастрофически сократились — целые стада сдавали на мясо (олени же, как известно, служат для северных народов не только источником пропитания, без них здесь человеку не прожить, как в пустыне без верблюдов). Отравление рек почти полностью извело рыбу, нет больше и ягод, потому что нет леса... Ядовитые дожди (ведь объектов химической промышленности в этих краях столько, сколько прежде было ягод) уничтожают урожаи картофеля. Местные власти запрещают людям есть отравленный картофель (можно себе представить степень отравления, если даже у советских бюрократов зашевелилась совесть и они запрещают употреблять этот картофель в пищу!), но люди все равно едят его. А что им делать?

Прежде северные народы не знали воровства, пьянства, драк, азартных игр, проституции... Ныне их «просветили», внесли «цивилизацию».

Несмотря на все это, дети у хантов все же есть, однако из другой публикации мы узнаем, что растут они не с ними.

Иначе, как адом, это назвать нельзя. Но власти на этом не успокаиваются. «Коренные народы вынуждены отступать все дальше в горы и селиться в непригодных для жизни местах» (с. 10).

Все вокруг охвачено здесь дыханьем смерти, призрак ее довлеет и над самими малочисленными народами. Говоря о том, что катастрофически редет население Севера, В. Астафьев высказывает уверенность в том, что «итоги переписи населения в отношении малых народов Севера будут обескураживающими» (с. 6).

Он напоминает, что средняя продолжительность жизни коренных народностей Севера Канады 70 лет, «продолжительность же жизни наших северян снизилась настолько, что об этом стыдятся даже сообщать» (с. 19). Писатель ошибается, эта статистика известна. Ниже читатель сможет убедиться, что житель советского Севера живет в среднем 40 лет. Редко кто

дотягивает до 50-летнего возраста. (Как тут не вспомнить абхазских долгожителей!).

Без преувеличения можно сказать, что у этих народов абсолютно все отнято, осквернено и поругано — родина, родной язык, пища, вековые традиции жизни и быта, некогда высокая нравственность. Разорена и опустошена среда обитания, изменен климат, загублен ландшафт. Их вынудили забыть традиционные виды деятельности, ремесла, вторглись в их личную жизнь, наложив ограничения на права супружеской любви. У них забирают детей в интернаты, чтобы оторвать от всего родного, национального. Отнимают даже жизнь. Убивают (или уже убили) целые народы. Им нет покоя даже в могилах, подвергающихся осквернению («Лесным хозяйством уничтожено фамильное кладбище», — с. 22).

Нет, такого кошмара не описывал даже Кафка!

Кто виновник этой трагедии? Астафьев уходит от ответа, кивая на бюрократа — безликого, безымянного, вненационального и бесполого козла отпущения, ну и, разумеется, на Иосифа Виссарионовича. Вот его, и только его, он называет по имени, вновь и вновь осыпая бранью.

Сталин, разумеется, заслуживает самого сурового осуждения (причем грузины имеют на это больше оснований, чем русские), но... факты (документы) свидетельствуют, что при нем средняя продолжительность жизни северян была на 20 (!) лет больше, планомерный и целенаправленный геноцид этих народов начался «во время хрущевской оттепели», в чем также убеждают факты.

Может быть, В. Астафьев преувеличивает, сгущает краски? К сожалению, скорее наоборот, если судить по другим публикациям, посвященным этому вопросу. Русский писатель все же смотрит на проблемы северных народов глазами внешнего наблюдателя. Глубже проникают в суть положения представители самих этих народов, рисующие ужасающую картину трагедии своей родины.

Вероятно, все помнят эмоциональные выступления представителей коренных народов Дальнего Востока и Крайнего Севера М. Монго и Е. Гаер на Первом съезде народных депутатов. Их высказывания почти дословно совпадают с данными астафьевского очерка. Например, Е. Гаер сказала, что «страшнее любой интервенции оказалась для Дальнего Востока интервенция министерств и ведомств». Также полностью совпадают взгляды В. Астафьева, М. Монго и Е. Гаер на бедственное положение в экологии, на продолжительность жизни, упа-

док культуры, образования, забвение традиций. «Дело касается не проблем, — утверждает Е. Гаер, — а того, будут ли вообще существовать эти народы на земле».

14135340

Обширный и интересный материал о положении народов Севера и Дальнего Востока содержится в интервью писателя Владимира Санги («Вопросы литературы», 1989, № 3).

В. Санги по национальности нивх. Он рассказывает о положении двадцати шести коренных народов Севера и Дальнего Востока, характеризуя его словом «катастрофа», которой, по его мнению, охвачены все сферы жизни этих народов. Прежде всего он рассматривает положение этнокультуры, родного языка, образования. И считает, что в катастрофическом положении в этом отношении находятся не только малочисленные народы, но также украинцы и белорусы. «К этим языкам подходили, как к кулачеству, которое надо ликвидировать. И дело порой доходило до настоящего вандализма» (с. 11) «по чьей-то инициативе сжигали учебники» (с. 12).

В. Санги с трудом раздобыл учебник нанайского языка, последний раз изданный в 1953 году. Директор школы спрятал эту книгу. Ликвидация «языков-кулаков» происходит также на уровне детских садов и яслей. Известный чукотский писатель Юрий Рытхэу пишет («Правда», 31 декабря 1983 года), что на Чукотке наказывали нянечек детских садов и яслей, если они осмеливались заговорить с детьми на родном языке. Жгли чукотские и эскимосские книги. Что касается родного языка В. Санги, — то «преподавание нивхского языка сблизполком считает нецелесообразным» (с. 13). Стоит ли удивляться после всего этого, что 20—30-летние представители малочисленных народов совершенно не знают родного языка.

Защита же его означала здесь до последнего времени пссобничество классовому врагу. Поэтому мало кто отваживался на это. Корреспондент в беседе с В. Санги заметил, что местные чиновники всячески преследовали и преследуют родной язык, культуру и что это почти повсеместное явление.

«А я очень хорошо помню те времена, — ответил В. Санги, — ...бурные дискуссии в Союзе писателей Грузии, пламенные речи Георгия Леонидзе, Бесо Жгенти о значении родного языка» (с. 10).

Да, так было. Грузины всегда отстаивали свой родной язык, были примером в этом отношении для других народов, чем и заслужили их уважение. Но приверженность национальным ценностям абхазы и осетины называют «шовинизмом». А «теоретики» их «национально-освободительного движения» де-

лают в центральной прессе заявления о том, что вряд ли нужны и перспективны вообще родной язык и национальная школа. (В утверждении этого особенно преуспел Нафи Джусойты).

А вот нивхи хотят учить своих детей родному языку (с. 12), и будем надеяться, что они, как и другие соседние с ними народы, вернуться в лоно родного языка и родной культуры.

Почти все народы Советского Союза сегодня решительно протестуют против ассимиляторских имперских сил. Я говорю «почти», потому что есть в СССР два народа — абхазы и осетины, которым нравились всегда и нравятся ныне все директивы центра. Если верить им, единственная причина всех бед — «рука Тбилиси».

Автор этих строк однажды уже заявлял в прессе («Ахалгазда комунисти»¹, 30.IX.1989), что там, где Тбилиси действительно в состоянии влиять на ситуацию, национальные меньшинства не только не терпят притеснения, но и пользуются немалыми привилегиями по сравнению с коренным, грузинским населением. На эту публикацию ни абхазские, ни осетинские «теоретики» не смогли ничего возразить, ибо когда дело доходит до фактов, они обычно предпочитают фигуру умолчания. Абхазы и осетины настолько привыкли к своему положению патрициев, что чуть ли не все требуют для себя высоких должностей. Не выполнишь — тут же объявят угнетателем. Давайте с этой точки зрения сравним их положение с положением нацменов России. Предоставим слово В. Санги. «Из традиционных отраслей основная масса населения пополнила ряды занятых неквалифицированным физическим трудом (с 13 процентов до 30-ти) — разнорабочих, грузчиков, уборщиц, истопников и т. д. И надо иметь в виду, что подобного рода занятость — скорее условная, некруглогодичная, причем на одной ставке часто работает по два-три человека» (с. 15).

Знаете, что представляет самую большую, самую страшную опасность для этих народов? Нефть! Нефть — «угроза здесь не только национальным культурам — самому существованию этих народов» (с. 14).

Напомню, что самыми богатыми, процветающими сегодня являются народы тех стран, в недрах которых имеются большие запасы нефти. Для народов же советского Севера именно нефть стала главным несчастьем. И это не удивитель-

¹ Ныне газета «Ахалгазда ивериэли».

но! Ведь им не достается ни одного процента прибылей от ее добычи и продажи, а нефтепромыслы строятся у нас без соблюдения каких-либо норм технической и санитарной безопасности. Для того, чтобы скрыть истинное положение и создать иллюзию благополучия, «в каждой области, крае и автономной республике Севера имеется, как правило, по одной «потемкинской деревне» (с. 16).

Приведу еще несколько высказываний В. Санги, не требующих, по-моему, никаких комментариев.

«У малых народностей, — пишет В. Санги, — отняли самое дорогое — их дом, природу, отторгли от любимой и привычной работы» (с. 23). «По данным Госагропрома РСФСР, промышленное освоение районов проживания народностей Севера вывело из пользования 20 миллионов гектаров оленьих пастбищ, а это — сто тысяч оленей» (с. 15). «Количество оленей на Сахалине за последние десять лет сократилось с 15 тысяч голов до 3 тысяч, а площади оленьих пастбищ сократились вдвое, соответственно уменьшилось число людей, занятых в оленеводстве. И причина сокращения оленей не только в истреблении нефтяниками и газодобытчиками ягельников, но и в том, что по инициативе областных руководящих товарищей олени были выпущены на так называемый вольный выпас в тайгу и на них организовывали настоящую охоту власть имущие товарищи» (с. 17). «Погибли тысячи рек, сотни озер» (с. 20). «Начисто исчезла когда-то полноводная, богатая рыбой река Ичувээм» (с. 18). «Часто жителям поселков приходится ходить на работу за 100—300 км от дома, так как в самом поселке нет никакого производства» (с. 16). В то же время ежегодно приглашают сезонников за десятки тысяч километров — с Украины и других западных областей» (там же). «В 1983—1984 годах средняя заработная плата среди национального населения была равна 26 рублям в месяц!» (с. 17). «Коренное население тайги и тундры даже в своих автономных образованиях оказалось в положении национальных меньшинств» (с. 18). «На 1 января 1988 года население Ханты-Мансийского округа перевалило за 1 миллион 20 тысяч человек, а коренное население уменьшилось до 18 тысяч и составило 1,5 процента. К тому же растет число безработных — место коренных жителей занимают чужаки» (с. 17). «Согласно постановлению 1957 года были построены дома — все типовые, с единственной комнатой и кухней. Живут в таком, с позволения сказать, доме по шесть—восемь человек... К 1988 году ни в одном из 15 автономных образований не было ни одного

села, где могло бы развиваться традиционное хозяйство» (с. 19). «На Сахалине в конце 50-х годов были... восстановлены древние нивхские села... Однако в 60-х годах, во времена печально знаменитого П. А. Леонова, который руководил Сахалинской областной партийной организацией долгих восемнадцать лет, по решению обкома партии эти очень перспективные в промысловом отношении села были волюнтаристски закрыты, а поселение их свезено — с использованием вооруженной милиции — в районный центр (с. 16, 17). Член-корреспондент всесоюзной Академии наук В. Бойко «нашел легкое и простое решение проблем малочисленных народов. Для этого достаточно ликвидировать очаги национального развития, то есть села, языки, культуры... Заранее планируется ассимиляция» (с. 24, 25).

Не удивительно, что в таких условиях достигли катастрофических масштабов отчужденность, бродяжничество, пьянство, агрессивность и очень высокая смертность.

Другой источник социальных бедствий — укрупненные поселки, райцентры, промышленные города, порты, куда в 60-х годах обманом и силой селили эскимосов, нивхов, селькупов, саами и где впоследствии их вытеснили из традиционных видов хозяйственной деятельности. Здесь к вышеназванным бедствиям нужно прибавить безработицу, азартные игры, проституцию, нарко- и токсикоманию (с. 15, 16). «Если в 50-е годы средняя продолжительность жизни превышала 60 лет, в 80-е годы она снизилась на двадцать лет» (с. 19).

«Боже мой, до чего может дойти человек!», — это трагическое восклицание В. Санги — девиз всех публикаций, посвященных народам Севера и Дальнего Востока. А таких публикаций было много. Помимо вышеназванных, можно привести интервью народного поэта Якутии Софрона Данилова («Правда», 19.VIII.1988 г.), статьи Ч. Таксама «Люди на краю земли» («Правда», 2.III.1989 г.), карельского публициста Олега Мишина «Все языки—наши» («Литературная газета», 21.IV.1989 г.), ненецкой поэтессы Любови Наньянги «Белые пятна в географии» («Правда», 19.V.1988 г.), М. Тищенко «Голос или эхо» («Дружба народов», 1988, № 8), Н. Новиковой «Может, этнография поможет?» (там же, 1989, № 7) и другие. Об испытаниях, выпавших на долю малочисленных народов, говорил в интервью газете «Известия» (2.XI.1989 г.) бывший Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов. Но остановимся подробнее на статье карельского публициста Олега Мишина, так как в ней речь идет о положении на-

родов, не входящих в число вышеупомянутых 26-ти, так что в рассмотренных до сих пор публикациях они не упоминались. Это — карелы, ингерманландцы и финны.

В 30-е годы «были закрыты финноязычные издательства, школы. Финский язык прекратил функционирование. То же самое происходит в Карелии». «В 1938 году закрылся Союз писателей Карелии». «Вторая волна репрессий в 50-е годы охватила языки». «В 1939 году на территории области жило 140 тысяч финнов, ныне их численность составляет 16 тысяч. Крайне сожалеем, что приходится объяснять партийным работникам, кто такие ингерманландцы». «Забыты также калининские карелы, численность которых не менее 60—70 тысяч».

О. Мишин приводит цитату из одной ижорской (ингерманландской) публикации на страницах «Литературной газеты» (1 марта, 1989 г.): «Родной язык моих предков — ижорский. Да, я признаю, что у этого языка нет будущего... но нас это не печалит, так как мы знаем, что недалеко пойдём с нашим родным языком».

О. Мишин резко критикует автора этих строк, которого, как его абхазских и осетинских коллег, совершенно не волнует, что абсолютное большинство их соотечественников считает родной язык обременительной обузой. В Осетии (в «Северной» Осетии) молодежь почти начисто забыла родной язык. Очень большая часть абхазской молодежи также не в ладах с родным языком. То же можно сказать о молодых осетинах, живущих в Самачабло. Люди абхазской и осетинской национальности гораздо лучше, чем родным, владеют «нужным», «перспективным» русским языком. Но Чочиев, Чибиров, Джусойты, Гогуга, Озган, Возба молчат об этом. Видимо, судьба родного языка им безразлична...

В связи с требованием расширения статуса Абхазии и Юго-Осетии, отделения этих грузинских земель от Грузии напомним для сравнения, что в Российской Федерации есть народы, обитающие на своей собственной земле и при этом не имеющие вообще никаких автономных образований. К их числу относятся нанайцы, нивхи, саами, селькупы, эвенцы, удэгейцы, ительмены, восточные эвенки, юкагиры и другие.

И еще один, на первый взгляд, незначительный факт: представителей северных народов на каждом шагу подвергают насмешкам, помыкают ими. В. Санги с болью говорит о том, что столь «популярными стали анекдоты о чукчах» (чукчами считают всех северян, как всех южан — грузинами, говорит В. Санги). «Мы обогатили великий русский язык словом «чуч-

мек» (с. 23). «Не существует повседневного, бытового интернационализма» (там же). А между тем: даже сам Чочиев, вождь осетинских сепаратистов, признает (газ. «Коммунист», 15.X.1989 г.), что в повседневном быту осетины не испытывают никакой дискриминации.

К сожалению, не в лучшем положении и гораздо более многочисленные народы. В этом убеждают посвященные им документы и публикации.

* * *

«Ведь это правда, — пишет удмуртский публицист А. Ермолаев (журн. «Дружба народов», 1989, № 5), — что и нынче лишь один из секретарей Удмуртского обкома — удмурт (не первый и не второй), что среди секретарей столичного горкома удмуртов нет. Ведь это правда, что если и выдвигаются руководители из удмуртов, то главным образом бессловесные (благо, таких у нас много). Правда же, что министр народного образования, хотя по анкете она удмуртка, родные слова произносит с трудом, а министр культуры и вовсе не владеет удмуртским... Правда и то, что из пяти вузов республики ни один не возглавляется удмуртом» (с. 160).

Эти данные, думаю, не требуют пояснений, как, впрочем, и тот факт, что среди кандидатов, выдвинутых в народные депутаты СССР по национально-территориальным округам от этой республики, удмуртов нет. «От Удмуртии в Совете национальностей будет представлять всесоюзный министр» (с. 162).

Удмурты принадлежат к древнейшей финно-угорской группе народов (в которую входят также родственные им финны, эстонцы, венгры). Они многочисленнее абхазов и осетин вместе взятых — численность удмуртов составляет 800 тыс. человек, — но можно ли сравнить положение, в котором находится этот народ — носитель древней культуры — с положением абхазов и осетин?..

А. Ермолаев отмечает, что «удмуртский национальный театр (единственный), созданный в 1931 году, до сих пор не имеет своего здания. И не имел никогда». Недавно общественность высказала пожелание, чтобы театр получил наконец собственное помещение, но это предложение не поддержал первый секретарь обкома (с. 160).

Причиной плачевного положения, в котором оказался удмуртский язык, А. Ермолаев считает то, что нет ни одной сферы общественной жизни, где удмуртский язык имел бы приме-

нение. Нет национальных школ, а во многих школах вообще не преподается родной язык и родная литература (там же).

Бедственное состояние системы образования привело к тому, что «у нас все органы массовой информации испытывают острейший дефицит кадров, особенно кадров национальных, из-за этого газеты печатаются на неквалифицированном уровне» (там же).

Упадок, в котором находятся удмуртский язык, культура, народное образование, а также деформация, допущенная в кадровой политике, упираются в то обстоятельство, что удмурты в своей республике составляют всего тридцать процентов. Ее национальный состав «сложился в результате искусственной интеграции... С другой же стороны, до сих пор существует большой приток рабочей силы к нам со всего Союза» (там же). Почти половина коренного населения уехала из Удмуртии. «Жизнь в удмуртской деревне стала невыносимой. И удмурты нынче расселились от Бреста до Владивостока, от Ханты-Мансийска до Душанбе. Ижевск до войны насчитывал менее 200 тысяч населения, нынче благодаря иммиграции в нем 660 тысяч» (там же).

Когда убивают язык и культуру народа, его представителям преграждают доступ к ответственным должностям, некому становится отстаивать интересы нации, которую сгоняют с родной земли, где она обитала тысячелетия, и расселяют на ней чужаков, — это ли не геноцид!

В 50—70-ые годы в РСФСР осуществлялась политика последовательного, целенаправленного геноцида по отношению к национальным меньшинствам.

Для того, чтобы вытравить даже память об удмуртах (и не только о них) как о народе, о нации, стереть следы их пребывания на Земле, и было предпринято наступление на топонимику, которая, по словам А. Ермолаева, исковеркана до неузнаваемости (с. 160). (В частности, когда скончался один из верных брежневцев — Устинов, столица Удмуртии была названа его именем).

Итак, более двух третей народа оказались вытесненными со своей исторической родины. Естественно, возникла опасность постепенной утраты удмуртами, оторванными от родной языковой и культурной стихии, своего национального лица. Для того, чтобы они сохранили национальное самосознание, им необходимо находиться в сфере влияния своей культуры, для чего в диаспорах должны быть образованы землячества.

Каково же в этом отношении положение людей, живущих вдали от родной земли?

«Мы никак не можем добиться того, чтобы удмуртские книги продавались в соседних республиках (Татарская республика граничит с Удмуртской. — Т. М.), а их издания продавались бы в Удмуртии» (с. 161). А. Ермолаев считает, что в соседних республиках они должны иметь «хоть небольшие представительства и культурные центры!».

Но, к сожалению, идея создания землячеств вызвала протест в консервативных кругах России, не была поддержана журналом «Наш современник», а также подобными ему изданиями.

Не подлежит сомнению, что положение удмуртов ужасающее, но хуже всего то, что «кругом бушуют страсти. А у нас — тишь» (с. 160). Этими словами А. Ермолаев начинает свою статью, хотя тут же замечает, что все же «и у нас в последнее время люди как будто «пробуждаются», подтверждением чего ему представляется следующее: «Идет разгвор о том, надо или не надо издавать газету на северном наречии удмуртского языка, надо ли преподавать удмуртский язык как отдельный предмет (наряду с иностранным языком) в школах, в детсадах».

Вообще вся статья удмуртского публициста проникнута крайним минимализмом. Пожелания высказаны весьма скромно, почтительно, осторожно, я бы сказал, даже робко. Тем не менее он всячески старается их нейтрализовать такого рода заявлениями: «Удмуртия — республика, где удмуртов — лишь 30 процентов населения, следовательно, и внимания к нам должно быть на те же 30 процентов» (с. 160).

Это свидетельствует о том, как глубоко проник в душу целых народов за много десятилетий мистический страх, который определенные силы стремятся всеми средствами сохранить. В подтверждение этого А. Ермолаев, в частности, приводит следующий факт: историк В. Гусев высказал на страницах «Удмуртской правды» мысль, что надо выдвигать удмуртов на руководящие должности. За этот «националистический выпад» его подвергли жестокой критике на республиканской партконференции (назвали «экстремистом»). Раскритиковал его персонально и первый секретарь Ижевского горкома партии.

После такой «проработки» В. Гусев, как и другие, ратовавшие за права удмуртов, перестали выступать на подобные темы.

Нет нужды доказывать, что судьба удмуртов — ^{интересное} ^{исследование} ^{всех автоном-} ^{ных образований,} входящих в состав РСФСР.

* * *

Общезвестно, что Казахстан на протяжении десятилетий был одной из самых «смирных», послушных Кремлю республик. Казахская интеллигенция, чиновники всегда льнули к метрополии. К каким последствиям привела такая политика мы расскажем ниже. Думаю, пример Казахстана должен стать поучительным уроком для тех народов, лидеры которых все еще продолжают оставаться на прежних позициях.

Грузии же, благодаря неустанной, самоотверженной (порой скрытой, порой явной) борьбе лучшей части ее интеллигенции удалось сохранить и отстоять духовные ценности нации — ее культуру, традиции, статус грузинского языка как государственного, избежать русификации школы, создать в семидесятые и восьмидесятые годы новые театры, основать журналы и газеты.

В результате этой борьбы в выигрыше оказались и живущие в нашей республике национальные меньшинства, в первую очередь абхазы и осетины. Несмотря на это, их лидеры ведут политику, приведшую к трагедии даже многомиллионные народы.

Но вернемся к Казахстану. Численность казахского народа уменьшилась вдвое, его родина была превращена в «лабораторию интернационализма». В результате искусственной миграции казахи составляют ныне всего одну треть населения республики. В 50-е годы освоение ее целинных земель повлекло за собой экологическую катастрофу, уничтожение аулов, осквернение святынь казахского народа.

Функционирование семипалатинского ядерного полигона превратило громадную часть территории Казахстана в наиболее радиоактивно загрязненную зону в мире. И самое непостижимое в том, что эта трагедия запланированная, рукотворная.

Много бедствий выпало на долю казахского народа, но я начну с того, что наиболее сильно потрясло меня.

В напечатанной «Правдой» (5.III.1987) статье народного писателя Казахстана Абдижамина Нурпеисова с болью говорится о том, что казахи забывают родной язык, но вместе с тем двуязычие признается нормой жизни для национальных республик.

Да, много бедствий терзает казахский народ, масштаб

некоторых из них трудно даже представить себе. «В двадцатые годы, — пишет В. Шубкин, — численность казахов составляла шесть миллионов, после же коллективизации — три миллиона» («Новый мир», 1989, № 4, с. 171). Всего за несколько лет от народа осталась половина!

А теперь о кошмаре, в который превратилась жизнь спасшихся от физического уничтожения.

Выступая на Первом съезде народных депутатов СССР (19.VI.1989), писатель Олжас Сулейменов разговор о семипалатинском полигоне начал так: «Семипалатинская область — земля древних традиций. Здесь рождались великие казахские писатели. Эти долины и горы — наши Ясная Поляна, Михайловское, Тарханы, и именно в этих местах действует атомный полигон». Вначале ядерные взрывы проводились непосредственно в атмосфере, затем под землей, но это не помогло. «12 февраля произошла утечка радиоактивного газа, подобные случаи были и прежде. Можно привести множество случаев, когда у тысяч детей в один и тот же день начиналось кровотечение из носа, головокружение, наблюдались и другие симптомы заболевания крови, в результате чего всех детей приходилось переводить на постельный режим».

Писатель отметил, что ни в одной стране атомный полигон не располагается в такой близости от населенных мест (а тем более столь священных для народа!).

К каким же мерам прибегали власти в течение десятилетий, какова была их реакция на вызываемые атомными испытаниями страшные последствия? «Третье Главное управление Министерства здравоохранения засекретило данные медицинских исследований». Вот и все. Следующее заявление О. Сулейменова позволяет судить о том, как заботятся о населении: «В районах, прилегающих к полигону, за 40 лет ядерных взрывов не построен ни один оздоровительный пункт»...

Такому нет места даже в кошмарных фантазиях Франца Кафки.

И все же слова бессильны в полной мере выразить масштаб трагедии. Люди почти ко всему уже привыкли в наше время и в нашем государстве, но попытаемся на минуту принять близко к сердцу, как свое, горе, обрушившееся на семью честных тружеников — жителей Семипалатинска, о чем рассказала своим читателям газета «Комсомольская правда» (15.V.1989): «Не знал шофер Тальтай и его молодая жена Рымжан, что вместе с покачиванием лампочки под потолком и звоном посуды... к ним в дом приходила беда... Двухмесяч-

ным умер первенец, не выжил второй, уродом родился третий — безруким. Потрясенный отец воскликнул: «Кирипбек» (ущербный). Это слово и стало мальчику именем». Сегодня Кирипбеку 21 год, но выглядит он как 12—13-летний. К сожалению, не один этот юноша так несчастен: «Резко возросли психические заболевания, эмоциональные стрессы, радиophobia, наследственные лейкозы, рак кожи, снижается рождаемость».

До сих пор мы рассказывали только о Семипалатинской области. Может быть, на остальной своей земле казахский народ живет радостной, счастливой жизнью? К сожалению, нет. В журнале «Дружба народов» (1988, № 10) опубликован диалог Тиркоша Джумагельдиева и Владимира Яворского. Казахский писатель называет положение своего народа трагическим, адским.

Писатель Ануар Алимжанов более подробно повествует о трагедии своего народа («Дружба народов», 1988, № 5) в период освоения целинных земель. Иммигранты — «строители коммунизма» перепахали кладбища (снесли даже мавзолей великого казахского поэта), закрыли национальные детские сады, объединили редакции русских и казахских газет, лишили казахский язык всех прав, самовольно изменяют топонимы, объявили игру на домбре (национальном музыкальном инструменте) проявлением местного шовинизма, довели до катастрофического состояния экологию. Что же касается «вековой дружбы», то она выразилась в следующем: по личному указанию Хрущева была изготовлена колбаса «Дружба» — смесь свинины и конины.

В Казахстане дискриминация представителей коренного населения при назначении на руководящие посты и в научной сфере приобрела особенно крупные масштабы. Известно, что до Д. Кунаева только один казах, да и то недолго, занимал пост первого секретаря ЦК республики.

А. Алимжанов задает риторический вопрос: почему в годину столь тяжких испытаний, выпавших на долю нации, культура была такой послушной, такой смиренной, льстивой и заискивающей? На первый взгляд ответ очевиден, но позже мы вновь вернемся к этому вопросу.

В отличие от деятелей культуры, народ, простые казахи не захотели больше терпеть уничтожения своей родины. В середине декабря 1986 года назначение на пост первого секретаря республиканского ЦК человека русской национальности повлекло за собой демонстрации, манифестации, митинги молодежи, столкновения с милицией. За всю семидесятилетнюю

историю Советского Союза казахи были второй нацией, осмелившейся выразить протест путем публичных акций. До того только грузины проводили акции протеста 9 марта 1956 года, 23 июля 1977 года и 14 апреля 1978 года. Замечу здесь же, что акции протеста, осуществлявшиеся абхазами, были направлены не против империи, а посему и не повлекли за собой репрессии.

Казахи же дорого заплатили за декабрьские выступления: в столкновениях с милицией погибло много студентов — лучших представителей казахской молодежи. Многие были арестованы и приговорены к длительному лишению свободы, но несколько человек были расстреляны, в том числе 18-летний Кайрот Рыскулбеков, которого даже солидарность международной общественности не спасла от смертного приговора.

Потолив в крови декабрьские выступления, власти развернули террор не только против непосредственных участников акции, но и против патриотически настроенной интеллигенции, да и вообще всей казахской культуры.

Даже официальная информация (особенно тех лет) дает представление о том, под каким страшным прессом оказался казахский народ, особенно его лучшая часть, после декабря 1986 года.

В иселе 1987 года ЦК КПСС принял постановление «О работе республиканской парторганизации Казахстана по воспитанию трудящихся в духе интернационализма и патриотизма». В нем утверждается, что причина декабрьских событий — чрезмерное преобладание казахов на высоких должностях и в сфере науки, что почти весь народ уклоняется от общественно-полезного труда, что, оказывается, слишком много казахов стремятся получить высшее образование, а казахская литература и культура (проникнутая, как известно, духом космополитизма и манкуртизма) «идеализирует прошлое казахского народа».

За постановлением последовали организационные мероприятия. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Геннадий Колбин в интервью газете «Правда» (24.IV. 1988) слово в слово повторил положения «старших товарищей», возложив вину за декабрьские события в основном на «кадровые деформации», и отметил, что новое руководство республики неуклонно осуществляет ленинскую национальную политику. «Только в прошлом году, — заявил Г. Колбин, — мы уволили 1200 сотрудников Министерства внутренних дел (разумеется, казахов.

— Т. М.) за нравственную нечистоплотность. С такой же мотивировкой освобождены ректоры 12 вузов».

Метрополия все рассчитала точно: верных слуг империи награждает теплыми местечками, а непокорных, то есть патриотов, преследует. Об участи казахских патриотов довольнс подробно поведал секретарь ЦК Компартии Казахстана С. Кубашев («Известия», 12.03.1987). Из этой публикации мы узнаем, например, что бывший ректор одного из вузов успешно трудится рабочим на заводе.

И тем не менее, как это ни странно, культуре казахского народа чужд даже малейший дух протеста, впрочем, как и народов республик Средней Азии (и многих других народов). Она настолько проникнута «чувством глубочайшей благодарности», стремлением изобразить свою родину, свой народ «младшим братом», что даже честно мыслящие русские не в силах скрыть своего возмущения. Так, автор опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (1989, № 9) статьи «Отечественная история в зеркале литературы» — А. Изюмский подверг критике многих казахских и среднеазиатских писателей, произведения которых создают впечатление, что «история взаимоотношений их предков с русскими — это сплошные объятия и поцелуи и больше ничего» (с. 70). «Надо признать, что в работах наших историков (подразумеваются русские историки. — Т. М.) даже в самые застойные времена события эти освещались гораздо более объективно» (с. 76). «Если верить этим писателям, Российская империя была не «тюрьмой народов», как ее называл В. И. Ленин, а «школой народов» (с. 84).

Одна из главнейших причин трагедии многих советских народов — беспринципность, продажность, духовная проституция местных манкуртов — чиновников и псевдоинтеллигентов.

* * *

Мы проследили судьбы стольких поправанных, находящихся на грани вырождения или почти исчезнувших народов, что поистине трудно представить себе еще более ужасную участь. Но то, что испытали народы, испокон веков живущие в западной части Северного Кавказа, по соседству с абхазами и сестинами, представляется еще более беспросветным.

В процессе завоевания этого региона, стремясь сломить сопротивление гордых, свободолюбивых народов Кавказа, русская военщина действовала с особой жестокостью и садизмом. В итоге полностью истреблен целый народ — убыхи, сог-

чано с родных мест и изгнано в Турцию абсолютное большинство (до восьмидесяти процентов!) населения многих народов. Затем, уже в советское время, были пресечены любые контакты оставшихся на родной земле со своими эмигрировавшими соотечественниками. В данном регионе метрополия применяла практику дробления народов (например, адыгейцев разделили на три «народа»: кабардинцев, черкесов и адыгейцев, также разорвали надвое карачаевцев и балкарцев). В сороковые годы некоторые из этих народов были выселены в Среднюю Азию. В плачевном состоянии находятся местная культура, традиции, экологическая же обстановка столь катастрофична, что ее можно сравнить разве что с трагедией Чернобыля, Арала и Семипалатинска. В бедственном состоянии здоровье людей, социальные вопросы. Здесь действует знаменитая краснодарская мафия, прочно утвердившаяся в этих краях в бытность первым секретарем обкома Героя Социалистического Труда Медунова. Именно в медуновскую трясику завлекают абхазский народ его «освободители».

На страницах «Дружбы народов» (1989; № 5) под общим заголовком «Чем является сегодня автономия?» напечатана статья балкарки Фатимы Усубалиевой. Рассмотрим ее основные положения.

«Я хотела бы говорить без перехлеста и обид, требующих немедленного удовлетворения, а также без сугубо местного патриотизма» (с. 169). Начало, как видим, скромное, и в таком же сдержанном, почтительном духе выдержана вся статья представительницы народа, которому трижды меняли алфавит, народа, подвергшегося жестоким репрессиям, народа, который срывали с родных мест и угоняли в Сибирь, что привело к уменьшению его численности в три раза! Пятнадцати тысячам балкарцев до сих пор не разрешают вернуться на родину (с. 169).

«Вторая часть нашего народа — Карачай... В культурном смысле Карачай изолирован от нас, поскольку мы планомерно дружим с Винницей и Липецком, но не имеем никаких контактов (писательских, научных) с Карачаево-Черкесией. Та дружит с Украиной и Болгарией» (там же).

Далее Ф. Усубалиева пишет, что положение этносов во времена царизма было гораздо лучшим. Теперь же балкарцы не имеют возможности даже свободно прописаться на своей родной земле, зато здесь без ограничений укореняются бесчисленные пришельцы с Севера. «По данным социологов, коренные жители республики обеспечиваются работой и жильем

в последнюю очередь» (с. 170). После возвращения из Средней Азии балкарцы не получили никакой компенсации. Они пытаются решить жилищную проблему путем частного строительства, но и тут наталкиваются на запреты. К тому же их стремятся изобразить невосприимчивыми к культуре и, таким образом, оправдать любые притеснения и унижения этого народа. Ф. Усубалиева отмечает, что хотя балкарцы проживают в курортной зоне, их редко можно встретить в санаториях, зато в больницах они составляют большинство. Народ терзают «чахотка, астма, новые болезни... порожденные тем, что вредные выбросы надолго задерживаются в слабо вентилируемых ущельях» (там же). Положение осложняется отсутствием газификации, отопления. Нет ни одной балкарской школы, в Нальчике нет клубов, национальный театр ставит спектакли в здании школы. Молодежь категорически отказывается изучать родной язык, выросло уже два поколения вне родного языка. Радио и телевидение ютятся в одном здании. Одна и та же редакция выпускает журналы на трех языках. «Что касается распределения должностей, то балкарцы вообще на последнем месте — после «и других национальностей» (с. 171).

«Балкарский театр с 1938 года существует без своего здания (на что сетуют, в свою очередь, и кабардинские актеры), без своего режиссера и даже без своего имени. Актеры, не получившие жилья, бастуют» (там же).

У балкарцев нет своего ансамбля песни и пляски, так как молодежь лишена возможности получать музыкальное образование. В республике всего-навсего две музыкальные школы (напомним, что абхазы имеют собственный Союз композиторов).

Ф. Усубалиева подчеркивает, что во всех невзгодах балкарцев повинна исключительно своя же, точнее — местная бюрократия. Возникает вопрос: о какой бюрократии идет речь, ведь балкарцы фактически не занимают административных должностей?

Аналогична участь родственных балкарцам (а точнее, это часть единого народа) карачаевцев. Их также в 1943 году выселили в Среднюю Азию. В «Комсомольской правде» (7.IX. 1989) опубликована статья М. Хабичева и И. Костинского «Долгий след клеветы», из которой явствует, как советская пропаганда фабриковала обвинительные заключения в отношении целых народов, в какой невыносимой обстановке морального, политического и вообще всяческого террора приходилось жить ни в чем не повинным людям.

Поводом к выселению карачаевцев послужило обвинение в том, что они в 1942 году якобы приняли участие в убийстве воспитанников и воспитателей детского сада. В 1943 году М. А. Суслов, занимавший в то время пост первого секретаря Ставропольского краевого комитета партии, заявил: «Мы выжили карачаевцев из горных ущелий. Теперь надо выжить отсюда их дух».

Во-первых, если даже действительно четверо карачаевцев вместе с немцами приняли участие в убийстве детей-сирот, разве можно было за это подвергать наказанию весь народ (приблизительно 100 тысяч человек)? Но ведь нет никаких доказательств того, что хоть один карачаевец принял в этом участие. И несмотря на это, в нескольких километрах от города Карачаевска до последнего времени висела гранитная мемориальная доска с такой надписью: «На этом месте немецко - фашистские завоеватели и их местные приспешники зверски убили воспитанников и воспитателей Евпаторийского детского дома».

В журнале за публикацией Фатимы Усубалиевой следует статья адыгейского ученого Налби Куйока, первая треть которой проникнута оптимизмом и чувством благодарности. По словам Н. Куйока, если еще совсем недавно адыгейский язык вообще не изучался, то нынче почти в каждой школе есть классы, где обучают родному языку, проводятся дни родного языка, устанавливаются контакты с живущими за рубежом адыгейцами, численность которых достигает трех миллионов. «Все это факты перестройки в нашей маленькой автономии» (с. 172).

Читая эти строки, поражаешься, как легко центру удалось завоевать сердца многомиллионного адыгейского народа (в Советском Союзе их свыше полумиллиона, то есть примерно в шесть раз больше, чем абхазов). Стоило лишь разрешить преподавание в некоторых классах (не во всех!) родного языка, проведение раз в год дня, посвященного ему, и не препятствовать связям с соотечественниками, живущими за рубежом, чтобы сердца адыгейцев преисполнились благодарностью.

Испытывает ее и адыгейский ученый. Он только вскользь замечает, что на Северном Кавказе уничтожают все, связанное с коренным населением, что отметили 150-летний юбилей Сочи и Туапсе, хотя история этих городов насчитывает почти две тысячи лет.

Одно из главнейших требований абхазов — изменение тысячелетних грузинских топонимов. В так называемой Южной

Осетии многие грузинские топонимы изменены и искажены. А на Кубани есть станица Засская в память о садисте-генерале Зассе, обладателе богатой коллекции черепов представителей коренных народов, которыми он украшал ограду двора. Желающие могли за десять рублей приобрести у него череп «дикаря».

«Но сегодня мы не вспоминаем об этом» (с. 173), — грустно замечает Н. Куйок. Почему не вспоминают? И как может быть благодарен судьбе автор, в статье которого, в частности, говорится: «Кабардинцы, черкесы и адыги — одна этническая группа, это один народ с единым языком. Родители у нас одни, и все мы по праву издревле называли себя адыгами. Исторически так сложилось, что, составляя все вместе около полумиллиона человек, оказались разделенными натрое: на автономную республику (Кабардино-Балкарскую. — Т. М.), и две автономные области (Карачаево-Черкесскую и Адыгейскую — Т. М.). Писатели от одной матери создают три литературы: кабардинскую, черкесскую и адыгейскую. На двух алфавитах! Их разделяет расстояние в несколько часов езды. Их соединяют строго регламентированные официальные дни и декады — один раз в 3, 5 и 10 лет. Я, как и вы, не политик... и не знаю, что и как сделать и возможно ли сделать так, чтобы адыги как целостный народ могли с твердой надеждой смотреть в будущее. Как сделать так, чтобы можно было хотя бы координировать научные изыскания по изучению истории своего народа» (с. 173).

Как же должна быть растоптана, скована паническим страхом интеллигенция, чтобы не сообразить, что требуются народу, раздробленному на три административных единицы, три литературы и две письменности!

Зададимся еще раз вопросом, неужели абхазы не знают о положении адыгейцев? Или им вовсе неизвестно, что все в мире относительно и что по сравнению с адыгейцами племя апсуа, можно сказать, живет в благоденствии?..

А Н. Куйок, между тем, пишет: «Я уже говорил о катастрофах, постигших народы. Если город горит и миллионы людей заняты тушением пожара, кто-то может больно толкнуть тебя. Стоит ли из-за этого затевать ссору! Боль пройдет через минуту, а город может погибнуть» (там же).

Выходит, у северокавказцев прошла боль, вызванная геноцидом, будет предпринято все для того, чтобы спасти «город», то есть прогнившую империю. Но ведь в результате такой политики они окажутся под развалинами...

У абхазского писателя Баграта Шинкуба есть роман «Последний из ушедших», посвященный трагедии убыхского народа, который, как известно, был полностью уничтожен. Сегодня в Турции живет последний убых Тевфик Эсенчи. Сыновья его совершенно отуречились, так что вместе с Тевфиком Эсенчи умрет уникальный убыхский язык, насчитывающий 62 согласных звука.

Когда Б. Шинкуба подписывал так называемое «Абхазское письмо», в котором абхазы названы самым несчастным народом, не вспомнилась ли ему хоть на минуту участь соседних родственных народов? И не испытал ли он при этом угрызения совести?..

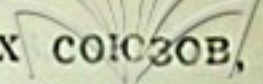
Как известно, на Кавказе всего пять автономных республик, причем три из них федеративные, то есть в них объединены два и более коренных народа (кабардинцы и балкарцы, чеченцы и ингуши, дагестанские народы), и только два народа имеют обособленные автономные республики. Это абхазы и осетины (причем, осетины имели еще и автономную область на грузинской земле). Войдя в состав Российской Федерации, Абхазия в лучшем случае получила бы статус автономной области, к тому же федеративной (обособленная автономная область на Кавказе есть только у адыгейцев, намного превосходящих абхазов численностью. Автономная область была также у осетин) или же стала бы национальным округом в границах Гудаута, а то и вовсе оказалась бы вне какой бы то ни было административной автономии, как их ближайшие родичи — абазины и многие другие народы.

В составе Российской Федерации абхазам вряд ли удалось бы избежать дробления на несколько (как минимум на две) единиц — на «очамчирцев» и «гудаутцев», которым (опять-таки по аналогии с их соседями) создали бы два разных алфавита, и, подобно кабардинцам-черкесам-адыгейцам и карачаевцам-балкарцам, абхазы, говоря на одном языке, не смогли бы прочесть написанное друг другом. (См. об этом статью А. Кумахова, «Литературная газета», 27.XII.1989).

Напомню еще, что абхазы, составляя 18 процентов населения автономии, занимают более 40 процентов ответственных должностей. Адыгейцы, черкесы, балкарцы, карачаевцы в своих автономиях насчитывают примерно такой же процент населения, но занимают непропорционально малое количество ответственных должностей.

Народ, численность которого не достигает и 100 тысяч, не имел бы в РСФСР ни университета, ни научно-исследова-

тельских учреждений, ни всевозможных творческих союзов, ни столько журналов и газет, издательства, телевидения, благоустроенного, прекрасно оснащенного театра. В плачевном положении оказалась бы их культура, национальные традиции. Абхазов вообще могли загнать в Среднюю Азию и стереть самую память о них в Абхазии. В лучшем случае, сегодня они боролись бы за внедрение «адыгейского опыта», то есть пытались бы ввести обучение абхазскому языку в некоторых классах некоторых школ, получили бы право проводить раз в год день родного языка и осуществлять периодические контакты с живущими в Турции абхазами. Кроме того, как отмечалось в прессе (особенно в «Литературной газете»), в Краснодарском крае, куда абхазы хотели войти в качестве автономии, в результате продолжительного преступного правления Медунова создалась тяжелейшая экологическая, социальная и криминальная ситуация.

Как пишет известный публицист Аркадий Ваксберг («Литературная газета», 12.XI.1980, 28.X.1987, 23.XII.1987, 5.IV.1989), пользовавшаяся покровительством Медунова мафия держала в страхе все население края. О масштабах преступности свидетельствует такой факт: после смещения Медунова осуждено 150 сотрудников краевого и городского комитетов, в том числе лица, занимавшие высшие должности.

Чтобы добиться максимального перевыполнения плана, Медунов и его сподручные применяли ядохимикаты в чудовищных размерах, что привело к катастрофическому росту в Краснодарском крае заболеваемости злокачественными новообразованиями, а также других недугов, в том числе детского облысения.

Лидеры абхазского и осетинского движения отлично знают, к какой пропасти толкают свои народы. В заседании круглого стола, организованного журналом «Дружба народов» на тему «Что есть нынче автономия?», принял участие один из наиболее агрессивно настроенных абхазских грузинофобов — писатель Алексей Гогуга. Он своими ушами слышал выступления представителей многих автономий, их горькие жалобы на тяжелое положение своих народов. Был и свидетелем рассуждений представителя всесоюзного ЦК Льва Шишова об ограниченности умственного потенциала нацменов и необходимости продолжения великодержавной миграционной политики. Однако ни А. Гогуга, ни духовный отец осетинских грузинофобов Нафи Джусойты (также участник этого круглого стола) ничего не возразили в ответ на это шовинистическое выступление.

Круглый стол открыл заместитель главного редактора журнала Леонид Тер-Акопян, одному из первых предоставивший слово А. Гогуа, как сыну народа-мученика. Начав с восхваления и цитирования Ленина, он стал затем перечислять «несчастья», которые приходится терпеть абхазскому народу по вине грузин.

Оказывается, мы объявили грузином «абхаза» — философа Иоаннэ Петрици, который в источниках упоминается как абхаз (А. Гогуа, естественно, «забыл», что этноним «абхаз» изменил свое значение, что в зарубежных средневековых источниках грузин часто именуют абхазами. «Забыл» он и то, что Иоаннэ Петрици родился в Самцхе, деятельность его протекала в грузинских монастырях, писал и переводил он по-грузински, и с абхазами-апсуа его ничего не связывало). Далее, по словам А. Гогуа, грузины присваивают образцы абхазской архитектуры, но то, что эти памятники воздвигнуты грузинами, подтверждают многочисленные исторические документы. Обвиняет абхазский писатель грузин и в том, что они не признают «теорию», объявляющую абхазов вообще наиболее древним народом на Земле, обладателем величайшей культуры. Между тем, эту теорию профессора Турчанинова, как известно, все солидные ученые всерьез не принимают. По нашей вине, как выясняется, абхазы забыли свою древнейшую письменность (А. Гогуа не уточняет, каким образом нам удалось это сделать).

Перечисление этих фактов А. Гогуа подытоживает следующими словами: «На одном примере Абхазской автономной республики видно, к каким трагическим последствиям ведет такое, с позволения сказать, решение национального вопроса» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 158).

Затем оратор обвиняет «шовинистические круги» Грузии в том, что они превратили «Абхазию в одну из тех республик, где сталинский террор приобрел особенно крайние формы» (с. 158). Но ведь мы знаем, какая участь постигла народы, на которых распространился «особенно крайний» террор. Их численность сократилась вдвое, втрое, они оказались за тысячу километров от родной земли.

Если верить А. Гогуа, по приказу Тбилиси были закрыты абхазские школы, хотя, как известно, абхазских школ, то есть школ с преподаванием на абхазском языке никогда не было; Сталин и Берия «поселили в Абхазии более двухсот тысяч грузин из других районов Грузии» (там же). Выходит, что всех грузин поселил в Абхазии Берия, и в том числе своих

родителей — коренных жителей Абхазии. Далее А. Гогова без каких-либо доказательств обвиняет Тбилиси в доведении абхазской культуры до шокового состояния и в фактическом упразднении автономии.

Таков арсенал обвинений, повторяемых абхазскими провокаторами на различных всесоюзных форумах и в прессе. Но они не могут привести ни одного сколько-нибудь убедительного аргумента, подтверждающего, что Грузия угнетает Абхазию, и несмотря на это категорически требуют отторжения ее от Грузии. При этом нисколько не считаются с волей грузинского народа, издревле жившего в Абхазии, создавшего здесь уникальную культуру и составляющего ныне почти половину населения.

Вслед за Гогова о положении своих народов говорили представители других автономий, нарисовавшие картину поистине трагической судьбы своих народов, по сравнению с которыми абхазы просто народ-счастливчик.

Последним из представителей автономий выступил Нафи Джусойты. В опубликованном в конце 1988 года «Открытом письме Т. Кванчилашвили» он обвинил грузин в притеснении и преследовании осетин на том основании, что им сменили письменность (напомним, что письменность нескольким десяткам советских народов изменил центр) и упразднили школы (что касается школ и вообще языка, культуры, южные осетины находятся в гораздо лучшем положении, чем северные и другие нацменьшинства, живущие в России).

Кто поверит, что тбилисские власти были вправе в 30—40-ые годы решать, какому народу на каком языке учиться и каким алфавитом пользоваться!

На этот раз Н. Джусойты начал свое выступление словами: «Я так понимаю смысл нашей встречи: обрисовать специфические черты неблагополучия в литературах автономных республик» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 175).

Между тем предмет обсуждения — «Чем является сегодня автономия?». То есть суть разговора — политическое, экономическое, социальное, этническое, культурное положение автономий. И никто из ораторов, выступавших до Н. Джусойты, ни слова не сказал о специфических вопросах литературы. Перенеся вопрос в эту плоскость, далее он сказал: «Не вижу необходимости перечислять все наши беды и обиды» (с. 175). Назначение этой фразы понятно: поскольку Н. Джусойты не смог привести фактов «бед и обид», причиненных осетинам грузинами, то и создал впечатление, будто не желает ка-

саться этой теме. Но вскользь все же упомянул о замене осетинского алфавита, ликвидации национальных школ, хотя теперь уже вообще обошел вопрос о том, от кого и откуда происходили эти «реформы». Отметил и то, что в сельских школах, «вопреки воле Хрущева» (с. 176), постоянно преподавался осетинский язык. Но и тут не уточнил, что речь идет только о южно-осетинских сельских школах.

Заявил он и то, что «национальная литература и театр остались без читателей и без зрителей» (там же). Но уж в этом осетины не могут обвинять грузин, безусловной заслугой которых как раз и является то, что в «Южной Осетии» имеются Союз писателей, издательство, театр, выходят литературные журналы.

Н. Джусойты признал, что «база развития осетинской национальной культуры уничтожена самими же осетинскими чиновниками» (с. 175), хотя в открытом письме Т. Кванчилашвили он же в «уничтожении базы развития осетинской национальной культуры» обвинил грузин.

По его мнению, в Юго-Осетинской области, наряду с русским, необходим и осетинский язык. Грузинский же считает ненужным.

Подобные мысли Н. Джусойты не раз высказывал во все-союзной прессе. На страницах журнала «Вопросы литературы» (1988, № 7) была опубликована его статья «Что такое родной язык писателя?», в которой проводится мысль о том, что все писатели, какой бы национальности они ни были, должны писать по-русски, что разговоры о долге писателя перед родным народом и родным языком — излишний и совершенно ненужный сентиментализм. Можно без преувеличения сказать, что на сегодняшний день во всем Советском Союзе Н. Джусойты — наиболее убежденный апологет манкуртизма и русификации. Он восхваляет всех писателей — представителей национальных меньшинств, которые пишут по-русски. О себе же заявляет следующее: «Пиши я по-русски или по-грузински, мне было бы совершенно безразлично, считали бы меня осетины своим писателем или нет» (с. 44).

* * *

Итак, ознакомившись с положением народов в различных регионах Советского Союза, обратимся к тому, как живут абхазы, о бедах и невзгодах которых сказано и написано больше, чем обо всех других народах, вместе взятых. Во все-союзной прессе стараниями абхазских, а также некоторых рус-

ских ученых, писателей, журналистов, официальных государственных деятелей и неформалов они предстают самым несчастным народом в Советском Союзе, народом-мучеником.

Представители противостоящих друг другу политических сил России проявляют поразительное единодушие в вопросе поддержки «справедливых требований» абхазов, а в последнее время — и осетин, причем только южных, хотя, думается, им следовало бы обратить свои взоры на действительно угнетенные, деградирующие, вырождающиеся народы, живущие в РСФСР.

Спрашивается, почему явных и скрытых сторонников великодержавной имперской политики на протяжении десятилетий так волнует судьба абхазов? Какими конкретными доказательствами их угнетенности они располагают?

В последнее время в грузинской прессе неоднократно публиковались статистические данные о положении абхазов в своей автономной республике. Еще раз приведу эти сведения, чтобы читатели сами могли сопоставить их с показателями о других национальных меньшинствах Советского Союза.

По данным последней переписи населения (январь 1989 года), в Абхазии проживало всего 525001 человек, из них абхазов 93267, или 17,1 процента, грузин 239872, или 45,7 процента, армян 76541, или 14,6 процента, русских 74914, или 14,2 процента.

В Верховном Совете Абхазской АССР из 140 депутатов одиннадцатого созыва абхазов — 57, грузин — 53, русских — 14, армян — 9, других национальностей — 7. Президиум Верховного Совета состоит из 6 абхазов и 4 грузин.

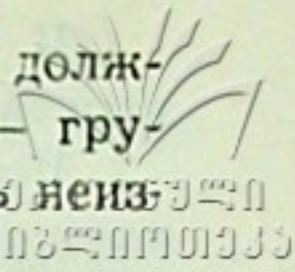
Аналогичная картина и в Советах низшего уровня. Назначая депутатов Верховного Совета двенадцатого созыва, разумеется, прекрасно знали, что согласно переписи 1979 года абхазы в Сухумском районе составляют всего 4,6 процента, а грузины 44 процента, то есть в десять раз больше. Несмотря на это, в Сухумском районе 4 депутата — абхазы, 1 — грузин и 5 — других национальностей.

В Гагра по переписи 1979 года абхазы составляли 8,2 процента, грузины — 25,4 процента. Депутатские мандаты распределены следующим образом: абхамам — 7, грузинам — 6, другим национальностям — 4.

Очамчирский район. Абхазы составляют 39,7 процента, грузины — 43,9 процента. Депутаты: абхазов — 12, грузин — 5, других национальностей — 3.

Такая диспропорция наблюдается в Советах всех уровней.

А как обстоит дело с административно-командными должностями? Из 12 министров Абхазии 8 были абхазы, 3 — грузины, 1 — русский. Эти пропорции по существу остались неизменными до сих пор.

Областной комитет партии. Из 119 членов 52 абхазы, 49 — грузины, 18 — других национальностей. Абхазы составляют приблизительно 40 процентов секретарей районных и городских комитетов и соответственно 28, 40 и 45 процентов заведующих отделами областных, городских и районных комитетов.

Заведующие отделами областных комитетов (всего 7): абхазов — 5, грузин — 2.

Совет Министров Абхазии (всего 27 сотрудников): абхазов — 14, грузин — 10, других национальностей — 3.

Несмотря на то, что в Сухуми абхазы составляют 9,9 процента, а грузины — 38,3 процента (количество коммунистов: абхазы — 17,3 процента, грузины — 52,3 процента), из 84 членов городского комитета абхазов 37 (44,1 процента), грузин — 31 (36,2 процента).

Из 8 секретарей районных и городских комитетов Абхазской АССР абхазов — 4, грузин — 3, русских — 1.

Из 8 председателей государственных комитетов абхазов 5, грузин — 3.

Руководителями государственных предприятий, учреждений, организаций, директорами трестов, управлений Абхазской АССР работают, как правило, абхазы. Исключением не является даже Гульрипшский район, где они составляют всего около двух процентов. Исключением можно считать лишь Гальский район, где абхазов всего 0,8 процента.

Вообще абхазы, составляющие, как известно, менее трети населения автономной республики, занимают почти 45 процентов руководящих должностей.

Нация, составляющая приблизительно 1,5 процента населения Грузии, была представлена в союзном парламенте 8 депутатами, а это 10 процентов депутатского корпуса Грузии. Напомню, что Абхазия делегировала во всесоюзный парламент всего 15 депутатов, то есть 83 процента населения имеет меньше представителей, чем 17 процентов. Хотя численность грузин в Абхазии в два с половиной раза больше, чем абхазов, последние имеют вдвое больше депутатов (грузинское население Абхазии представлено в Верховном Совете СССР 4 депутатами).

И в Верховном Совете Грузии двенадцатого созыва из 440 депутатов абхазов было 14, то есть 3 процента.

Посмотрим теперь, как представлены нацменьшинства в российском парламенте последнего созыва, то есть уже «перестроечном». Только татары имеют 6 депутатов, что составляет 3,5 процента депутатского корпуса. Но татары, насчитывающие приблизительно 7 миллионов, занимают по численности пятое место в Советском Союзе.

Подсчитано также, что из бюджета Абхазской АССР на нужды представителей абхазского этноса расходуется более 60 процентов.

Рассмотрим теперь состояние абхазской науки и культуры. В этой сфере максимально удовлетворены все потребности, какие может иметь народ, тем более столь малочисленный. Множество журналов и газет, издательство, радио, телевидение, благоустроенный театр, различные ансамбли и творческие коллективы, университет, пединститут, научно-исследовательский институт, Союзы — писателей, художников, композиторов...

Возьмем, к примеру, Абхазский научно-исследовательский институт, где из 100 сотрудников всего 6 грузин: научных работников — 3, бухгалтер — 1, курьер — 1, водитель — 1. Но именно директор этого института Владислав Ардзинба больше всех говорит о трагедии абхазского народа.

Как известно, главным поводом для антигрузинских выступлений абхазские провокаторы избрали отделение от университета грузинского сектора, которое было вызвано тем, что на должность ректора на протяжении десятилетий назначались исключительно абхазы; из 4 проректоров 3 абхаза и 1 грузин; из 36 заведующих кафедрами 23 абхаза, 12 грузин. Абхазы составляют абсолютное большинство в ученом совете.

В Советском Союзе по сравнению с другими странами выделяется крайне мало средств на обучение студентов. В наилучшем положении в этом отношении находится Московский университет, где в год на одного студента расходуется в среднем 12 тысяч рублей. Однако за последнее время его значительно обошел Абхазский университет, почти весь бюджет которого расходуется на студентов абхазской национальности.

Абхазы занимают первое место в Советском Союзе по количеству изданных книг на 10 тысяч населения в продолжение всего советского периода. В 1988 году для них этот показатель был равен 4,3 названия на 10 тысяч человек, что в

15 раз больше, чем изданий русской литературы, и в 21,5 раз больше, чем украинской.

Очень большими тиражами издается собственно абхазская литература: на 10 тысяч абхазов — 40 тысяч экземпляров, тогда как на 10 тысяч грузин издается 29 тысяч экземпляров грузинской литературы. По этому показателю абхазы занимают четвертое место в Советском Союзе после эстонцев, русских и латышей.

А в так называемой Южной Осетии, где населения почти в семь раз меньше, чем в Северной, на каждые 10 тысяч человек выходит в 3,5 раза больше названий книг и в 2 раза большими тиражами, чем в Северной Осетии.

Теперь о положении в социальной и экономической сферах. По всесоюзным статистическим данным в 1975-80 годах среднегодовой показатель роста промышленного производства в Абхазии увеличился по сравнению с предыдущей пятилеткой на 9,6 процента, а в Грузии — на 8,3 процента. В 1980-85 годах этот показатель был равен соответственно 5,5 и 3,8 процента. Если до 1985 года выработка продукции на персонал одного промышленного предприятия в Абхазии несколько отставала от соответствующих данных по Грузии, то к 1985 году показатель по Абхазии составлял 24.570 рублей, а по остальной Грузии — 22.956 рублей. Динамика розничной торговли на душу населения в Абхазии и в остальной Грузии выглядела так: за 1970 год — 564 и 490 рублей, за 1975 год — 777 и 654 рубля, за 1980 год — 1047 и 856 рублей, за 1985 год — 1262 и 1023 рубля.

За 1940-85 годы объем общественного питания на душу населения возрос в Абхазии в 20 раз, в Аджарии — в 12 раз, в Тбилиси — в 12,5 раза, в целом по Грузии — в 16 раз. Среднегодовой денежный доход жителей Абхазии в 1985 году составлял 1549 рублей, а в остальной Грузии — 1486 рублей. К 2000 году этот показатель возрастет соответственно на 154,9 и 117,9 процента.

В последнее время советской бюрократии (как административной, так и научной) предъявляется масса обвинений, как правило, совершенно справедливых. Однако постепенно мы привыкли к разговорам о преступлениях чиновников и временщиков, так что слушатели и читатели уже не воспринимают и не осознают должным образом эти обвинения. Поэтому считаю необходимым особо подчеркнуть, что абхазско-грузинские конфликты инспирированы безмерно размножившимися в совет-

ский период абхазскими бюрократами-функционерами и бюрократами-учеными.

«Абхазское письмо», 1988; «Лыхненское воззвание», 1989; выступление В. Ардзинба на Первом съезде Верховного Совета СССР, 1989; упомянутое уже выступление А. Гогуа в круглом столе журнала «Дружба народов», 1989, № 5; его же выступление на пленуме Союза писателей Абхазии; статья А. Бигумаа в журнале «Вопросы литературы», 1989, № 6 и другие убеждают, что цель их авторов — отнюдь не служение абхазскому народу, а отстаивание собственных чиновничьих интересов.

Это совершенно очевидно не только для грузин, но и для самих абхазов. Так, писатель Фазиль Искандер, категорически отказавшись подписать «Абхазское письмо» и «Лыхненское воззвание», без обиняков заявил в «Правде» (3.IV.1989), что главной причиной современных советских этнокризисов являются происки бюрократов: «Дело в том, — писал Ф. Искандер, — что мы создали в республиках громадные слои управленцев, куда стремится попасть любая посредственность... но среда управленцев не может вместить всех желающих...».

А вот текст его телеграммы, посланной Первому съезду народных депутатов, в газете «Литэратурули Сакартвело»: «Поглубоко принципиальным соображениям я не подписал «Лыхненское воззвание» об отделении абхазов. Идеи обособления народов всегда губительны для этих народов. Надо не сеять иллюзии о мифической независимости, а уточнять и углублять подлинную автономию».

Итак, самый знаменитый из современных абхазских писателей в вопросе решения абхазской проблемы выступает единомышленником грузинской интеллигенции. Он также придерживается мнения, что необходимо не отделение Абхазии от Грузии, а «уточнение и углубление» автономии.

Исторически в этом регионе никогда не наблюдалось признаков межэтнического конфликта. Именно поэтому поныне ученые не могут окончательно решить вопрос, проживала ли в Абхазии до XVII столетия негрузинская этническая группа, или же этот регион, как и вся Колхидская низменность и юго-западный Кавказиони были населены этническими грузинами и только позднее сюда переселился народ адыгейского племени.

Согласно всем историческим источникам, Абхазия является органической частью Грузии. Были, разумеется, прецеденты феодальной раздробленности и обособленности, но и в

то время в культурном и религиозном отношении Абхазия была неотделима от Грузии. Грузиноязычной является вся средневековая абхазская культура. Надписи на храмах и церквях только на грузинском и греческом языках. Наличие же исторических следов абхазского языка и культуры на этой земле не находит абсолютно никакого подтверждения. Лишь в XVII веке появляются сведения, что северо-западнее реки Кодори живет народ, говорящий не по-грузински.

Исходя из этих исторических данных, возникла гипотеза о том, что на рубеже XVI—XVII веков в Абхазии (в условиях крайнего ослабления Грузии в результате вторжения внешних врагов) имели место процессы, по характеру аналогичные наблюдавшимся тысячелетием раньше в современных Гурии и Аджарии, где, как известно, до V—VI столетий жили лазы. Затем произошло вторжение других грузинских племен, главным образом месхов, в результате чего в регионе утвердился язык месхов (грузинский), а язык лазский (мегрельский), оказался забыт. Поэтому у значительной части жителей Гурии и Аджарии до сих пор сохранились фамилии мегрельского типа. Таким образом, картские племена раскололи мегрелоязычный мир на две части: живущих в Колхидской низменности и на территории современной Турции.

Не исключено, что подобные процессы наблюдались на крайнем севере территории, населенной лазами, то есть на территории Абхазии. Но если в первом случае одно грузинское племя было ассимилировано другим грузинским племенем, то в Абхазии над грузинским этносом одержал верх адыгейский. Тотальное смешение абхазов и грузин (независимо от того, когда это случилось — в XVII веке, раньше или позже) подтверждается хотя бы тем, что почти у половины нынешних абхазов грузинские (в основном лазско-мегрельские) фамилии. Абхазские ученые не в состоянии дать этому объяснение, поэтому всячески скрывают, сколько процентов абхазов носят грузинские фамилии. Также не любят они упоминания об адыгейце Инале, который, согласно легенде, на рубеже XVI—XVII веков привел свой народ с Северного Кавказа в Апсны (что по-абхазски означает «страна души»).

Одним словом, спорно аборигенство не грузин, а племени апсуа в Абхазии. Но независимо от того, как давно живет на этой земле народ апсуа, оно сформировалось здесь как нация и больше нигде не имеет родины. Это отлично сознает грузинский народ, поэтому никто никогда не выдвигал требования ликвидации автономии, хотя абхазы обвиняют грузин и

тегорически требовали, чтобы Абхазия навечно оставалась в пределах Грузии.

Поскольку абхазские сепаратисты не могут отыскать в истории оправдания своим вылазкам, то и начинают разговор с взаимоотношениях грузинского и абхазского народов с 1918 года, когда правительство демократической Грузии подавило кровавый большевистский бунт в Сухуми. Абхазские демагоги вопреки всем фактам объявляют, что эта историческая акция была направлена против абхазского народа, и, естественно, не жалеют бранных слов и проклятий в адрес грузинских «палачей». Но умалчивают о том, что меньшевистское правительство подавило бунты и в чисто грузинских регионах, например, в Душети и Верхней Имерети. Да и какое законное, избранное демократическим путем правительство не предпримет меры по защите своей власти и единства страны. А ведь это общезвестный факт, что сухумская большевистская коммуна (7 апреля — 17 мая 1918 года) была установлена шедшим из Трапезунда русским военным кораблем, поддержанным дислоцированной близ Сочи IX Красной Армией. Коммуну насадили кровью и мечом, а не «мирно, по требованию народа».

Вот те «неисчислимые, не поддающиеся описанию трагедии, которые грузины на протяжении многих веков обрушивали на абхазов».

И в первую очередь они указывают на «двух главных грузинских шовинистов» — И. В. Сталина и Л. П. Берия, которые, оказывается, развязали невиданный в истории террор главным образом против абхазского народа.

В последнее время против Сталина и Берия измышляются фантастические и омерзительные обвинения. Вспомним хотя бы сплетни, распространяемые о матери, жене и дочери Сталина. Однако до сих пор никто, кроме абхазов, не объявлял их грузинскими националистами. Наоборот, начиная с Хрущева и до сегодняшнего дня, все в один голос повторяют, что, несмотря на свое грузинское происхождение, оба были проводниками великорусского шовинизма.

В итоге выдвигаемые абхазами в различных вариациях претензии можно свести к трем обвинениям:

1. Мы превратили Абхазию в основной полигон террора 20—50-х годов.

2. Из-за нас абхазы стали меньшинством на своей родине.

3. Мы ликвидировали национальные школы, в результате чего очень многие абхазы сегодня не знают родного языка.

Первое обвинение не заслуживает серьезного внимания. Следует только напомнить, что безнравственно преступления, совершенные двумя предателями, проклятыми грузинским народом, приписывать всему народу. Абхазам прекрасно известны официальные данные, из которых выясняется, что десятки народов испытали на себе куда более тяжкий сталинский террор, нежели тот, который выпал на долю абхазского народа, и что одним из наиболее пострадавших является грузинский народ — истреблена большая часть нашей интеллигенции, ее цвет, уничтожены десятки тысяч ни в чем не повинных людей. О том, как Берия «защищал» грузин, свидетельствует хотя бы одно из его последних преступлений — «мегрельское дело». Берия не щадил ни грузин вообще, ни жителей своей родной провинции, говорящих на его родном мегрельском языке.

Давно замечено, что наиболее непреклонными сталинистами оказываются те, кому посчастливилось избежать непосредственной встречи со сталинской репрессивной машиной. Те же, кто своими глазами видел тюремные изоляторы и бараки ГУЛага, никогда не станут сталинистами. То же относится и к целым народам. При жизни вождя тихие проклятия слали ему чеченцы, ингуши, калмыки, крымские татары, кабардинцы... Абхазы же... «У нас в Абхазии к Сталину особое отношение. У нас был свой роман с ним. Недаром говорят, что абхазец, как только его отрывают от груди матери, норовит вцепиться в усы Сталину».

Эти слова принадлежат Фазилу Искандеру («Вопросы литературы», 1989, № 5, с. 49). Но возникает вопрос, в чем причина особого отношения абхазов к Сталину? Ведь уже тогда сознательно умножались ряды абхазских бюрократов, для чего им создали автономную республику, хотя столь немногочисленным народам в лучшем случае даровался округ.

Теперь о втором обвинении, касающемся того, что в своей автономной республике абхазы составляют всего 17 процентов населения. Но при этом умалчивается о том, что усиление миграционных процессов было одним из основных направлений глобальной имперской политики, имевшей целью ускорение ассимиляции всех советских нацменьшинств. Как итог возникали трагические этнокризисы в целом ряде союзных республик, о чем говорилось выше. В автономных образованиях этническая ситуация еще более трагична, но прежде чем рассмотреть создавшуюся в автономиях межнациональную ситуацию, задам такой вопрос: выиграл ли грузинский народ от

имевшей место в Абхазии в течение советского периода иммиграции? Сюда ведь поселили много разных народов (главным образом русских и армян), в результате чего доля грузин в населении Абхазии, составлявшая, согласно переписи 1926 года, 56 процентов, в дальнейшем снизилась почти до 40 процентов. Если Сталин и Берия замыслили аннексию Абхазии Грузией, разве они допустили бы такое?!

Пополнение населения Абхазии за счет других регионов Грузии в 40-е годы — бесспорный факт. Однако в то время это был глобальный процесс, вызванный волонтаристской политикой советского руководства. Горцы Грузии селились в низменных районах, что привело к обезлюдению гор. В течение последних трех десятилетий грузины вообще не селились в Абхазии, иммиграция же негрузин продолжается и сейчас. Но это почему-то не тревожит абхазов. Они сетуют только на увеличение численности грузин. А ведь за советский период численность армян в Абхазии возросла в 3 раза, а русских — в 7 раз. Если бы после 1926 года вообще не происходил рост грузинского населения, все равно доля абхазов в автономной республике сегодня не превысила бы 24 процента.

Абхазы пытаются создать впечатление, что только их численность так снизилась в родной автономии. Но это не так.

Из тридцати одной автономии РСФСР лишь в трех коренной народ превышает по численности половину населения. Одним из таких исключений является Дагестан, где общая численность нескольких десятков коренных народов превышает численность русского населения, хотя русские превосходят по численности каждый коренной народ в отдельности. Второе исключение — Тувинская автономная республика, захваченная Россией в 1944 году, однако на сегодняшний день тувинцы составляют уже чуть больше половины населения. По данным 1987 года, из 289 тысяч жителей автономии тувинцы составляли 162 тысячи. Так что подлинным исключением можно признать только Чувашию, из 1 миллиона 330 тысяч жителей которой 888 тысяч — чувашаи.

А какова ситуация в остальных 28 автономиях? Начнем с автономных республик. Многомиллионный татарский народ составляет в своей автономии приблизительно 45 процентов, северные осетины — 46, чеченцы — 48, марийцы — 43, кабардинцы — 39, якуты и мордовцы — по 33, калмыки — 36, удмурты — 30, башкиры и каракалпаки (имеющие автономию в составе Узбекистана) — по 25, коми и буряты — по 23, ингуши — 12, карельцы — 10, балкарцы — 9.

Это все народы, более многочисленные (в пять, десять и даже в сорок раз), чем абхазы, имеющие автономную республику.

Теперь о том, какова картина в автономных областях. Народы, примерно равные по численности абхазам, имеют именно автономные области. В 20—30-ые годы, когда создавались автономии, абхазы даже уступали этим народам по численности, но затем она возросла, чего нельзя сказать о народах, живущих в пределах РСФСР.

Адыгейцы в своей области составляют приблизительно 20 процентов, черкесы — 9, карачаевцы — 22, алтайцы — 36, только один народ преобладает в своей области (ныне уже бывшей) — это южные осетины — 65 процентов (что является абсолютно лучшим показателем среди советских автономий).

Что касается автономных округов, то здесь ситуация катастрофическая. Эвенки в своем округе составляют 14 процентов, коряки — 12,5, ненцы — 12, хакасы — 11, чукчи — 7, эвены — 6, ханты — 0,9, манси — 0,5.

Почти во всех автономиях подавляющее большинство русских поселилось в советский период, особенно в последние два-три десятилетия.

Но существует еще несколько десятков народов, вообще не имеющих никакой автономии, хотя живут они на своей исконной земле (вспомним хотя бы родственников абхазам абазов). Так почему не помнят о них те, кто столь озабочен судьбой абхазов и осетин (только южных)? Кстати, численность абхазского народа за последние 110 лет увеличилась в пять раз, хотя, как известно, для него нехарактерна высокая рождаемость. К тому же, абхазы занимают первое место по средней продолжительности жизни.

Теперь сопоставим динамику роста численности абхазов, с одной стороны, и коренных народов других автономий и народов, лишенных автономии, с другой.

У абхазов один из самых высоких в Советском Союзе показателей роста населения. Их численность после 1926 года почти удвоилась. В этом отношении они уступают только узбекам, азербайджанцам, таджикам, киргизам, туркменам и некоторым, а точнее, пяти самым многочисленным народам Дагестана. Численность относительно малочисленного дагестанского народа — царехов в советский период даже сократилась.

Интенсивнее абхазов росла численность только ряда мусульманских народов, характеризующихся исключительно высоким показателем рождаемости. Абсолютное же большинство

народов уступает абхазам. Численность некоторых народов (калмыков, алтайцев, коми, марийцев и других) за годы советской власти осталась без изменений или значительно снизилась (мордовцев, финнов, карелов и других). Снижение численности народов, вызванное эмиграцией, не учитывается.

На первый взгляд не так уж много пострадавших народов, однако налицо следующие обстоятельства.

1. Рост численности большинства советских народов в основном обусловлен благоприятной демографической ситуацией 20—50-х годов. На протяжении последних двух-трех десятилетий темпы рождаемости у абсолютного большинства народов настолько снизились, что можно смело утверждать — рост их численности прекратился. После 1970 года почти не увеличилась численность нескольких народов, которые 20 лет назад в 4—7 и даже в 10 раз превосходили в этом отношении абхазов. Это, в частности, марийцы, удмурты, корейцы, болгары, коми и многие другие. Темпы рождаемости этих народов ныне в десять и более раз ниже, чем соответствующие показатели абхазов.

2. Сравнивая абхазов с численно многократно превосходящими их народами, нельзя забывать, что чем многочисленнее народ, тем сильнее у него инстинкт самосохранения. Поэтому, для того, чтобы получить максимально объективную картину, темпы роста численности абхазов надлежит сопоставить с аналогичными показателями народов, численность которых в 20-ые годы, подобно абхазам, составляла десятки тысяч, но не превышала 50 тысяч. Таково абсолютное большинство народов Дальнего Востока и Крайнего Севера. Какова же динамика роста их численности? У некоторых из них (эвенков, хантов, ительменов, кетов, тофаларов) по сравнению с 1926 годом она снизилась, у других же (чукчей, коряков, манси, нивхов, саами, удэгейцев, эскимосов) осталась без изменений. У ряда народов (ненцев, эвенов, нанайцев, долганов, селькупов, ульчей, очоров) несколько увеличилась. Однако примечательно, что этот рост наблюдался до 1970 года. На протяжении последних 20 лет он прекратился (численность селькупов даже снизилась).

Теперь, что касается абхазских школ. Но прежде напомним, что национальные школы были ликвидированы во всех российских автономиях, а также в большинстве союзных республик. Учителей и учащихся наказывали за то, что они говорили на родном языке, сжигали учебники... Так вот — лик-

видация школ, в том числе абхазских, была одним из главных этапов ленинской национальной политики.

Всем хорошо известно также, что в большинстве российских автономий (в том числе и на Северном Кавказе) молодежь вообще начисто забыла родной язык. В Абхазии в этом отношении положение гораздо лучше. Тем более, что по официальным данным, грузинским языком владеет всего один процент абхазов. А то, что грузинский народ способствовал сохранению абхазского языка, культуры, национальных школ — общеизвестный факт.

Но и за свой язык, школу, традиции, за сохранение себя как нации грузины боролись неотступно. Так было в 1976 году, когда благодаря блестящему выступлению Реваза Джапаридзе и сплоченности всего общества была сорвана попытка русификации грузинских школ. Так было и в 1978 году, когда мы не позволили лишиться наш родной язык конституционных прав. В результате во всей республике, а следовательно, и в Абхазии и в бывшей Южной Осетии центр вынужден был проводить несколько более лояльную политику. После 1978 года абхазский язык обрел статус государственного.

В 40-е годы в школах Абхазии началось преподавание естественных дисциплин на грузинском языке, но разве грузинский язык занял место абхазского? Абхазских школ (то есть школ с преподаванием на абхазском языке) никогда не существовало, грузинский язык заменил русский, к тому же после этой реформы было увеличено число часов, отведенных на изучение абхазского языка и литературы, что подтверждается сохранившимися методическими пособиями.

В отличие от коренных народов российских автономий абхазы и южные осетины имеют — и имели в прошлые десятилетия — возможность обучать своих детей в национальных школах. В 1976/77 учебном году функционировало 25 абхазских школ. Кроме того, были смешанные абхазско-русские, абхазско-грузинские и абхазско-грузинско-русские школы. В настоящее время действуют 73 абхазские школы (включая школы с абхазским сектором), в которых обучается 4120 учащихся, но большинство их — 11583, или 70,5 процента, учатся в русских школах, ибо таково желание их родителей.

В Абхазии и «Южной Осетии» даже десять лет назад, в самый разгар застоя, было 80 национальных школ. В настоящее время в Грузии до 100 осетинских школ, из них несколько в Лагодехи, Тбилиси, Боржоми, Карели, Кварели.

Постоянно обрушиваясь на грузинское освободительное дви-

жение, абхазские и осетинские лидеры «не замечают» крайне реакционных сил метрополии, тех, кто объявляет, нацменьшинства злыми духами, гнездящимися в теле России (Россия, разумеется, означает весь Советский Союз) и призывает к дедатанизации отечества, к драке с драконом, совершенно недвусмысленно угрожает нацменам, делает все для того, чтобы восстановить русский народ против них.

Опасность в самом деле велика. К сожалению, нет возможности здесь подробно представить высказывания на этот счет, ибо для этого пришлось бы написать целую книгу.

В качестве примера приведу лишь одну публикацию из журнала «Наш современник» (1989, № 6), автор которой доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник НИИ государства и права Галина Литвинова.

Статья Г. Литвиновой, которая называется «Старший или равный, начинается с утверждения, что хотя Россию и называют первой среди равных, «эта «первая» давн уже не представляется таковой» (с. 10). Задача автора в том, чтобы наметить пути, как сделать Россию «первой» не на словах, а на деле. Затем следует утверждение, что Россия слишком много «отдает» другим республикам, не получая от них ничего. В подтверждение приводится множество статистических данных, которые, как доказал узбекский исследователь Н. Тухлиев («Литературная газета», 1989, № 43), от начала до конца фальсифицированы.

Г. Литвинова не скрывает возмущения, что таджики и казахи «в своих республиках» (выражения «свои республики», «их родина» Г. Литвинова везде заключает в кавычки) слишком напирают на высшее образование.

Затем следует категорическое требование (к этому автор возвращается несколько раз) о необходимости еще более оживить миграционную политику, с тем чтобы добиться преобладания русских во всех неславянских республиках.

Г. Литвинову особенно возмущает то обстоятельство, что резко возрос естественный прирост казахов, киргизов, туркмен и других азиатских народов. Но резко снизился прирост русских, украинцев и белорусов (с. 14). В результате, если в 1913 году славяне составляли в Российской империи почти 83 процента, то к 1988 году этот показатель снизился до 61,5 процента. Г. Литвинова категорически требует исправления этой «возмутительной несправедливости».

Такого рода публикации то и дело появляются в прессе, но ни абхазы, ни осетины их почему-то «не замечают», как и

многочисленные растущие в России, как грибы, шовинистические и фашиствующие организации, никаких аналогов которым в Грузии нет...

34135340
8084110333

* * *

Закончить все же хочется на оптимистической ноте. Дело в том, что среди русских людей растет число тех, кто понимает, что Россию до ее нынешнего положения довела имперская захватническая политика, что по примеру европейских держав, поработанным народам надо наконец дать право на самоопределение и заняться решением тяжелых проблем самой России.

Бедь ныне живут нормально лишь те народы, которые отказались от закабаления других народов. Раз это осознает все больше людей и в России, значит, постепенно силы, поощряющие абхазских, осетинских да и других сепаратистов, будут таять. Такова логика истории!

1990 г.

К 150-летию со дня смерти
Соломона Додашвили

«РАДИ ЛЮБВИ К ОТЧИЗНЕ»...

Письмо к Ионе Хелашвили¹.

Высокопочтимый наставник и благодетель мой, Иона!.. 17 июля в Университете имели место всеобщие испытания воспитанников Благородного пансиона, на котором присутствовал министр и многие другие влиятельные и именитые люди. Це-

---

¹ Иона Хелашвили — один из ярких представителей грузинской общественной мысли первой половины XIX в. Окончив Александровскую духовную академию, был посвящен в сан священника, став затем духовником многих грузин, живших в Петербурге. По его совету С. Додашвили поступил не в Духовную семинарию, а в Петербургский университет, в стенах которого он созрел как ученый и общественный деятель.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты эпистолярного наследия одного из выдающихся деятелей грузинской культуры Соломона Додашвили (1805—1836), за свою столь короткую, но активную, насыщенную общественно-просветительской деятельностью жизнь успевшего зарекомендовать себя солидным ученым в разных областях культуры — в философии, истории, литературе, педагогике, языковедении, в переводе. Его можно смело считать и зачинателем грузинской журналистики — он был одним из основателей и редакторов первого грузинского журнала в Грузии «Литературный раздел «Тифлисских ведомостей».

ремония проходила так: при появлении министра раздались звуки труб и пение русской «Славы». Затем начались испытания, вначале по закону Божьему, а далее по статистике, риторике, русской словесности, истории России, римскому и гражданскому праву, математике, физике, военным наукам, латыни, немецкому и французскому языкам. После испытания по предметам священник магистр Малов вновь провозгласил «Славу». За сим воспитанники были приглашены вторично и их стали награждать за успехи книгами. Из тех, кто завершил курс обучения, шестерым был дан чин 10-ого класса, а четверем из них золотые медали. Восемь удостоились чина 12-ого класса. В завершение всего прозвучало прекрасное пение в сопровождении музыки. Так окончено было дело сие и люди разошлись восвояси.

Остаюсь Вашим послушным учеником,

Соломон Додаев

1826 г.

Ему же.

...Императорский университет это то высшее святилище учености, которое оценить тут невозможно. Трудности в овладении знаниями создают малочисленность учащихся. Посему экзамен всем им проводится в правлении Университета, находящемся на Васильевском острове в 6-ой линии, где проживают и профессора, и управляющий Университетом. В те два месяца каникул все они были не у дел, да и никого из учащихся со мной тоже не было в Университете; в силу чего обстоятельства мои также изменились, поскольку подал я прошение разрешить мне сдачу экзаменов. Посему занимаюсь, го-

---

Эпистолярное наследие С. Додашвили отражает широту кругозора и разносторонность интересов этой незаурядной личности, а также высвечивает и сферу грузино-русских отношений его эпохи.

Публикуемые фрагменты его писем содержат сведения и о состоянии дел Петербургского университета в 30-х годах XIX века и о высоком уровне знаний, которые постигались студентами. Прилежание и большое влечение к изучению наук, помноженные на природную одаренность, позволили С. Додашвили уже в год окончания университета (1827) стать автором выдающегося философского исследования «Логика». Этот труд

товясь к испытаниям, которые и будут проведены здесь же...
...Милостивый государь мой, каждому хочется жить на
родной земле. Так же и я мог бы жить в Грузии моей и только
любовь к Отчизне пробудила мой разум, дабы для нее и к ее
пользе посвятил я себя нелегкому труду прилежания и пости-
жения мудрости наук, послужив тем самым ей. Хотя ныне все
мои стремления зиждутся на теоретических истинах, практи-
чески они смогут осуществиться, в свое время, под Вашим
руководством. А посему смею я сказать: труд мой и прилежа-
ние не для меня самого пригоден, не для собственного блага, но
ради любви к Отчизне, дабы Европа когда-нибудь смогла при-
знать Иверию за достоинства ее творений...

Всегда Ваш, Соломон Додаев,

ноябрь 14, 1826 г.

Филадельфосу Кикнадзе².

...Вы спрашиваете о моей жизни в Храме, освещенном
светом знаний и учености, именуемом Императорским универ-
ситетом. Третий год уже, благодарение Господу, проходит ус-
пешно. Близится завершение курса предметов, коих и не счесть,
в будущем январе. Благородное училище откроется в 1827 г.
Попечитель университета представил меня министру просве-
щения в качестве старшего преподавателя философии и рито-
рики на русском языке. Если Богу будет угодно, быть может,
министр направит меня в Тифлис. Но пока я не желал бы
ехать, не в своих личных интересах, а по другим важным со-
ображениям. Когда же мне удастся осуществить свои замыс-
лы, волею власть предержащих, тогда и сообщу Вам об этом.

---

² Филадельфос Кикнадзе, иеромонах, передовой обществен-
ный деятель Грузии, участник заговора 1832 г.

удостоился ряда хвалебных рецензий в русских журналах тех
лет и не утратил своего значения даже для исследователей на-
шего времени.

Огромную роль сыграл С. Додашвили в истории разви-
тия грузинской философской науки. Будучи своеобразным про-
водником философских идей Европы, он явился и вдохновите-
лем грузинского вольтерианства.

Формирование его гражданских позиций и мировоззрения
проходило под влиянием русской прогрессивной мысли. Еще
студентом, оказавшись свидетелем событий на Сенатской пло-
щади 14 декабря 1825 года, он воспринял свободолюбивый дух

Посему желал бы я, чтобы Вы оставались в Грузии, что нужно для пользы Отечества и чего не случится, если меня определит туда, куда им желательно...

Слуга Вашего высокого достоинства, действительный студент Императорского университета,

Соломон Додаев.
декабря 20, 1826 г. С-Петербург

К Ионе Хелашвили.

Высокочтимый отец Иона! Милостивый государь!

В день субботний, отбывши восвояси, впал я в печаль великую от разлуки с Вами, и слезы лились мои два дня кряду. Скорбел я от того, что о благоденствии моем Вы уже не могли печься ежечасно. На десятый день, в воскресенье прибыл я в Новгород. Дабы не распространяться долго, скажу, что чудом уцелел. Имея несчастье связаться с подслеповатым ямщиком, направившим лошадей в придорожную канаву, я едва успел выскочить из перевернувшегося экипажа. Бедняга-ямщик, тоже оставшийся невредимым, опасаясь подзатыльников, со страхом приблизился. Позвав людей на помощь, он привел все в порядок, и, сложив поклажу в экипаж, мы двинулись в путь. Лишь на следующий день удалось починить передок и заменить колеса. Молитвами Вашими, прибыл к месту.

И дивился я нравам местного люда в пути. Поскольку не мог я отлучаться от повозки, присматривая за поклажей, когда мучимому жаждой, мне приходилось просить пить, то никто не трогался с места до тех пор, пока я не платил за стакан воды по 10 копеек. Так было повсюду и тогда, когда приходилось менять колеса или разжигаться кипятком, за который брали уже по 40 копеек за стакан. И это русские, и христиане?! На мой вопрос, отчего это так, они ответствовали, что как

декабристов. С. Додашвили исповедовал национально-освободительные идеи устройства в Грузии республики. Как самое дорогое хранил он копию предсмертного письма К. Рылеева к жене и его же «Исповедь Наливайко» в переводе Гр. Орбелиани. При аресте его за участие в заговоре 1832 года против колониальной политики царизма в Грузии эти документы сыграли роль отягчающего вину обстоятельства. Сосланный в Вятку, молодой ученый и общественный деятель погиб там от чахотки в возрасте тридцати одного года.

**И. БАХТАДЗЕ,
Н. ДИМИТРИАДИ**

православные усматривают в делах путешествующих лишь их неверие и суетность... Сегодня, июня 2-ого я уже в Москве. Хотел остановиться у царевича Баграта, но ямщик поехал не в ту сторону и дома его мы не отыскали. Подъехав к особняку царицы, справился вначале, можно ли остановиться там. Ответили — можно. Любезно принимала меня ее величество, вместе с Окропиром и Тамар, почтив беседой. Илья же с домочадцами пребывал в летнем доме, куда в тот же день намеревалась отправиться и царица.

Священник Димитрий шлет Вам поклон низкий, также как и все остальные здесь пребывающие, являя свое уважение и любовь к Вам.

Перевод Большого русского катехизиса отца Тарасия уже печатается, поскольку архиепископ Доситеос одобрил его и убедил Павского дать свое разрешение. Других новостей нет. Филадельфос находился здесь месяц в заключении и сослан в Нижний Новгород, что весьма печально. Но если Богу будет угодно, то может, Он и вызволит еще его из беды.

Кланяюсь Адаму Гирсиеву и другим, с любовью. Завтра снова отправляюсь в путь*. Мир Вам, отец мой духовный.

Додаев. 1827, июня 2.

Москва.

Ему же.

Милостивый государь, отец Иона!

После приема членов Императорского Харьковского университета (о котором я уже писал Вам оттуда), на следующий день после полудня состоялось Торжество Слободянской украинской гимназии в Университете, где главноначальствующим его Преосвященство, а вторым — ректор Университета Иван Яковлевич Кронберг. Меня они почтили приглашением, хотя я никакими своими достоинствами этого не успел заслужить, несмотря на те добрые слова, которые адресовал мне ректор перед собравшимся обществом. Едва вошел я в залу, ко мне сразу же поспешил инспектор гимназии. Мое намерение усесться незаметно не удалось. Ректор указал мне на место рядом с собой. Собрание было весьма многочисленным, из особ обоего пола состоявшим. Князь Александр Рифсимас также был среди них.

---

* Письмо написано в дороге, по пути в Грузию, куда С. Додасвили возвращался, стремясь осуществить обширные планы просветительского и общественного характера, направленные на благо духовного и культурного возрождения Грузии.

Торжество началось прекрасным звучанием хора певчих. После концерта один из преподавателей возгласил по-латыни оду о любви к Отечеству. Далее читали из богословия, русской риторики, латыни, греческого, немецкого и французского, математики, истории, географии и физики. В завершение всего зазвучала музыка (инструментальная. — **Переводчики**), под которую лучшим учащимся вручались разные награды: медали и аттестаты. Под конец преподаватель артиллерии выступил со словом о значении воинства в государстве. Засим, вновь пели певчие. Так закончился этот торжественный акт... Все присутствующие остались довольны услышанным, и я с ними вместе.

По окончании всего ректор встал и поклонился Его Пресвященству, а меня, подав руку, спросил, как понравилось все увиденное. Я ответствовал: «Божьей милостью, все сошло хорошо». Ректор пригласил чего-нибудь выпить, после в своей коляске отвез меня домой. По дороге говорил я с ним о нуждах Отечества нашего в знаниях и просвещении. И сказал он мне: «Старайся для блага Отечества и доброго имени своего. Что попросите исполним для вас, преподавателей из университета пришлем. Пиши мне лично обо всех трудностях, приложу все усилия, чтобы оказаться полезным вам. Я уже доложил директору о тебе». Во время чтения из философии меня спросили о Вас, просвещен ли он и где обучался. Ответил, что Вы в Академии Невского монастыря прошли полный курс и живете у ее величества царицы Мариам, что много сочинений Вами написано, указал названия тех из них, которые оказали влияние на меня, обогатив мои знания и укрепив любовь мою к Отчизне.

Не гневайтесь на меня, что не пишу о полном успехе экзаменов. Все прошло хорошо, а если я и ощутил ошибки, то ни за что не стал бы говорить об этом...

Проводили меня из Харькова в четверг, ввечеру. Много раз ломалась наша бричка. А ведь мне не советовали ехать, просили повременить несколько дней. Но приведя причины веские, я уехал, желая поскорее завершить путешествие.

Ваш духовный сын Соломон Додаев.

Р. S. После Харькова я проехал города Чугуев и Изюм, Бахмут, Екатеринослав, Ростов и Нахичевань, где только что обосновались переехавшие из Крыма богатые армяне. Живут они благоденствуя. Помазанник Божий, Александр I останавливался там трижды.

Здоровье мое, Вашими молитвами, улучшается. Это уже

не то состояние, что было в Петербурге. Причина же скорого отъезда моего из Харькова — множество предстоящих дел, поездка в Кизики и, что немаловажно, от супруги губернатора московского везу какие-то вещи в Тифлис для передачи. И все же опаздываю.

Додаев. 1827, июля 9 дня.

Ему же.

Устроили мы типографию³ весьма хорошо оснащенную и с грузинским шрифтом к тому же. Приступили к печатанию «Грамматики» Вашей; думаю, с Божьей помощью, и «Лексикон» Ваш тоже увидит свет. И конечно же, ежемесячно будет издаваться Грузинский журнал — в году по 12 книжек. Очень прошу царевичей и их жен подписаться на журнал. В нем даже о моде грузинской будут сообщения. А цена на год — 26 рублей ассигнациями, наложенным платежом.

Царевна Варвара, дочь царя Баграта, велела кланяться. Дом ее и семья в добром здравии.

Имею надежду, что у себя (в Петербурге. — Переводчики) Вы сумеете отыскать подписчиков двадцать. А также прошу, чтобы находящимся там грузинам было известно — если есть у них какие-нибудь сочинения или размышления по разным поводам или о разных предметах, в стихах или прозе, то пусть пришлют для печатания в журнале. Так же прошу Оду Господу нашему, которая, как мне известно, переводилась царевичем Мирианом, переписать начисто и прислать в редакцию. Неплохо было бы получить список названий сочинений и переводов, сделанных грузинами, указав имена сочинителей и переводчиков. Хорошо бы расположить их по разделам: Богословие, Философия, История и прочие...

Простите, отец мой, за краткость и сухость этого послания.

Ваш духовный сын

С. Додаев 15.1.1831 г.

---

³ Речь идет о подготовительном этапе работы по выходу в свет грузинского издания еженедельной газеты «Тифлисские ведомости» и журнала — «Литературный раздел «Тифлисских ведомостей». Просуществовав немногим более года, журнал успел завоевать популярность.

„НЕ ЗАБУДУ ЕГО ДОБРОЕ СЕРДЦЕ...“

В Адигенском районе, в четырех километрах от Зарзмы, на левом берегу реки Квабловани, на пригорке, покрытом фруктовыми садами, раскинулось маленькое село Чела. Не так давно здесь еще проживал убеленный сединами старик, переваливший за девяносто лет. Это был Варлам Капианидзе. Он переселился сюда вместе с семьей из деревни Накиэти Онского района в декабре 1944 года. Живая летопись времени, — говорили о нем. Варлам и вправду многое видел и пережил, но самым памятным и заветным для него было время, проведенное подле Ильи Чавчавадзе.

Я был знаком с этим замечательным старцем, настоящим мастером, можно даже сказать, кудесником в приготовлении грузинских блюд. Он пользовался всеобщим уважением и признанием.

Вот что рассказал мне Варлам:

— Трудиться я начал с юных лет, когда отец отдал меня на службу одному торговцу — армянину в Тбилиси. Спустя немного времени я отправился в Россию вместе с нашими «российцами», как их тогда называли, и стал там подсоблять поварам-землякам. Полюбил это дело, хорошо изучил его и некоторое время работал поваром в разных городах России. В начале 1901 года из села пришла весть о болезни моей жены. Я оставил службу и вернулся в Накиэти. К счастью, жена скоро выздоровела, и я опять отправился искать работу, теперь уже в Тбилиси.

В один прекрасный день товарищ сказал мне, что Илья Чавчавадзе извещает в газете, что ему нужен повар. Я пошел к нему. Илья тепло принял меня, расспросил о житье-бытье, о том, умею ли я читать и писать. Затем позвал свою жену Ольгу и попросил ее обучить меня грамоте. Повернувшись ко мне, сказал: «Варлам, дорогой, вы, рачинцы, народ трудолюбивый, но необходимо вам и знание, научись грамоте, читай книги, газеты и журналы — и будешь знать, что на свете происходит».

Ольга, жена Ильи, была доброй женщиной. Она снабдила меня бумагой, пером, карандашами и принялась обучать грамоте. Благодаря такой учительнице, я быстро овладел грамотой.

Как-то, в воскресенье, будучи на базаре для покупки овощей и фруктов, я очутился около группы людей, которые что-то возмущенно кричали и размахивали красными флагами. В это время послышался крик: «Спасайтесь, городской идет». Конная полиция окружила толпу. Всех, включая меня, арестовали, потащили в четвертое полицейское отделение города. Там меня допросили, избили и, не уличив ни в каком преступном деянии, отпустили.

Дома меня встретил Илья и, почему-то улыбаясь, спросил о причине моего опоздания. Я подробно рассказал о случившемся. Он, оказывается, уже все знал и сказал мне: «То, что ты видел — только начало, мой Варлам, вот объединятся рабочие с крестьянами и в один прекрасный день свергнут царя». Тогда я не представлял себе, как же можно царя свергнуть! Не удержался и спросил: «Кто же скинет царя, батона Илья?». Он засмеялся и ответил: «Царя, мой Варлам, обязательно скинут». Когда в феврале 1917 года Николая свергли, я вспомнил слова Ильи.

Обычно Илья с утра шел в редакцию «Иверии». К обеду возвращался домой. После обеда закрывался в своем кабинете и несколько часов работал, не поднимая головы. Два года я прослужил у него. Илья платил мне 25 рублей в месяц, не обделял и вниманием. Я был доволен жизнью, но к сожалению, из-за болезни жены мне пришлось оставить работу и вернуться в деревню, хотя Илья, узнав об этом, посоветовал перевезти семью из деревни и лечить жену здесь.

Я все же решил ехать в родное село. Получив полный расчет, и сверх того — по пяти рублей от Ильи и Ольги, я сердечно попрощался с этими столь уважаемыми людьми.

Вернуться к ним я больше не смог. После выздоровления жены вместе с «россиянами» опять отправился на заработки в Россию. Там, в сентябре 1907 года, я узнал об убийстве Ильи. Для всех нас, кто тогда находился вдали от родины, вероломное убийство нашего великого поэта было большим горем.

Я очень горжусь тем, — закончил свой рассказ Варлам, — что жил и работал у Ильи. Никогда не забуду его доброе сердце и светлый ум, его заботу и внимание.

Ната Чхеидзе

...Ушла от нас Наталья Николаевна Чхеидзе — человек высокой культуры, редкой эрудиции, большой душевной стойкости и принципиальности, талантливый литератор...

Дочь известного политического деятеля Карло (Николая) Чхеидзе, Ната Чхеидзе получила прекрасное образование — окончила Преображенскую нозую школу в Петрограде, а затем, уже в 1927 году, — филологический факультет Тбилисского университета.

Первые же ее переводы (1929 г.) привлекли к себе внимание.

За долгие десятилетия нелегкого труда на стезе художественного перевода Ната Чхеидзе воссоздала на русском языке многие прозаические произведения таких известных грузинских писателей, как Давид Клдиашвили, Серго Клдиашвили, Шио Арагвиспирели, Шалва Дадиани, Демна Шенгелая, а также стихи Акакия Церетели, Галактиона Табидзе, Иосифа Гришашвили, Симона Чиковани и других. Профессионализм, бережное отношение к авторскому тексту, подкрепленное глубоким знанием обоих языков, отличают ее переводы. Немало сил и энергии отдавала она и общественной работе, и работе с молодыми литераторами. В течение долгого времени она была членом бюро секции перевода СП Грузии.

Интересны и содержательны были статьи Наты Чхеидзе по вопросам теории художественного перевода, вопросам искусства.

С 1957 года, с выходом первого же номера «Литературной Грузии», Наталья Николаевна стала постоянным автором и большим другом журнала. Нас, сотрудников редакции, связывали с ней узы искренней дружбы. В ее лице грузинская литературная общественность, грузинские писатели потеряли одного из достойнейших своих представителей.

**КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»**

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Ровас АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Ананда БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомина

Корректор Е. Сопромедзе

Сдано в набор 3.04.91 г. Подписано к печати 20.05.91 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1, Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5.000, Заказ 718. Цена 1 р. 30 к.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства «Самшобло», по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

1 руб. 30 к.

6108/77

ИНДЕКС 76117
საქართველოს
ბიბლიოთეკა

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ყურნალი
„ლიტერატურული გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საჭარხვედოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

—*—*—*—

«Литературная Грузия», 1991. № 3, 1—224

70.1-007